

СТИХИ И ПЕСНИ

ПО ГОЛОЛЕДУ

СТИХИ И ПЕСНИ

Евгений Башта

Михаил Малков

Александр Катохин (Матвеев)

Евгений Гуров

ПО ГОЛОЛЕДУ

Соловьиная трель

Са-Всероссийского фездаля авторской песни Соловьиная трель» верлись орловские барды Илья Малков и Евгений Гуров. Они «взяли» за из трех дипломов: второй и третий ступени. Их ответственность за это дело...

Курской области в писанном месте, где и река, и лес, я слышал в этой местности спелый соловей.

Евгений Гуров

БЛАГОДАРИМ
за предоставление материала
и за помощь
в издании этой книги
Нелли А. Башту
и Светлану Матвееву,
а также
Александра Володарского,
Павла Егупова,
Валерия Иксанова,
Елену Малкову,
Михаила Сероусова
и Людмилу Столярову.

Ed. Cause

H. Miller

Abraham

Ed. Miller

*Евгений Башта
Михаил Малков
Александр Катохин (Матвеев)
Евгений Гуров*

ПО ГОЛОЛЕДУ

Стихи и песни

Москва · 2019

Составитель, редактор
Михаил Малков
Корректор
Юрий Грачев

Башта Е. В., Малков М. Я., Катохин (Матвеев) А. В., Гуров Е. В.

ПО ГОЛОЛЕДУ. Стихи и Песни/Е. В. Башта; М. Я. Малков; А. В. Катохин (Матвеев); Е. В. Гуров; [сост. Мих. Малкова, предисл. М. Альховского]. — М., 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-00077-882-1

Давным-давно жили-были в Орле четыре друга, четыре поэта, четыре судьбы — Евгений Башта, Михаил Малков, Александр Катохин (Матвеев) и Евгений Гуров. Вы держите в руках уникальную книгу — их совместное обращение к публике после долгих лет молчания, первое совместное и самое полное издание их стихов и песен.

Четыре автора пишут песни, будто ставят спектакль, будто снимают авторское кино. Каждый по-своему. Сборник составлен таким образом, что тексты всех четверых даны вперемежку и объединены тематически (но не сгруппированы по времени написания) — примерно так, как они пелись на концертах и квартирниках, когда каждый из авторов дополнял друг друга.

Песни в формате mp3 можно послушать на сайте www.bards.ru, а также скачать по QR-коду.

ISBN 978-5-00077-882-1 © Евг. Башта. Тексты. Наследники

© Мих. Малков. Тексты. 2019

© А. Катохин (Матвеев). Тексты. Наследники

© Е. Гуров. Тексты. Наследники

Оглавление

Предисловие. Михаил Альховский	16
НАГОВОРНАЯ. Евгений Башта	33
ЧЁРНО-БЕЛЫЙ. Михаил Малков	36
ЛЕВША. Евгений Гуров	38
ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП. Александр Катохин (Матвеев).	41

МЫ РОЖДАЛИСЬ ПОД ГРОХОТ ФАНФАР

«Не по Фрейду росли, не по Ницше...» <i>Евгений Башта</i>	44
«Я взял топор, топор войны и положил обратно...» <i>Евгений Гуров</i>	45
Родина. <i>Александр Катохин</i>	47
Осторожный Тимошка. <i>Александр Катохин</i>	49
Русь изначальная. <i>Евгений Башта</i>	50
Молитва Петра. <i>Евгений Башта</i>	52
Посадский плач. <i>Александр Катохин</i>	53
«Едва прохрипел во дворе петушок...» <i>Евгений Гуров</i>	54
«Однажды большую боярскую думу...» <i>Евгений Гуров</i>	56
Емелины напевки. <i>Евгений Башта</i>	58
Ванька. <i>Евгений Башта</i>	61
Душа летела. <i>Евгений Гуров</i>	64
Рождение сатаны. <i>Александр Катохин</i>	65
«Говорят в народе мол — вот те на...» <i>Михаил Малков</i>	66
Тридцать седьмой. <i>Евгений Башта</i>	68

«Запорошил слегка снежок...» Александр Катохин	70
«Вместе с горьким дыханием укропа...» Евгений Гуров	71
«Мы родились под грохот фанфар...» Евгений Башта	73
«Звездные ночи звенят мечами...» Евгений Гуров	74
Пир во время чумы. Александр Катохин	76
Страшная история. Евгений Башта	77
Дедок. Александр Катохин	79
Памятник. Александр Катохин	81
Деятнадцатый год. Евгений Башта	82
Циклоп. «В советском совхозе «Сто лет до Потопа»...» Евгений Гуров	83
«Люблю страну Советов...» Евгений Башта	85
Зодчие. Евгений Башта	88
Баллада о канарейках. Евгений Башта	90
Юбиляр. Михаил Малков	91
«Конечно, страшно умирать...» Евгений Башта	93
Сенека. Михаил Малков	94
Невероятные истории... Малков и Сенека. Евгений Гуров	96
Песенка ни о чем. Евгений Башта	97
Песенка передового шахтера. Александр Катохин	98
«В ее глазах сгущался сумрак ночи...» Евгений Гуров	99
Песенка о моём соседе. Евгений Гуров	100
Полонез Огинского. Александр Катохин	102
«Есть сосед у меня — сущий гад...» Евгений Башта	103
«Прошло три недели с последней попойки...» Михаил Малков	104
Телега. Михаил Малков	106
Невероятные истории... Раннее творчество. Евгений Гуров	108
Ёлочка. «Зима была суровая...» Евгений Гуров	109
«Сижу на лавочке, читаю де Бальзака...» Евгений Гуров	112
«Как сварился в кипятке — значит — царь...» Евгений Башта	114
Про голого короля. Евгений Башта	115
Город счастливых рабов. Евгений Башта	116

«Мы дети атаки, так и не знавшей победы...»	
<i>Евгений Баишта</i>	117
«Нам не нужно знать, мы давно прошли...» <i>Евгений Баишта</i> . .	118
«Кровавая мера новой потери...» <i>Евгений Баишта</i>	119
«Нам хлеба не надо — работу давай...» <i>Александр Катохин</i> . . .	120
Монолог четвертого доброжелателя. <i>Михаил Малков</i>	121
«А стране моей уж давно каюк...» <i>Александр Катохин</i>	123
Портрет. <i>Михаил Малков</i>	124
Приятель Рома. <i>Александр Катохин</i>	125
На четверых. <i>Александр Катохин</i>	127
Белка. «Мы читали, мы писали...» <i>Михаил Малков</i>	128
Песенка про перестройку. <i>Михаил Малков</i>	131
Бунт. <i>Евгений Баишта</i>	134
Пиастры. <i>Александр Катохин</i>	136
Константинопольский вальс. <i>Михаил Малков</i>	138
Моп шер. <i>Александр Катохин</i>	140
Эскадроны берез. <i>Евгений Баишта</i>	142
Вернутся птицы. <i>Михаил Малков</i>	144
Молитва. <i>Михаил Малков</i>	147
Потом. <i>Евгений Баишта</i>	148

ТРИ ЗЕРКАЛА

Баллада о вишнёвом соке. <i>Михаил Малков</i>	150
«Плачет мир у излома секунды...» <i>Евгений Баишта</i>	153
«Попутчик пьяный бормотал в тоске...» <i>Евгений Баишта</i>	156
«Когда пассажир проезжает свою остановку...»	
<i>Михаил Малков</i>	157
Невероятные истории... Сон Гурова. <i>Евгений Гуров</i>	159
Пробуждение. <i>Александр Катохин</i>	160
Зеркало. <i>Михаил Малков</i>	162
Время. «Я слышу аплодисменты...» <i>Евгений Гуров</i>	164
Легион. <i>Михаил Малков</i>	165

«Как звать тебя, брат? Далека ли твоя сторона?..»	
<i>Михаил Малков</i>	167
Гимн слепым. <i>Александр Катохин</i>	169
«Остановись. Побудь самим собой...» <i>Михаил Малков</i>	171
«Не мной придумано и сказано не Вами...»	
<i>Михаил Малков</i>	172
«Остановились часы, но вот...» <i>Евгений Башта</i>	175
«Имя Твое, как же Имя Твое?...» <i>Евгений Башта</i>	176
Памяти Олега Даля. <i>Евгений Башта</i>	177
«А у нас во дворе вчера грузили бомжа...» <i>Михаил Малков</i> . . .	178
Эпитафия моей музе. <i>Александр Катохин</i>	179
Горе. <i>Александр Катохин</i>	180
«Если Гении выходят на площадь...» <i>Евгений Гуров</i>	182
В костре. <i>Михаил Малков</i>	184
«Как-то в детстве сумрачном и раннем...» <i>Евгений Гуров</i>	185
Попытка эпитафии. <i>Евгений Башта</i>	187
«Света проталинка в замяти ночи...» <i>Евгений Башта</i>	187
«Я слыл среди толпы глупцом...» <i>Евгений Башта</i>	188
Привилегия дурака. <i>Михаил Малков</i>	189
«Квадратик света возле двери...» <i>Евгений Башта</i>	191
«Непонимание себя сродни непониманью сути...»	
<i>Михаил Малков</i>	192
Алмаз. <i>Евгений Гуров</i>	194
Галера. <i>Михаил Малков</i>	200
«Хуже сырой зимы...» <i>Михаил Малков</i>	202
Тень. <i>Александр Катохин</i>	203
Скрипка. <i>Евгений Башта</i>	204
Соколушка. <i>Евгений Башта</i>	205
Дождик. <i>Михаил Малков</i>	207
Невероятные истории... Поэма Катохина. <i>Евгений Гуров</i>	209
Пряжа. <i>Александр Катохин</i>	210
«Иллюзии рождаются случайно...» <i>Евгений Башта</i>	211
«Шаг за шагом. По пыльной дороге...» <i>Михаил Малков</i>	212

Охота на медведя. <i>Евгений Гуров</i>	213
«Беломор не дымит, не курится...» <i>Евгений Гуров</i>	214
«Серебряный старец сходил с небес...» <i>Евгений Гуров</i>	215
«Я ношу трехи вместо платья...» <i>Евгений Гуров</i>	217
«По тому, как встречали тебя, оглушённого светом...» <i>Михаил Малков</i>	218
Благодарственная. <i>Евгений Башта</i>	219
Стансы. <i>Александр Катохин</i>	220
«Все вернется на круги своя. В итоге...» <i>Михаил Малков</i>	220

ПЕСНЯ ПРО СЧАСТЬЕ

Нефертити. <i>Евгений Башта</i>	222
«За твоим окном распускалась сирень...» <i>Евгений Гуров</i>	223
Придуманый герой. <i>Александр Катохин</i>	225
Трамвай. <i>Михаил Малков</i>	226
Романс «Набери мне в ладонях воды...» <i>Евгений Башта</i>	228
«Декабрь. За окнами метель...» <i>Александр Катохин</i>	229
«Оброс ракушками причал...» <i>Михаил Малков</i>	230
Неудачное свидание 1. <i>Евгений Гуров</i>	231
Неудачное свидание 2. <i>Евгений Гуров</i>	234
Невероятные истории... Звезды сердятся. <i>Евгений Гуров</i>	237
Сказочка «А как слямзил гад-Кашей Василису...» <i>Евгений Башта</i>	238
Песенка о золотой рыбке. <i>Михаил Малков</i>	240
Царевна Лягушка. <i>Евгений Гуров</i>	242
Случай в средневековье. «Жила когда-то леди Гретта...» <i>Евгений Гуров</i>	244
«Я проснусь, где березы и клены шумят...» <i>Евгений Гуров</i>	246
В том краю... <i>Михаил Малков</i>	248
«А ты была владычицей морскою...» <i>Михаил Малков</i>	249
«Души моей психология...» <i>Евгений Гуров</i>	250
«В смысл вещей не вникаю...» <i>Евгений Гуров</i>	251

«В графе «место жительства» — ставлю прочерк...»	
<i>Михаил Малков</i>	252
«И снится вам сон, дорогая Синьора...» <i>Михаил Малков</i>	254
Экспромт. <i>Евгений Башта</i>	255
Ответ жене на ее стихи. <i>Александр Катохин</i>	256
Утро. <i>Александр Катохин</i>	257
Дульсинея. <i>Александр Катохин</i>	258
«Я тебя не люблю, ты на это не сетуй...»	
<i>Александр Катохин</i>	259
«Меня к ней не допустят в дом...» <i>Евгений Башта</i>	260
25-е ноября. <i>Михаил Малков</i>	261
«Пришли друзья, нашумели...» <i>Евгений Башта</i>	263
«Мое горькое счастье...» <i>Евгений Башта</i>	264
«Не ревнуй ее зря...» <i>Евгений Башта</i>	264
«Мальш, тебе плохо, или свалилась усталость?..»	
<i>Евгений Башта</i>	265
«Безвольно опустите руки...» <i>Евгений Башта</i>	266
«Я говорил себе не люблю...» <i>Михаил Малков</i>	267
Напевки «Балалаечка брынь, да трень...»	
<i>Александр Катохин</i>	268
Песня про счастье. <i>Евгений Гуров</i>	269
Эротическое приключение. <i>Евгений Гуров</i>	271
Распутная ночь. <i>Александр Катохин</i>	274
Дуэлянт. <i>Александр Катохин</i>	273
Миледи. <i>Александр Катохин</i>	277
«Это было в десятом столетии...» <i>Евгений Гуров</i>	279
«А ты призналась мне в любви и зарыдала...»	
<i>Евгений Гуров</i>	281
Ощущения на грани сна и яви в 22 часа ночи после разговора с женой. <i>Евгений Башта</i>	283
«Если близится ночь и пламя едва дрожит...»	
<i>Михаил Малков</i>	284
«Прости, не смог я оседлать луну...» <i>Александр Катохин</i>	285

«Ты птица...» <i>Михаил Малков</i>	286
Осень. <i>Евгений Башта</i>	288
Бабье лето. <i>Евгений Башта</i>	290
«Да, грешен я. Я безусловно грешен...» <i>Михаил Малков</i>	291
Романс «Не возвращайся, меня больше нет...» <i>Евгений Башта</i>	292
«Прости, я кажется устал...» <i>Евгений Башта</i>	293

ВОСПОЛЗАНИЕ НА ПАРНАС

Восползание на Парнас... С корабля на бал. <i>Александр Катохин</i>	296
Один в поле воин. <i>Александр Катохин</i>	301
Песенка Дон Кихота. <i>Евгений Башта</i>	302
Выходит бард. <i>Михаил Малков</i>	303
«Глупец или пижон – гублю талант по пьяни...» <i>Александр Катохин</i>	305
«Откричал, отрыдал...» <i>Евгений Башта</i>	307
«Дура! Хочешь красивых страданий?...» <i>Евгений Башта</i>	309
Баллада о мамонтах. <i>Евгений Гуров</i>	310
«Плыл однажды Робинзон...» <i>Евгений Гуров</i>	312
«Я деревенский гитарист...» <i>Александр Катохин</i>	314
Этюд. <i>Александр Катохин</i>	315
Размышления в холодном гостиничном номере города Арсеньева. <i>Александр Катохин</i>	317
Монолог Шута. <i>Евгений Башта</i>	318
Средневековый фарс. <i>Евгений Гуров</i>	320
«Какой глупый фарс...» <i>Евгений Башта</i>	322
Разговор Галатеи со Скульптором. <i>Михаил Малков</i>	324
Невероятные истории... О будущем. <i>Евгений Гуров</i>	325
Восползание на Парнас... На невском. <i>Александр Катохин</i>	326
«В этом городе, кроме дождей...» <i>Александр Катохин</i>	329
Стрекоза. <i>Александр Катохин</i>	330

Шуба (Песня петроградского безпризорника).	
<i>Евгений Гуров</i>	332
«Перчатки, сказамши тихонечко: — Гав!..»	
<i>Александр Катохин</i>	334
Барды. <i>Михаил Малков</i>	336
Театр абсурда. <i>Михаил Малков</i>	337
«Подарите мне пулю в лоб...» <i>Евгений Башта</i>	339
Звездная история. <i>Евгений Башта</i>	340
Невероятные истории... Новая песня Гомоновой.	
<i>Евгений Гуров</i>	341
Жуткий сюр. <i>Евгений Башта</i>	342
«Я без задержек пересек границу...» <i>Евгений Башта</i>	343
Поездка за границу. <i>Евгений Гуров</i>	344
НЛО. <i>Евгений Гуров</i>	347
Из жизни лесных братьев. <i>Евгений Гуров</i>	348
«Мне здесь не дом, мне там не дом...» <i>Евгений Башта</i>	351
Братьям по духу. <i>Александр Катохин</i>	352
«Мой бессмысленный мозг...» <i>Евгений Башта</i>	353
«Ничего не найдя в болтовне...» <i>Евгений Башта</i>	354
«Из вселенной в меня вселённая...» <i>Евгений Гуров</i>	355
«Можно негодеям быть...» <i>Александр Катохин</i>	356
«Говорят мне друзья: — Замолчи, не кричи!..»	
<i>Александр Катохин</i>	357
«Ну что, браток, не спится?..» <i>Михаил Малков</i>	358
Песенка про звездопад. <i>Михаил Малков</i>	359
Песенка оленевода. <i>Александр Катохин</i>	360
Колька Жулик. <i>Александр Катохин</i>	361
Песенка Флибустьера. <i>Евгений Башта</i>	362
Витязь ворчит. <i>Евгений Башта</i>	364
Жалостливая песня Соловья — Разбойника. <i>Евгений Башта</i> ...	365
«В этом темном ядре за пределами смерти...»	
<i>Евгений Гуров</i>	366
«Когда мне стукнет восемьдесят два...» <i>Александр Катохин</i> ..	367

«Не слуги и не пасынки фортуны...» <i>Евгений Башта</i>	368
Рыжий пес. <i>Александр Катохин</i>	369
Монолог собаки. «Не ждите, я не замашу хвостом...» <i>Евгений Башта</i>	370
Откровения Лиса. <i>Евгений Башта</i>	371
Рассуждения Лиса о людской неблагодарности. <i>Евгений Башта</i>	372
Перегрев. Из повести «Похождения одного Нелюдя» <i>Евгений Башта</i>	373
«Не грусти, красной пылью осядет песок...» <i>Евгений Башта</i>	379
«Зачем рвет струны посреди куплета...» <i>Александр Катохин</i>	380
Бумажный зодчий. <i>Евгений Башта</i>	381
Невероятные истории... Два Гения. <i>Евгений Гуров</i>	382
«Как хочется умерить пыл...» <i>Михаил Малков</i>	384
«Лихие выверты моих колоратур...» <i>Александр Катохин</i>	386
«Не понять мне, кому мы служим...» <i>Александр Катохин</i>	387
Кукушонок. <i>Михаил Малков</i>	388
«Финал комедии не ясен...» <i>Михаил Малков</i>	391
«Я не знаю, что больше хотеть — если только допеть...» <i>Евгений Башта</i>	392
Вдали от июньского солнца. <i>Михаил Малков</i>	393

ВЫХОДИТ БАТАЛЬОН ИЗ БОЯ

«Ремесло. Руки жжет мне мое ремесло...» <i>Евгений Башта</i>	398
Ответ Сержанту. <i>Евгений Башта</i>	399
Старая солдатская. «Ой ты, горькая судьбина...» <i>Евгений Башта</i>	401
Старая солдатская. (Жене Баште). <i>Михаил Малков</i>	402
«Я стрелял в живых людей...» <i>Михаил Малков</i>	403
У порога 41-го. <i>Евгений Гуров</i>	404
«Завыли юнкера, зайдя в пике...» <i>Евгений Башта</i>	406
Штрафной батальон. <i>Евгений Башта</i>	407

Охота. Александр Катохин	409
Комбат. Александр Катохин	410
Бомбардировщица (Ведьмочка). Евгений Башта	411
Ноль Второй. Александр Катохин	414
«Полнеба откусил закат...» Евгений Башта	416
Ангел. Александр Катохин	418
Бога расстреляли в Майданеке. Евгений Башта	420
«Ты не сможешь забыть...» Евгений Башта	422
Злость. Александр Катохин	424
«Искалеченный прожитый день...» Александр Катохин	426
Старый Федор. Александр Катохин	428
Песня о взводном. Александр Катохин	430
Батальон. Евгений Башта	431
Последний парад. Михаил Малков	434

ШУТ И БРАТ МОЙ

Шут и брат мой (Александр Башлачеву). Евгений Башта	438
У поэта путь не долог. Михаил Малков	440
Сон Башлачёва. Евгений Гуров	442
Посвящение А. Галичу. Евгений Башта	444
«Колочий остов костела...» Евгений Башта	446
Посвящение М. Цветаевой. Евгений Башта	448
Посвящение А. Блоку. Евгений Башта	450
Посвящение В. Высоцкому. Евгений Башта	452
Дуэль после маскарада. Михаил Малков	453
Мой Гамлет. Евгений Башта	455
«Мир теней тлетворно горек...» Евгений Гуров	457
Прощай, Гамлет. Евгений Гуров	458
Горы «Эхо рвануло крик...» Евгений Башта	460
Заупокойная. Александр Катохин	461
Для чего? Михаил Малков	463
Запомните меня живым. Евгений Башта	464

Триптих. <i>Евгений Башта</i>	465
«Смотрите! Он — мишень, разжаты губы!..» <i>Александр Катохин</i>	468
По гололеду. <i>Евгений Башта</i>	469
Невероятные истории... Посланец. <i>Евгений Гуров</i>	470
Перелётные птицы. <i>Михаил Малков</i>	471
«Грустный ангел на перекрестке...» <i>Александр Катохин</i>	473
«Слова уходят. Остаётся память...» <i>Михаил Малков</i>	474
Евгению Баште. <i>Александр Катохин</i>	475
«По дороге устланной цветами...» <i>Александр Катохин</i>	476
«Вот снова я по краю прохожу...» <i>Александр Катохин</i>	477
Белой точкой в темноте (На первую годовщину...) <i>Михаил Малков</i>	478
Реквием. <i>Михаил Малков</i>	480
«Мне сказали — готовься. Я понял — готов. Через миг...» <i>Михаил Малков</i>	482
Белый смех. <i>Михаил Малков</i>	484
Лебедь улетел. <i>Александр Катохин</i>	485
О мой Король. <i>Михаил Малков</i>	487
Пародия. <i>Михаилу Малкову. Евгений Гуров</i>	489
День рождения. <i>Александр Катохин</i>	491
«Давно остывший чай на февральском столе...» <i>Александр Катохин</i>	492
«Вдали пушистые леса...» <i>Александр Катохин</i>	494
Детство. <i>Александр Катохин</i>	495
Молоко убежало. <i>Михаил Малков</i>	496
Возвращение. <i>Михаил Малков</i>	497
Александр Катохину. <i>Михаил Малков</i>	499
«Я уверен — есть глобус планеты Земля...» <i>Евгений Гуров</i>	501
Невероятные истории... Пародия. <i>Евгений Гуров</i>	503
Бал «Прощайте, моя белоснежная дева...» <i>Евгений Гуров</i>	505
«Красивый человек стареет...» <i>Михаил Малков</i>	508
Осень в ритме поезда. <i>Михаил Малков</i>	509

Предисловие

«Это стихи. И это песни. Во всяком случае, это стихи, которые поются. То, что исполняются они, как правило, под аккомпанемент гитары — не делает их ни лучше, ни хуже. Просто именно так и для этого они написаны!..»

*Александр Галич,
из предисловия к самиздатовскому
сборнику «Книга песен»*

«Песню к бумаге не припилишь, и слова, оставшиеся без мелодии, совсем не то...»

Станислав Рассадин

НАЧАЛО

Давным-давно жили-были в Орле четыре друга, четыре поэта — Евгений Башта, Михаил Малков, Александр Катохин (Матвеев) и Евгений Гуров.

Они встретились в конце ноября 1987 года в орловском КСП (клубе самодетельной песни), в Доме Учителя. Башта и Катохин, не будучи знакомы друг с другом, в один из «клубных» дней вместе пришли на прослушивание и «смотрины».

Малков (к тому времени — весьма почитаемый в клубе автор...) сидел на стуле и музицировал. Два новичка-соис-

кателя расположились напротив — нужно было подождать опаздывающих членов клуба. Девчонки возились с чайником и раскладывали печенки. Катохин косился на входящих и выходящих людей, а Башта сквозь челку рассматривал поющего Малкова, нагловато улыбался, иногда кивал в такт ритму.

— Пурга, — сказал он после очередной песни. — Сам-то понимаешь?

— Во гад, — подумал Малков и посмотрел Баште в лицо. — Почему сразу пурга?

— Одна вещичка до этого ничего была, а эта, последняя — пурга и лажа... Песни бывают — или «вещь», или «лажа». Третьего не дано!..

Назревал конфликт. Но тут как раз настало время спеть вновь прибывшим.

Катохин начал с военных песен. Народ в комнате попри- тих. Непривычно сильное звучание — голос, гитара. Больше, чем просто песня. Казалось, ожила картина давнего боя, и вот он — рыжий солдат со штыком в огромном кулаке, один в поле воин...

*Когда от батальона только ты —
Оружьем штык, от злости пальцы ноют...
Уверен, что не взять им высоты,
Порвал зубами грязные бинты,
Они, спадая, шрам траншейный кроют.*

*А сам — пошел, ты так страшной,
Ты — воплощенье всех чертей,
Ты — в их собачьей глотке кость,
Ты — месть за батальон,
Ты — злость!..*

«...Допев песню, я протянул гитару владельцу. Он кивнул на парня, сидевшего напротив меня. Челка длинных черных волос почти закрывала карие, настороженно смотрящие глаза. Парень сидел чуть наклонившись вперед и почему-то вызвал у меня ассоциацию сжатой пружины.

— Евгений Башта! Не был... Не состоял... Не привлекался. — коротко и резко сказал он и, ударив по струнам, запел, вернее не запел, а надрывно закричал. Женя прокричал три песни, поставил гитару и спросил:

— Где здесь можно покурить?

Так завязалось наше знакомство, впоследствии перешедшее в крепкую мужскую дружбу. Мы бродили по осеннему городу и читали друг другу старые свои „стихи“. Башта к тому времени писал не более полутора лет, своих у него было немного, но он великолепно разбирался в поэзии, наизусть читая Вознесенского, Цветаеву, Высоцкого. Мы часами полоскали шкуры бронзовых кумиров, в эпизодах гениальный Башта (как он сам себя называл) экспромтом рифмовал карнизы домов с самими домами...»

*Александр Катохин,
из повести «Восползание на Парнас», 1993*

Спустя неделю они впервые встретятся втроем — Башта, Катохин и Малков. Первые споры над песнями, подчас до хрипоты. Первая пачка сигарет «на брудершафт», первый совместный квартирник. Женя Гуров присоединится к ним чуть позже.

ДЛЯ ЧЕГО

*«— Для чего мы живем, поэт?
Для веселой игры,
чтоб скатиться
с вершины лет
как на санках с горы...»*

Мих.Малков

*«...Было время — волки да вороны
Лихо жили да крепко вздорили...»*

Евг.Башта

Есть песни (и авторская песня — не исключение), которые в хорошем смысле этого слова универсальны и подходят каждому, как новая, удобная одежда — и каждый, исполняя такую «всехнюю» песню, примеряет ее на себя, как свою собственную — будто бы сам ее написал. «Вещь не принадлежит автору» — говаривал Женя Башта.

Но некоторые песни требуют особого, авторского исполнения. Песни вне формата. В какой-то момент понимаешь, что каждому из нас в этом мире приходится думать, говорить и *«рычать от боли // под ласковые крики: — Просим! (Малков, „Кукушонок“»*) по-своему и своим голосом.

«Примерить на себя» такие песни другому человеку сложно, (а иногда — решительно невозможно), как сложно примерить на себя чужую боль и чужую судьбу. Да этого и не нужно, наверное.

Так или иначе, большинство песен Башты, Гурова, Катохина и Малкова не вписываются в стереотипы самодеятельной песни и вряд-ли когда найдут других исполнителей.

Поэты, декламирующие (но чаще — кричащие) стихи под гитару... Тексты простые по форме и непростые по содержанию. Сильная эмоциональная составляющая. Это то, что в первую очередь объединит троих — Башту, Малкова и Катохина.

«В начале весны 1988 в орловском КСП в Доме Учителя появился Гуров. К тому времени мы — три автора, Башта, Катохин и я — основательно сдружились на совместных квартирниках, фестивалях и прочих пьянках и в клубе держались особняком. Народу поющего под гитару и, даже пишущего, приходило немало, но... «В наш тесный круг не каждый попадал...» — это и про нас, к сожалению. Мы были весьма строги к «конкурентам», впрочем, как и к себе самим. Стихи и песни друг-друга оценивали исключительно по критерию «цепляет/не цепляет», «вещь» или «лажа», песни приходящих людей оценивались так-же.

Женя Гуров, похожий на лесковского Левшу, сочинял и пел, чуть грассируя букву «р», удивительно простые и, одновременно, сложные песни. Он был абсолютно настоящим и сразу был принят в «стайку».

Из записок Михаила Малкова

Все четверо — разные по творческим пристрастиям и стилям, не похожие друг на друга. Разные. И тем не менее — стая, одна стая.

Четыре автора пишут песни, будто ставят спектакль, будто снимают авторское кино. Каждый по-своему. Каждый из них охотно примеряет маску «лирического героя» — пишет от имени шута, мудреца, солдата, хулигана, а то и — хитрого лиса или лесной нечисти. Но эти маски не прирастают намертво.

Сквозь тонкую кожицу проступает свое, личное и конкретно-личностное.

Саша Катохин, выступая на одном из концертов, сказал: «...*Авторская песня — свободна, потому что нет запретных тем, каждый пишет со своей гражданской позиции — так, как он понимает ту или иную жизненную ситуацию*». В песнях все четверо не боятся говорить «Я» и не прячутся за общими штампами и понятными фразами. Каждого (и каждого по-своему) отличает собственный взгляд на мир и на внутреннюю свободу.

А высшая степень свободы — свобода говорить без фиги в кармане и, стало быть, говорить правду...

*Шуты обязаны шутить,
Но не обязаны смеяться,
Шут может правду говорить,
Кого нам, дуракам,
бояться...*

*Евг. Башта
(Монолог Шута)*

Поэтому и пишет каждый из них в конечном счете от первого лица (словами Окуджавы: *...как он дышит, так и пишет*) — от своего имени и о самом себе. И о том времени, в котором живет.

А время выдалось такое, *«время выдалось лихое, // пролетал над головою // красный флаг былых побед... (Малков, «Время»)*. Конец 80х, начала распада СССР, великой страны, в которой все они родились (*А стране моей уж давно каюк, // А в стране моей — поменяли флаг... А. Катохин (Маяк)*).

Родная страна умирала, мучительно погружаясь в хаос. Из черно-белых телевизоров текли потоки черно-белой (ин)формации: Сталин, Берия, репрессии, хрущевская оттепель, годы застоя, Солженицын, Сахаров. Перестройка. Но куда страшнее перестроечная действительность — межнациональные конфликты, ваучеры, МММ, пустые полки магазинов, первые «новые русские», дилеры, килеры, первые бомжи на улицах...

Приоритеты сломаны, все то, что казалось важным и вечным — утрачено. Хаос. Философия Ницше учит, что после хаоса наступает порядок, но время шло и был только хаос. Как жить дальше?

А дальше — как в любой другой переломный момент истории, каждый для себя и по собственному току крови решает как ему жить. И кому служить.

*«...А может, ты пойдёшь туда,
где нищая, в грязи,
под серым знаменем труда
твоя страна лежит?
И зная, что «земных богов»
ждать не замедлит мечь,
не испугавшись батогов
ты скажешь всё, как есть?..*

*Евг. Башта
(Конечно, страшно умирать)*

Каждый решает сам — вслед за дедом, ушедшим добровольцем в ополчение под Ленинградом. Вслед за Александром Галичем (...*Моя война, моя вина, // И сто смертей мои!*...), вместе с сотнями других, ныне известных и ныне безвестных бардов, сказавших себе в это «историческое» время: *Моя война, моя вина...*

Четыре автора, четыре голоса, четыре судьбы. Все четверо (вместе, и каждый — по-своему) объявили себя мобилизованными в том далеком 1987 году и выбрали для себя оружие — писать песни. И говорить со сцены.

Все серьезно. Все очень серьезно. Каждый из них выходит на сцену не петь-играть, не красоваться. Работать. Всерьез. Как в бой, как в последний раз. (Катохин: *И пусть эмаль летит с зубов // От выстраданных мною слов...*). Чтобы прокричать со сцены что-то глубоко личное, что не оставляет равнодушным (...*все, что презирал и любил...*), что можешь сказать только ты.

Это объясняет отсутствие гитарных проигрышей и сладкозвучия, равно как и обилие спорных тем и трактовок.

«Мы писали тексты и исполняли их под гитару. Музыка казалась нам абсолютно вторичной (действительно, не более, чем ритмическая основа, по выражению Высоцкого). Несмотря на то, что каждый владел гитарой уверенно — во всех тональностях и на всех регистрах (кроме Башты, пожалуй...), мы избегали гитарных изысков и старались не злоупотреблять аккомпанементом в ущерб тексту.

Что же касается самих стихов, то и тут — содержание текста — его смысл, энергетика, внутренний нерв казались нам важнее свежести рифм и соблюдения размера, важнее формы».

Из записок Мих.Малкова

Звучит как манифест. Слово — первично, текст (смысл, «внутренний нерв») есть содержание песни, мелодия — ее форма.

Постепенно сложился ряд постулатов, нечто вроде кодекса чести, которого придерживаются все четверо: писать — честно, выкладываться по максимуму (если хотя бы одному человеку в зале нужно то, что ты делаешь — все не зря), не писать на откровенно проходные конъюнктурные темы. А если уж и писать про 37й или про войну, то писать так, чтобы до костей пробирало, до судорог, до слез.

«Многочисленные посиделки с гитарой и даже полновесные домашние концерты регулярно проходили в Орле, Курске и Туле, а также (реже и в «усеченном» составе) в Липецке, Костроме, Киеве, Ленинграде и Москве.

Работали в полный голос, до седьмого пота и сорванных связок. По прошествии лет понимаю, что это было возможно благодаря хорошей звукоизоляции домов советской постройки, а может и просто благодаря ангельскому терпению соседей — простых советских граждан. В любом случае — спасибо вам, люди. И простите нас.

Конечно же, спасибо и вам — родные, друзья, спасибо нашим родителям, спасибо нашим женам — за понимание, за любовь, за терпение...»

Из записок Михаила Малкова

Башта, Малков и Катохин много времени проводят втроем, часто — четвером, вместе с Гуровым. Так, незаметно, творческое содружество четверых перерастает в тесную дружбу. Но после очередного фестиваля или квартирника каждый на время «затаивался», уходил в себя — так появлялись новые песни.

*«...Затравленный мальчик, рифмующий ноты
в бешеном городе пыльных иллюзий,
твоя мечта — дотянуть до субботы,
чтоб в воскресенье рассыпаться блюзом...»*

*Евг. Башта
(Бумажный зодчий)*

Тексты песен пишутся повсюду, где застало «вдохновение» — в трамваях/троллейбусах, на работе, на бегу... Ночами их дописывают и приводят в порядок, за рабочим (чаще всего — кухонным) столом.

Вместе с пачкой сигарет и спичками у каждого из четверых в кармане лежит сложенный вчетверо, исчерканный тетрадный листок и огрызок карандаша (Катохин: «...не обнаружив в кармане листа бумаги, ценную строчку записываю на рубле»). Предел мечтаний — диктофон, на который можно было бы наговорить текст или напеть мелодию.

Далеко не все «новоиспеченные шедевры» были удачны.

«...Как-то весной 1988 года я пришел к нему (к Жене Баште, М.А.) домой на Ягодный переулок, 13. В проеме двери с гитарой меня встретил Башта и торжественно заявил, что за несколько часов сочинил десять песен. Мне оставалось сделать изумленное, а затем внимательное лицо.

Женька присел на диван, разложил листы и листочки и под один и тот же мотив, сопровождаемый тремя аккордами, спел десять новорожденных опусов. С завершением последнего он с некоторой гордостью посмотрел на меня, ожидая резюме.

— Ну как?

— Дрянь, Жень... — сделав постную мину, сказал я.
Поднимаясь, Башта отбросил в сторону гитару.
— А-а... Да что б ты понимал?! Вот когда я, гениальный,
умру, ты меня издавать будешь и еще хвастаться, что знал
лично!..»

А. Катохин.
Восползание на Парнас. 1993

Все четверо «обкатывают» друг на друге новые песни по мере их написания. Слушают внимательно и серьезно. К отдельным спорным строчкам никто (до поры) не цепляется, важно общее впечатление. Иногда просят спеть еще раз — чтобы лучше услышать и ничего не пропустить, но чаще всего все понятно сразу...

Находкам друг-друга радуются искренне, шумно и со вкусом отмечают удачные «премьеры». Но слабые, бесцветные, невыразительные песни (а также песни конъюнктурные и явно «проходные») получают номинацию «Лажа» и больше не исполняются никогда — даже если «номинант» не согласен с вердиктом коллег (впрочем, такое случалось крайне редко).

В творческом плане это позволяет расти каждому из них, задает планку, ниже которой опускаться нельзя.

«— Катохин, нужно вбирать в себя чужую боль и отдавать людям переработанную радость, — говорил Башта, когда я пел ему очередную приклатненную песенку.

— Ты не имеешь права писать хуже, чем ты писал! — добавлял он, приводя названия моих старых песен...»

А. Катохин.
Восползание на Парнас. 1993

Сохранилась записка Евгения Башты, которую он передал Саше Катохину после одного из концертов в орловском ТЮЗе — с перечнем тех самых «старых» песенных ориентиров и припиской: «Скотина, работай на пределе!.. Вечно твой, Евг. Башта».

«С легкой руки и по приглашению Влада Трахтенберга, ведущего актера орловского ТЮЗа, театра «Свободное Пространство», мы вчетвером периодически давали концерты для труппы театра.

Мне было трудно это принять тогда, но похоже, что актеры ТЮЗа ходили именно на Женю Башту. На площадку малой сцены театра «Свободное Пространство» он всегда выходил последним, после нашего общего выступления — как всегда, без программы, на импровизе. С первого аккорда, с первой строчки начинался неспешный разговор с залом, с актерами, внезапно ставшими зрителями.

Никто из нас не считал Женьку сильным исполнителем (пели/играли мы по-любому лучше...)), но в его энергетике, в его образе было что-то такое для этих людей, чего ни я, ни Гуров и ни Катохин не могли им дать.

После концерта ТЮЗовцы обступали Женьку и разговор продолжался. Трахтенберг довольно топорщил усы...»

Из записок Мих Малкова

И Башта, и Малков с Катохиным часто импровизируют во время выступления, и тогда прямо на сцене рождаются новые акценты и интонации. Иногда по ходу концерта меняется мелодия или текст, приходят новые фразы и целые куплеты (очень характерно для творчества Жени Башты).

Так появлялись разные варианты исполнения одной и той же песни.

Подход в чем-то безответственный (и, наверняка, не очень профессиональный), но мне почему-то кажется, что именно так — живьем и в муках — и должна рождаться авторская песня.

На четверых они написали более 500 стихов и песен, не считая набросков. На темы самые разные — от анти-перестроечных песен (большинство из них не вошло в этот сборник) до военно-патриотических. Но, о чем бы они ни пели (война, тюрьма, любовь, клоунада, комедия, жизнь, смерть...), характерная особенность всех четверых — песни от первого лица, очень личные, нередко исповедальные.

И тогда — даже простенькое, казалось бы, стихотворение, написанное о своем, о личном и сокровенном, превращается в Романс о Любви, как она есть — для каждого божьего человека...

*«...Но в этом мире, радостном до боли,
Такой как есть — беспечен и раним,
Я много лет одной тобою болен.
Я много лет одной тобой храним...»*

*Мих.Малков
(Да, грешен я...)*

*«...За провалом окна спят рябины без ягод,
боль их темного сна выпить хочется ядом.
И уткнувшись лицом в голос, пахнувший горем,
обручальным кольцом в небо выбросить зори...»*

*Евг.Башта
(Нефертити)*

*«...Нас в кулуарах сплетники жалели,
Но, молчаливо потакая им,
Не верил я, что мы перегорели,
Не верь и ты, что мы перегорим...»*

*А. Катохин
(Ответ жене...)*

*«Я пришел в твой дом — здесь живет твоя тень.
Я ищу во тьме твой невидимый след.
Над твоим окном распустилась сирень,
Где-то далеко загорелся рассвет...»*

*Е. Гуров
(За твоим окном...)*

ЗАНАВЕС

*«Серебряный старец ушел в небеса
И запер оттуда двери.»*

Е. Гуров

В конце 80-х их узнавали на улицах Орла и Курска. На фестивалях подходили незнакомые люди — пообщаться, поговорить. Патриархи авторской песни (Кукин, Городницкий, Егоров, Вахнюк, Лорес, Жуков...) отмечали их песни и каждого из них знали по имени.

Напрашивается вопрос из серии — ну, ребята, а ежели вы все такие умные... Ну, действительно, если все так круто — где ж это сейчас? Безвестные гении, где вы, ау?? Почему все кануло в лету? Где ваши ролики на ютубе?

Возможно — ответ находится в этой книге.

Правда в том, что творчество (да и сама жизнь) всем четверым казалось долгим, если не вечным, процессом.

Они не искали громких побед на КСП-шном песенном Олимпе, никто ничего не хотел доказывать. Никому, даже самому себе. Катохин на бардовских фестивалях нередко выступал вне конкурса. Малков ушел сам, когда понял, что системе КСП его «война» не нужна. Все четверо — просто жили, и писали песни.

Казалось, все только начинается — и жизнь, и поэзия, и совместный творческий путь. Никто не знал, что на сам «процесс», да и просто — на радость общения друг с другом, судьба отвела им немного времени.

Через 3 года после их первой встречи, в новогоднюю ночь 1991 в ДТП трагически погибает матрос спецназа морской пехоты, студент режиссерского отделения ОГИК, 24-летний поэт Женя Башта. Два его лучших друга, Малков и Катохин, ссорятся на похоронах и несколько лет, вплоть до июля 1995, практически не общаются друг с другом.

В конце октября 1995 Александр Катохин (Матвеев), бард, поэт, журналист — шумный, дерзкий, сильный человек с большой и доброй душой скоропостижно скончался от инсульта в возрасте 36 лет.

После концерта, посвященного его памяти, Михаил Малков больше не выходит на сцену. Еще через год Малков, к этому времени уже практически переставший писать и исполнять песни, уезжает из Орла.

Башта, Катохин, Малков... Каждый из них по-своему любил этот город. Каждый из них по-своему его оставил.

Так, спустя неполных 7 лет после их первого совместного концерта, из четверых в Орле остается один только Гуров.

Женя Гуров умер в возрасте 54 лет в августе 2014, недалеко от Орла.

*«...Было время—волки да вороны
Лихо жили да крепко вздорили.
И летела шерсть во все стороны
Вместе с перьями по-над полем.*

*Но одни—под выстрелы списаны,
А другим—как время оставило,
Только те и другие чистыми
Перед богом своим предстали.*

*Егеря, походкой вальяжную,
По костям—хрустя как валежником...
И расселись кенари ражие
На ветвях чащобы прореженной...»*

*Евг.Башта
(Баллада о канарейках, 1989)*

Этот сборник—их первое совместное обращение к публике после долгих лет молчания, первое совместное и самое полное издание их стихов и песен.

Сборник составлен таким образом, что тексты всех четверых авторов даны попеременно и объединены тематически (но не сгруппированы по времени написания)—примерно

так, как они пелись на квартирниках, когда каждый из авторов дополнял друг друга.

Песни в формате mp3 можно послушать на сайте www.bards.ru, а также скачать по QR-коду, опубликованному под аннотацией к сборнику в начале книги.

Михаил Альховский

НАГОВОРНАЯ

Евгений Башта

Заварила мне старуха лебеду,
да на беду
заварила полную чашу.
И с тех пор какой дорогой ни пойду,
как ни пойду,
мне везде крушина машет.

Расседлаю я усталого коня,
да на камнях
спать улягусь...
Только сон бежит меня,
и нет ни дня,
чтоб был не в тягость.

Эх, за что же мне такая маета
да пустота
без надежи?
До трактира догрущу,
а там душу в пляс пущу
без одежи.

Поголяем, трень да брень,
Что кручина — дребедень!
Ну, давай-ка, балалайка,
Я спою, ты попляши,
Эй, налей-ка мне, хозяйка,
Полну чарку для души.

...Шибко весел был,
Да нескладно жил.
Стыл в худой избе,
Лаптем топотал.
Не в казну себе —
Все другим служил,
А в своем дворе
Дыр не залатал.
Говорить не смел,
Думал — сторожась.
Всяк, кто власть имел —
Тот и понукал,
И боярский пес
Надо мной был князь
И за мелкий грех
По семь шкур спускал...

Поле запахал —
Да хлеб червь сточил.
А кто сытым был —
Тот и в голод ел.
И меня как жить
Для людей учил,
А за стол пустить
Вовсе не хотел.
А кто сытым был —
Тот и нынче сыт.
Кто престолом владел,
Тот и нынче царь.
Только я опять
В грязь по уши вбит,
Если хочется —
я привычный — вдарь!..

Эх, за что ж мне маета,
рвань, да стынь, да пустота
Без надежи?
До трактира догрущу,
а там душу в пляс пущу
Без одежи.

А-ну!!!
Гуляем,
трень да брень,
Что кручина — дребедень!
Ну, давай-ка, балалайка,
Я спою, ты попляши,
Эй, налей-ка мне, хозяйка,
Полну чарку для души.

Настояла мне старуха лебеду,
да на беду
настояла полну чашу...

1989

ЧЁРНО-БЕЛЫЙ

Михаил Малков

...Был я беглым
усталым негром;
был я белым
на фоне снега;

фотографией
чёрно-белой;
белой чайкой и чёрной пеной.

Был купцом при деньгах и чине;
рыбаком в ледяной пучине;
теплым воском;
сырым гранитом;

я любил
и бывал убитым;

убивал, но бывал
любимым.

Был Малютой.
Был чёрным волком;
белым вороном был; иголкой
в стоге сена;
землей;
Кассандрой;
пеплом;
огненной саламандрой;

Стлался белым дымком до неба;
возвращался
горелым снегом;

возвращался дождём; растением;
птичьим криком;
ребёнком;
тенью;

Зверем;
веткой
в хрустальной вазе;
свежим ветром;
болотным газом;

козырным Королём в колоде;
камнем,
падающим в колодец.

...Да, Вы — правы, и этим живы.
Я — не прав, неживой и лживый,
и поэтому,
отражаясь,
вашим зеркалом искажаюсь —

где неумный и неумельй,
в меру праведный, в меру серый

лучше
суетных и учёных —
чёрно-белых и бело-чёрных.

1988

ЛЕВША

Евгений Гуров

В Санкт-Петербурге есть много купцов,
Много ученых и много глупцов.
В Санкт-Петербурге есть много господ,
В Санкт-Петербурге есть темный народ.

В Санкт-Петербурге есть дом на Морской,
Дом на Почтамтской и дом на Ямской.
В Санкт-Петербурге есть Зимний Дворец,
В Санкт-Петербурге есть царь, наконец.

Как-то проснулся царь в пятом часу,
Тапки надел, почесался в носу,
Глянул в окошко, а там — благодать,
Пушкин гуляет, туды его мать.

Царь потянулся, по-царски зевнул,
Лег на кроватьку и было уснул.
Вдруг постучались. Царь вышел на зов,
Глянул, а там — представитель с низов.

В длинном тулупе, в дырявых лаптях,
Между лаптей — борода вся в репьях.
Сверху — солома косматых волос,
Снизу — лиловый картофельный нос.

Морда — как купол, рост — выше Кремля
(Как до сих пор его носит земля...)
Ноги — как жерди, в огромных лаптях,
Между лаптей — борода, вся в репьях.

И протянул он монарху ладонь,
А на ладони играет гармонь.
Только как царь на ладонь ни взирал,
Он ни гармонь, ни того, кто играл

Даже вблизи рассмотреть не сумел,
А гармонист как назло вдруг запел
Царь же подумал, но видимо вслух:
— То ли он Бог, то ли дьявольский дух.

— Смилуйся, Царь-государь, наш отец,
Я не всевышний, я тульский кузнец.
Ты мелкоскоп нам подать повели,
И в мелкоскоп на ладонь погляди.

Царь Николай поглядел в мелкоскоп,
Смотрит, — а там — то ли вошь, то ли клоп...
— Слушай, почтенный, ведь это же вша!..
— Это — блоха, — отвечает Левша.

Царь пригляделся — и вправду, блоха,
Песни поет, растянувши меха,
И на всю Русь разливалась гармонь,
Так велика была эта ладонь.

И отзывался с далеких сторон
Русских церквушек малиновый звон.
А вдалеке, из грядущих веков,
Шел человек то ли в Пермь, то ли в Псков.

Царь второпях покрутил кругозор,
Чтоб увеличить чудесный обзор,
И прошептал, умиленный до слез: —
— Боже, да это ж воскресший Христос...

Вдруг все пропало и молвил мужик:
— Твой мелкоскоп, Государь, не велик,
Был бы мощнее его номинал —
Ты бы не то еще, царь, увидал.

Тут Царь поднял к небу глаза и спрашивает: — Почтенный,
а где же тот мелкоскоп, которым ты пользовался,
когда творил такое чудо?

А Левша ему из-за облачка отвечает:
— Мы, Ваше Величество, люди темные, и мелкоскопов
не имеем.

А у нас и так глаз пристрелявши...

В Санкт-Петербурге есть много купцов,
Много ученых и много глупцов.
В Санкт-Петербурге есть много господ,
В Санкт-Петербурге есть темный народ.

В Санкт-Петербурге есть дом на Морской,
Дом на Почтамтской и дом на Ямской.
В Санкт-Петербурге есть Зимний Дворец,
В Санкт-Петербурге есть царь, наконец.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

Александр Катохин (Матвеев)

По белому снегу тащили телегу
Усталые кони в последний этап.
На губы сел иней, и пальцы застыли —
Не так ты жизнь прожил, и кончил не так.

...Последний этап,
последний конвой,
последнюю песню
ты уносишь с собой.
Последняя боль
последним судом
последнюю грязь
тебе бросят в лицо.

И кто-то ведь сунул промеж пальцев струны,
Когда выносили тебя за барак.
И крик растворился среди общего шума —
Не так ты жизнь прожил, и кончил не так.

Фальцетом сорвался затравленный голос,
Растерзанный лаем конвойных собак.
Залитая кровью мечта раскололась.
Не так ты жизнь прожил, и кончил не так.

...Последний этап,
последний конвой,
последнюю песню
ты уносишь с собой.
Последняя боль
последним судом
последнюю грязь
тебе бросят в лицо.

Мы рождались

ПОД ГРОХОТ ФАНФАР

* * *

Не по Фрейду росли, не по Ницше,
Вроде правильно, все по Ленину.
Как же так — оказалось лишним
Мое брошенное поколение.

Раздавали всем правду поровну,
Да достался нам кукиш с маслом.
И пошли мы в ле... — правую сторону
От дороги, проложенной Марксом.

Нам кричат, призывают к делу,
Но мы лозунгам верить устали...
Кто-то свастику колет по телу,
Кто кричит: — Да здравствует Сталин!

Кто воюет ночами длинными,
Кто-то сел на иглу — не стащишь.
Мы рождались, чтобы быть сильными,
Да какая ж тут сила от каши?..

Как же мы, дух от духа вашего,
стали вдруг инородным телом?
Вы скажите, товарищи старшие,
Кто из вас нас такими сделал...

Евгений Башта

1988

* * *

Я взял топор, топор войны, и положил обратно,
Я завожу мой мотоцикл, а в нем бензина нет...
Тогда пошел я напрямик по почве благодатной,
Роняя в сонные поля окурки сигарет.

Я прыгнул в поезд на ходу, лечу на автостопе.
В совхозе «Знамя Ильича» залазиит контроль,
Подходят вежливо ко мне, культурно, как в Европе
И улыбаясь, говорят: — Покажите Ваш пароль.

Я говорю: — Какой пароль? Провалены все явки,
У тети Розы на бану фашисты сперли шкаф.
Тогда они мне говорят, приподнимая с лавки:
— Иль выходи отсюда, бля, или червонец штраф.

Я вышел тут же на ходу и вывихнул предплечье,
Сломал два пальца, выбил зуб и в кровь разбил мурло.
И как больной безумный волк, на мясо человечесь
Приковылял в полночный час в какое-то село.

И мне приснился странный сон в осеннем мокром стоге,
Что я куда-то все лечу, лечу, лечу — и вдруг...
Стоит какой-то лысый черт с дубиной на дороге,
Он размахнулся и исчез, едва запел петух.

Заколобродил по лесам ноябрьский ветер вольный,
Сердито дуя на огонь багрового листа,
И восходил кровавый шар над древней колокольной,
Отбросив праведную тень с высокого креста.

А я застыл на полпути в божественной истоме,
В каком невысшимом краю я, люди, нахожусь?
И чей-то голос из груди в моем незримом доме
Мне сообщил, что этот край — святая наша Русь.

Евгений Гуров

1988

РОДИНА

Александр Катохин

Кнута я вообще не боюсь,
на побрякушки не падок,
бродит во мне
слепая Русь
многовопросьем загадок.

Сеяная
ситами,
ворогами
битая,
бабка богомазная,
плачущая,
праздная.

Веками на зеркала
тянули гробов матери.
Глаза свои белые
выплакала,
короны, да мантии меряя.

До костей
доверчивая,
солоная,
перчаная,
у церкви юродивая —
горе мое,
Родина.

Мне ты, любая — мать,
да мачехой многим стала.
Не бойся,
попробуй теперь сорвать
с зеркальных глаз покрывала.

Свистни в поле
Разиным,
дай дубину
в руки нам,
боль заледенелая,
ну что же ты,
несмелая?..

Горе мое, Родина.

1990

ОСТРОЖНЫЙ ТИМОШКА

Александр Катохин

На плаху дорожка,
Осторожный Тимошка.
Глашатая речь...

— «Дубинушку», братцы!
Давайте прощаться!
Да голову с плеч.

На миру и смерть красна, на миру она беззуба,
На миру петля на шее — словно лавровый венок.
На миру кафтан стрелецкий на плечах боярской шубой,
На миру острог — хоромы, жаль, что жизнь сама — острог.

— Простилась удача.
Зазнобушка плачет.
Свече догореть...

— Погодь же немножко,
Осторожный Тимошка,
Дай песню допеть.

На миру точнее фразы, беспощадней и короче,
От петли пеньковой легче с глотки вылезти словам.
На миру наотмашь бьют, чтоб с годами от пощечин
Колокольным звоном долго отдавалось палачам.

1990

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Евгений Башта

По-над полем
раскричалось воронье,
расшумелось,
инда гости на пиру.
Захмелело
от кровав-вина жнивье,
красно солнышко укрылось во яру.

То не благовест
над рязанщиной плывет,
не в Иван-Купал
над рекой костры —
это пес Батый
Русь святую жжет,
и звенят в степи
сабельки востры.

До тележного колеса отроков вырезав,
И коней напоив из церковных чаш,
Почивай в шатре, свет вельможа хан,
Исполать тебе, но грядет час наш!

Откричится тебе стылый бабий вой,
Запорошит глаза пепел наших хат,
И затопят орду реки горьких слез,
На смертельну сечь выйдет стар и млад.

Не минует тебя горечь чаши сей, —
Пусть по кругу, всем достанется!
Песья свора твоя захлебнется в ней,
Даже правнукам чуть останется!

Так пой ж коней из церковных чаш,
Исполать тебе, но грядет час наш!..

1988

МОЛИТВА ПЕТРА

Евгений Башта

Ответствуй, Отче,
отчего печаль?
Не унижай мя жалостью во взоре.
Познавши всяко,
мне ль бояться горя,
ответствуй, Отче, мне —
доколь печаль?..

Тяжко, хозяйство в порухе...
Укрепи мя, Господи, в силе!
Я не рвусь в цари, мне бы — в слуги
Государыне нашей, России.

Укрепи мя, Господи, в праве
Лик омыть ея потом и кровью,
Дабы к вящей державной славе
Стала выше любого злословья.

Помоги мне, Господи, дать ей
Ветер моря, и ветер степи,
Оградить границы от татей,
Шаркунов повыгнать из клетки!

Дал мне веры и дай терпенья,
Я же — смертен и рвутся жилы!..
Созидать через разрушенья —
Дай мне, Господи!
Дай мне, Господи!!
Дай мне, Господи!!!

Дай мне силы!..

1988

ПОСАДСКИЙ ПЛАЧ

Александр Катохин

Благовест прикажи. Донимает хмарь.
(От лукавого зверство-то.). Гой еси,
На костях у паломников, Государь!
Да веригами спутай вся на Руси.

А ногайская погань посадки жжет,
Да поплечников дело — скаредное.
Аще лихо-беда от тебя нейдет?
Подколодная, кольми есть вредная.

Крест на криве целовали.
Руки лживили.
...То дергач кричал, да плакун-трава!
Сыроядцев привечали.
Сонм, как вывели!
За огурство с плеч панет голова!

В монастырь, да синодик — опальные
Животы, паки статки Малюта взял.
Мор с косою, да песни печальные
На скудельницах нешто загадал?

Благовест прикажи. Донимает хмарь!
Нету мощи. Холопей своих спаси.
Лета долгие, Батюшка Государь!
(От лукавого зверство-то.). Гой еси...

1989

* * *

Едва прохрипел во дворе петушок,
Едва заалела над лесом заря,
Кто-то пустил по посадам слушок,
Будто в Москве удавили царя.

А я хлебнул медку,
в волчий — шасьт тулуп,
И пошел в Москву
посмотреть на труп.
В ста шагах — дворец,
у дворца — крыльцо,
У крыльца — стрелец
смотрит мне в лицо.

И прошептал я к стрельцу подходя:
— Кто во дворце? — Иван Четвертый.
— А я слышал, бояре убили царя
И подменили Ивана чертом.

И сказал, смеясь, мне стрелец в упор:
— Наш московский князь, он и есть тот черт!
Он крадет невест по России всей,
И людишек ест, аки волк гусей.

Вдруг распахнулся кремлевский содом
И вышел на воздух, разя тлетворным,
Дедушка с длинным тяжелым жезлом
И с медным крестом на кафтане черном.

Помертвел стрелец,
на колени пав.
И сказал чернец,
в него жезл вогнав:

— Хочешь знать, где царь,
где сидит тиран?
Во дворце пошарь,
Может там Иван.

И долго в Кремле, где горят факела,
Внутри освещая московский Рим,
Мы с дедушкой этим искали царя,
Он шел впереди, а я шел за ним.

А мой черный дед
вдруг взошел на трон.
Выше хода нет,
уж не царь ли он?..

Я стою в лаптях
на цветном полу,
То ли я в гостях,
то ли я в плену.

От грозного вида его — озноб...
Бесовские очи сверкают люто:
— Как величают тебя, холоп?

— Малюта, —
сказал я царю,
— Малюта...

— А ты не верь им всем, я с простыми прост,
Я людей не ем, соблюдаю пост.
Не велят попы мне скромное,
Говорят душа дюже темная...

Евгений Гуров
1990

* * *

Однажды большую боярскую думу
Созвал государь в предрассветную рань.
Бояре пришли, поскребли свои умы,
И вдруг услышали: — Идем на Казань.

Бояре косматые сдвинули бровья,
Им вдруг захотелось к женам в кровать.
Война же — ущерб для мужского здоровья,
А тут — не кого-то, Казань воевать.

И молвил седой бородатый боярин:
— Я, Царь-государь, против этой войны.
Зело яр и крепок в Казани татарин,
К тому же в казне на хватает казны.

И все остальные боярские лица
Разинули варежки, так мол и так:
— Зачем, государь, нам чужая столица,
Свою до сих пор не построим никак.

Бояр одолела боярская смелость,
Хотелось больней укусить им царя.
Ивану же им возражать не хотелось,
Он молча сидел, сам с собой говоря.

— Вот если бы баи Девлета Гирея
Подняли в улусах подобный бедлам,
Мой царственный брат, злобой дикой зверея,
Нахлопал бы баям по ихним чалмам...

Внезапно Иван увидал Чингиз-Хана,
Он был очень черен, весь словно в смоле.
Виденье зело удивило Ивана —
Откуда он взялся, собака, в кремле.

Усмешка горит в его щелках раскосых,
За ним — бесконечное войско татар...
Весьма удивленный, царь поднял свой посох
И с криком нанес по Чингизу удар.

Расклеился череп, раздвинулись уши,
Свалившись на пол, растеклись мозги...
А в страшных, безумных глазах у Ванюши
Стояли в столетьях минувших враги.

Бояре в испуге попятились задом,
Скользили по крови, валились на пол,
И если Казань им казалася адом,
Иван стал страшнее всех адовых зол.

Приелось царю свои думы скоромьи
И помыслы дедовы в люльке качать.
Бояре вновь сели на думные скомьи,
Не зная что думать и что отвечать.

За всех их ответил безродный Басманов,
Боярски осаня холопью спину:
— Кто против войны на татар-басурманов?
Бояре воскликнули: — Мы...за войну.

— Ну что ж, вот вам царь, вот скипетр, вот держава,
Вот наше оружие, и воины — вот!
Царь зыркнул глазами налево, направо:
— Ну что ж, я не против. В поход — так в поход.

Евгений Гуров
1990

ЕМЕЛИНЫ НАПЕВКИ

Евгений Башта

А как в нашей деревне,
Возле самого края,
Жил светло и безбедно
В пятистеночке справной
Мужичок. Верил в Бога,
Все престольные праздновал,
И жену для урока
Раз в неделю наказывал.

Гуляй, Емеля,
Рвань кабацкая,
Пропьем хомут
За четверть красного!
Мели, Емеля,
Пока дозволено,
Твоя неделя —
Плети, юродивый!

Ой, как в нашей деревне
Конокрада поймали,
У кипучей сирени
В дых ногами пинали.
В бородищу плевали,
Матерились надсадно,
А потом убивали,
Да так весело, складно...

Мели, Емеля,
Рвань кабацкая,
Пропьем хомут
За четверть красного!

Плети, Емеля,
Пока дозволено,
Твоя неделя —
Давай, юродивый!

А хозяин наш справный — первым был,
Покрестил колом вдоль хребтинушки,
Да вот тем колом мужика и убил,
Чтоб не крал отрубя у скотинушки.
А у конокрада этого — семь детушек,
Да жена хворая, да мать старая,
И негде для них достать хлебушка...
— Мир надела лишил,
 мужику — вот сраму-то!..

Я слышь, Емеля, я к чему все —
А может, он и не конокрад вовсе?
А?

Гуляй, Емеля,
Рвань кабацкая,
Пропьем хомут
За четверть красного!
Мели, Емеля,
Пока дозволено,
Твоя неделя —
Плети, юродивый!!!

Ох, Емеля, ты, Емеля, мужичок наш справный,
Тот, что каждую неделю бил жену исправно...

Пообедал, помолился, посмотрел в окошко,
И на сына напустился, чтоб не мучил кошку.

Гуляй, Емеля,
Рвань кабацкая,
Пропьем хомут
За четверть красного.
Мели, Емеля,
Пока дозволено,
Твоя неделя —
Плети, юродивый!!!

1990

ВАНЬКА

Евгений Башта

Где мой дом — не знаю сам,
Может, его не было.
Я родился в небесах,
Сослан я на землю.
Мне тоску не стосковать,
Не скрутить кручину,
Мне б хотелось только знать,
Мне б хотелось только знать,
В кого ж я, дурачина.

Ванька, Ванюшка,
На балалайке стренькай,
Ай, сударушка,
Дай мне копейку!

Колокол царь-батюшка
Звонит заупокоей,
Мне не страшно, матушка,
Но отчего же я — такой...
Мне дороги не сыскать
Ночью в чистом поле.
Мне башку свою таскать,
Мне башку свою таскать
Десять дней, не боле!..

Ванька, Ванюшка,
На балалайке стренькай,
Ай, сударушка,
Дай мне копейку!

Колокол, царь-батюшка,
Что ж ты разгуделся?!
Полетит моя башка
В ноги — там ей место.
Я в себе не волен,
Божий раб и отрок.
Отчего я болен,
Отчего я болен?
А это знает вор-р-рон!!!

Ванька, Ванька,
Сыграй на балалайке,
Дай, сударушка, копейку,
Детки плачут!
Отчего же все — вот так,
Отчего же все — вот так,
А не иначе?

Белым соколом кружился —
Курицей стал серой,
Обтрепался, обпылился,
На безверьи — верой.
Я бы крылья смастерил,
Полетел, как птица!
Только перышки пропил,
Только перышки пропил —
Нечем похмелиться.

Ванька, Ванька,
Сыграй на балалайке,
Дай, сударушка, копейку,
Детки плачут!

Отчего же все — вот так,
Отчего же все — вот так,
Отчего же все — вот так,
А не иначе?

Поведут в расход меня,
И, затвором клацая,
Веселись, моя родня,
Пьяная, кулацкая!..
Зажимают кошельки
В потные ладони,
Погуляйте, мужики...
Погуляйте,
мужики!!!

Один раз живем,
Да сколько ж вам долдонить!..
Эгей!!!

1989

ДУША ЛЕТЕЛА...

Евгений Гуров

Душа летела, душа летела, душа летела,
А тело спит.
И овцы целы, и лисы целы, и волки целы,
И пастырь сыт.

Царь всходит на трон, словно солнце восходит,
Царь сходит с трона, а солнце в зените.
И это в ярость царя приводит,
И это в ярость царя приводит,
И это в ярость Ивана приводит,
И бесят царя золотые нити.

Как-то уселся Иван на трон,
Заходит опричник, собачий дух:
— Царь, из Персии прибыл слон!
И царь философски заметил вслух:

— Солнце и слон — те же самые буквы,
Влейте в него три бочонка вина.
Изрубите на части, добавьте клюквы,
К обеду спеките пирог из слона.

И чтоб он был круглым, как шар,
и желтым!
К обеду пирог ему был готов.
Царь его съел и стал красным, как солнце,
И добрым, как десять персидских слонов.

Душа летела, душа летела, душа летела,
А тело спит.
И овцы целы, и лисы целы, и волки целы,
И пастырь сыт.

РОЖДЕНИЕ САТАНЫ

Александр Катохин

Метался ветер под забором,
Голодный пёс в ночи скулил.
Сочилось желчью через поры
Сознание, что мёртвым жил.
Прокляв аббатскую дорогу,
Ушел с повязкой на глазах
Во лживый мир, забытый Богом,
Презрев анафему и страх!

Я шкуру снял свою овечью
И бросил в марево костра.
Злорадствуя, людей калечил,
Поверив в силу топора!
Я объявил себя пророком,
Иконы грыз на всём пути.
Так, в этот мир, забытый Богом,
Явился Дьявол во плоти!

1989

* * *

Говорят в народе, мол — вот те на,
появился в городе Сатана —
раздает он милости гражданам,
да едва ли хватит на каждого...

Никого от вроде бы
не забыл,
подарил юродивым
на гробы —
сироты на паперти
счастливы,
сироты без памяти
счастливы.

И река наполнилась до краев —
и запели сироты про любовь...
(Про жизнь окаянную стоит ли,
да про маму пьяную стоит ли?..)

Как запели сироты про любовь —
от любви до глупости — один шаг.
Один шаг от глупости до гробов...
Ой, не улетай, погоди, душа.

Как стали песни жалобны
не нужны —
заскучали ржавые
топоры:
— Али вы не сироты без порток,
аль забыли, сироты,
кто есть кто?

Али вы не насмерть запороты?
Аль забыли, сироты, кто есть кто?

Бес попутал, горюшко,
вот те на...
Насмеялся вволюшку
Сатана —
стал зеленым шариком
в темноте,
да куда-то в Африку
полетел.

Стал зеленым шариком в темноте...

Михаил Малков
1989

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Евгений Башта

Может быть, это только бред,
Но шумят за моей спиной,
Будто траурные крыла —

Тридцать седьмой,
Тридцать седьмой,
Тридцать седьмой...

Год активного солнца,
До одури трудно дышать.
Пульс в истерике бьется,
Не унять мне его, не унять.
Трезв, не пил и росинки.
Что ж угарно так, Господи,
Отчего по России —
Воронье, лагеря да погосты?

Прожекторами прошлое вспорото,
И как пух из подушек — дни.
Неужели бесповоротно
из жизни выведены мы?

Ночь ударит прикладом в дверь,
На губах запечется крик:
— Мама, милая, ты не верь,
По ошибке за мной пришли!

У народа врагов не счесть,
Только вот у народа ли?..
И маячит полу-военный френч
Страшным знаком беды.

Расчитался за все вроде бы,
Но опять за спиной стоят,
Не давая ни неба, ни Родины —
Лагеря, лагеря, лагеря, лагеря!

Год активного солнца,
До одури трудно дышать.
Пульс в истерике бьется,
Не унять мне его, не унять.
Трезв, не пил и росинки.
Да ответь же мне, Господи,
Отчего пол-России —
Воронье, лагеря да погосты...

1987

* * *

Запорошил слегка снежок,
И календарный твой листок,
Упав на пол, свободы час оповестил.
И подтолкнув тебя слегка,
Сказал седой ДПНК:
— Ты отмотал, что суд когда-то накрутил.

Ты с укоризной бросил взгляд
На взвод построенных солдат,
Не бойся, друг, они пришли не за тобой!
И не нажмёт никто курок,
Пушистый, падая, снежок,
За столько лет впервые стал сообщник твой.

И этот первый, нежный снег
Уже не выдаст твой побег,
Беги быстрее — нет в погоне злых собак!
Глотая воздух на бегу,
Без капель крови на снегу —
Ведь выдал справку, как положено, ГУЛАГ.

Потом на миг остановись,
Ладони к небу протяни,
И ты увидишь — на ладонях тает снег.
Наверно, ты поймёшь тогда,
Что это юность навсегда
Из оцепления от тебя ушла в побег.

Наверно, ты поймёшь тогда,
Что это юность навсегда
Из оцепления от тебя ушла в побег.

Александр Катохин
1984

* * *

Вместе с горьким дыханьем укропа
В этот богом забытый колхоз
Под названьем «Живем до потопа»
Ветер смерть в старый дом занес.
И забился в крестьянские шмотки,
В коромысла, в лемех, в хомуты...
Заходящие в дом близ водки
Занимали свои посты.

Не спеша, разгорались страсти,
Водкой головы захмеля.
И сказал голос местной власти:
— Будет пухом тебе земля!..
Спи, Кондрат Тимофеич Миронов,
Коль уж жить не хватило сил.
Мой колхоз должен пять миллионов,
Твой же долг сам Господь погасил.

Опьянев, мы выходим из хаты,
Чтобы снова войти в запой.
Сам парторг нам вручил лопаты,
Как винтовки на праведный бой.
И сказал, наливая стаканы:
— В этом мире не вечно жить.
Здесь лежит его сын с Афгана,
Здесь придется отца положить.

Так давайте в свои желудки
Для сугрева еще нальем.
И добавил, не ради шутки:
— Им скучать не придется вдвоем...
Мы ж, подвыпивши, так шутили,
Будто нет веселее мест.

На соседней, ничьей, могиле
Задрожал почерневший крест.

Ускользала из рук лопата,
Словно билася о гранит.
И вспотели до слез ребята,
Ох, как тяжек земной магнит.
Вот и время мое пришло,
Только мне уже все равно —
Закомкав свою душу в тело,
Я ступил на сырое дно.

И читая Святаго Духа,
Чтобы свой же не вышел дух,
Я копал — и не видел пуха,
Где ж обещанный властью пух?
Только ниже, все ниже и ниже
Поднимала меня земля.
На два метра к Америке ближе.
На три градуса ниже нуля.

Евгений Гуров
1990

* * *

Мы рождались под грохот фанфар
И выросли под крики ура,
Когда мчались все, как на пожар
Выдавать что-то там на-гора.

Нас выстраивали у черты —
Не дай бог вдруг куда повело.
Кумачом закрывали нам рты,
Жаль, глаза завязать не дошло.

Мы стремились к единству с яслей,
И всегда были за, только за.
Звездный свет наших учителей
Не давал обернуться назад.

Иногда, правда, шел звездный дождь,
И мы тут же, ошибки признав,
Ждали, что скажет наш новый вождь,
Ибо старый был явно не прав.

И, как манны, мы ждали черты,
Не дай бог, что-то будет не в такт.
Кумачом завяжите нам рты,
А глаза мы закроем и так.

Евгений Башта

1989

* * *

Звездные ночи звенят мечами,
Стынет кровь от людского стона.
Рубим неверных, а за плечами —
Развалины Рима и прах Нерона.

Много ль прошло со времен Потопа?
Пришли времена захлебнуться кровью —
Турция, Греция, Рим, Европа,
Склонились к коленям Средневековья.

На поле брани грызет собака
Людские кости, и воет в темень,
А в темном зеркале зодиака —
В будущем — нас проявляет время.

С новой верой, ко всем с любовью,
Взрастив былые надежды в каждом,
Его величество Средневековье
Вползает в дома современных граждан.

Ему навстречу — века Нерона,
Слегка припудрившись звездной пылью.
Плывет огромная тень дракона,
Неся потомков на черных крыльях.

Что это было? Опять затмение?
Откуда взялась эта звездная птица?
Двенадцать столетий в одном мгновенье
Каким-то чудом успели слиться.

Двенадцать веков — это очень мало.
Страшась не успеть, я один из первых
Прижал копьё, опустил забрало,
И с криком бросился на неверных.

Сегодня я, словно черт, свободен,
И этот день я отмечу кровью.
Я буду драться за гроб Господень,
Чтобы остаться в Средневековье.

Евгений Гуров
1990

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Александр Катохин

Лишили зрелищ и вина,
Скулили нищие без хлеба,
Гремел в литавры Сатана...
Висела бледная луна
На черном эшафоте неба.

На пепелище выл шакал.
Подонки рыскали без грима,
Умалишенный карнавал
Указы в пляске прославлял
Тоталитарного режима.

Шел пир во время чумы!
Шел пир во время чумы!

Животный страх полз по домам,
И ближний ближнему не верил.
Псы, охранявшие бедлам,
Традиционно по ночам
Прикладами стучали в двери.

Спала Фемида в алтарях,
Стенаньем жертв невозмутима.
Кровь в одиночных карцерах —
Любовь за совесть, не за страх
Тоталитарного режима.

Шел пир во время чумы!
Шел пир во время чумы!

1991 Уссурийск

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Евгений Башта

Ночь налила распятыя,
В теремах не укрыться царечкам!..
Захмелевшая братия
Доберется до них в эту ночьку.
Куполов перепляс
Над булыжною площадью ахнет,
Пусть начнется без нас —
Мы придем, когда кровью запахнет!

Ой, ты, гой еси,
Царь всея Руси,
Но не обессудь,
Коль проломим грудь!

Но хмелел атаман,
Дождаясь условного знака,
Ни черта — лишь туман
Потихоньку сползал к буеракам.
Да томились, шалея,
Под седлами ждущие кони,
Ух, начать бы скорее,
А там — как Господь оборонит!

Ой, ты, гой еси,
Царь всея Руси,
Но не обессудь,
Коль проломим грудь!

Так вот — ждали,
Молясь и сморкаясь в подкладку,
Да дозорные спали
С прихрапом и присвистом сладким.
Ночь прокралась жнивьем
И коням отпустила подпруги,
А потом воронье
Нашим мясом кормило округу!

Гуляем,
братва!!!
Ой, ты, гой еси...

1989

ДЕДОК

Александр Катохин

За столик сели чинно так: по сто и пиво с воблюю!
И наливал дедок не в рюмочки —
в стаканчики.

А мы-то — уши веером, заслушались всей шоблюю,
а он нам: — Наливай, да пей!
Я угощаю, мальчики!

...И, отхлебнув еще глоток,
Спросил я, улыбнувшись глупо, спьяну:
— Чего гуляем-то, дедок?
Ответил он: — Сто лет граненому стакану!

А в кабаке там чудненько — картина для ценителей!
С ладошки розовой кормились мы,
как птенчики.
Про коммунизм он вкручивал, про контру и вредителей,
и знак почетного чекиста
цвел на френчике.

...Я на десятый шел виток:
Запел, заплакал — вечно так по пьяне!
— За что же выпьем мы, дедок?
— Пей, молодежь, за то, что водка есть в стакане!

Так на халяву клюкали — побасенки, да сказочки.
И не закончилось тогда бы дракой,
бучею.
Все разошлись бы тихонько, из-за единой фразочки
обиделись мы очень,
набросились всей кучею!..

...Когда он вытащил свисток,
Взял партбилет, и жутко стал нахален.
И новый предложил нам гост дедок:
— За то, чтобы воскрес товарищ Сталин!

1992

ПАМЯТНИК

Александр Катохин

Наш опыт чтить своих вождей бесценен.
Не замечаем мы за суетой —
На площади стоит просящий Ленин,
Стоит с протянутой вперед рукой.

На голову нахально птички гадят,
Собачки проявляют интерес.
А он стоит и просит Христа ради
Субсидий для ЦК КПСС.

Прославленный на протяжение века,
Он жалок и смешон, как мальчик-паж.
Для коммунистов памятник тот — Мекка,
А нам — для анекдотов персонаж.

Сквозь землю предпочел бы провалиться,
Когда б услышал наяву Ильич:
— Эй, лысый, тоже ищешь похмелиться?
Спросил, проснувшись у подножья, бич.

И не одно, возможно, поколение
Он будет мельтешить еще в глазах.
Какое все же это унижение —
Посмешищем стоять на площадях!

1991

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

Евгений Башта

Мне говорят: — Ветер перемен бьет в лицо,
Торопитесь жить!..
А мне бы назад, в девятнадцатый год,

Там, где сталь клинков,
И под солнцем — пыль...

...Где аллюр, три креста,
Лаву к лаве несет,
Где Советам — вся власть,
И «Даешь!..» глотку рвет,

Где наотмашь, сплеча, в стременах встав слегка,
До гнедого коня развалить седока!

Если контра — в расход,
Если свой — значит, брат!
Даже падать — вперед,
Чтоб ни шагу назад!

И студеную воду из колодцев черпать,
И мечтать в синем море коня искупать...

В эти ночи шальные в широкой степи,
Где закаты багровы, а травы горьки,
Где костер догорает, где снова в поход —
Отпустите меня в девятнадцатый год!

А мне снова говорят:
— Ветер перемен бьет в лицо,
Торопитесь жить!..

1988

* * *

В советском совхозе «Сто лет до Потопа»
Евлампий Матвеевич землю пахал,
И вдруг откопал под землю циклопа,
Тот лязгал зубами и еле дышал,

А руки тряслись, как у дяди Кондрата,
Когда он в стакан самогон наливал,
А ноги тряслись, как у деда Панкрата,
Когда он зерно на току воровал.

И страшное, злое, единое око,
Глядевшее в светлое через века,
Так дергалось, словно корова от шока,
Когда к ней ведут племенного быка.

Евлампий Матвеевич забыл и про поле,
Забыл и про трактор, про план, про дела,
И так закричал, будто в зад ему соли
Влепили дуплетом два тульских ствола.

Когда ж разошлись лиловые пятна,
И голосу разума стал он внимать,
Он вдруг пробуровил, по-русски, но внятно:
— Приснится ж такое, туды ж его мать.

И только прилег, о Всевышний Создатель,
Но это ж уж точно не бред и не сон —
К нему на козле подъезжал председатель,
Привез премиальные и самогон.

Сказал: молодец, все гектары засеял,
Подносит стакан. Только тот пригубил —
И в эту минуту козел вдруг заблеял,
И в зад ему как оба рога всадил!..

Когда ж разошлись лиловые пятна,
И голосу разума стал он внимать,
Он снова промолвил, по-русски, но внятно:
— Допился, Евлампий, туды ж его мать.

Евгений Гуров
1990

* * *

Люблю страну Советов,
а за Россию — больно...
Исплакались в рассветы
глазницы колоколен.
И Николай Спаситель
кусает губы молча.
Юродствую, простите...
Душонка что-то в корчах.

Изливаю злобушку,
Родину охаял,
вот ведь,
серенький воробышек,
а все туда же — в Каины!..

Разгуляй,
гуляй — гуляй — гуляй,
вытрет слезы ветер!
Хочешь — дурака валяй,
ведь ты же не в ответе
за разор и мор,
за чумной барак,
за глухой забор
и кромешный мрак...

Давай, брат,
по стакану,
Бог с ним, с сухим законом,
сегодня — без нагана,
в упор, да по иконам...

И в память под лопатку
загнали разрешение,
но скользко — если гладко...
Шучу. Прошу прощенья.

Живу в стране Советов,
болит во мне Россия
церквей и парапетов,
с юродивым мессией...

Но молчат
колокола,
спрятавшись в звонницы
и нет двора, нет,
ни кола,
и боль
не пригодится!..

А ну-ка!!! Рррраз!
Гуляй!
Гуляй! Гуляй! Гуляй!,
Выпьет мысли ветер!!!

— А ну-ка, дурака сваляй,
за что ты там в ответе?

А?
За разор и мор?
За чумной барак?
За глухой забор, да за кромешный мрак?..

— Так слушай!..

Как бы не так,
вот-вот,
как бы не так,
иди, проспись, чудака.

Как бы не так,
ай..,
как бы не так,
иди ты спать...

Евгений Башта
1989

ЗОДЧИЕ

Евгений Башта

Знать, стерильные яблочки выпели
На мичуринском древе познания.
Мы теперь — прописные истины,
Раньше — были полны страдания.

Раздирая рубахой грудину,
Доставали живое сердце,
И бросали его в середину —
В круг,
Чтоб люди могли согреться!

На пустом месте храмы строили,
Изразцы отливали глазурью.
А отстроив, гулять изволили
Во всю ширь, да с россейской дурью.

Отгудев, оглянулись — встrepаны,
Холод, ливнем огни погашены.
И грудные клетки заштопаны,
Даже шрамы — гримом закрашены.

Что ж, и пепла не осталось для памяти?
Врешь, кликуша,
Да накось, выкуси!!!
Купола из осенней замяти
Рвутся ввысь, да трехпалым высвистом!

Мы ж на голой земле храмы строили,
Глянь!!!
А там — лампы запретили пожарники...
И мадонна неладно скроена.
Да и храмы — не храмы —
свинарники!..

1988

БАЛЛАДА О КАНАРЕЙКАХ

Евгений Башта

Было время — волки да вороны
Лихо жили да крепко вздорили.
И летела шерсть во все стороны
Вместе с перьями по-над полем.

Но одни — под выстрелы списаны,
А другим — как время оставило,
Только те и другие чистыми
Перед богом своим предстали.

Егеря, походкой вальяжною,
По костям — хрустя как валежником...
И расселись кенари ражие
На ветвях чашобы прореженной.

Распустили трели и посвисты,
Закатив глаза опереточно:
— Ах, истосковались мы по свету
В духоте и темени клеточки!

Ах, травили нас и тиранили,
Накрывая тряпочкой шелковой.
Только мы-то знали заранее,
Что весна уже не за горкою!

И теперь чирикают с удалью
О своих заслугах во времени.
Но воняет падалью, судари,
Из раскрытых клювиков кенарьих!

1989

ЮБИЛЯР

Михаил Малков

Салют, Юбияр! Скажите, покуда не поздно,
Взволнованный тост, ублажите почтенных гостей!
Вы молоды так,
 вы почти грациозны,
Вы — само совершенство, при солидном таком животе.

Вы нам расскажите, как слали в ЦК телеграммы,
Как тенором звонким настойчиво звали вперед.
Но мне очень жалко
 вашу старую маму
Вот уже тридцать лет ее имя склоняет народ.

Мы слушаем вас, как слушали, впрочем, и раньше,
Когда добровольно месили горячий песок —
Пока мы орали
 фальшивые марши,
Фортуна со страху разбила свое колесо.

Ну что ж, Юбияр! Не только у нас, и в Европе
Непросто работать официальным лицом.
Так давайте же тост,
 ибо время торопит,
И не капайте водкой в тарелку с чужим холодцом.

Ах, как я люблю ваши официальные лица!..
Салют, Юбияр, мы — одна трудовая семья.
На общей земле
 довелось нам родиться,
Хоть ждет нас кого — юбилей, а кого-то — скамья.

Салют, Юбияр,
Юбияру— Салют!
Перед зеркалом я
Поднимаю бокал...

1989

* * *

Конечно, страшно умирать,
но как же страшно жить,
когда придётся выбирать
кому служить.

И нужно, не рубя с плеча,
произвести расчёт:
а может, дело палача
меня влечёт?

С удобным креслом кабинет,
шестёрка-секретарь,
паёк, шофёр, приоритет
и прочий инвентарь
красивой жизни и судьбы,
удавшейся вполне.
Ведь палачи, как и рабы,
у нас всегда в цене...

А может, ты пойдёшь туда,
где нищая, в грязи,
под серым знаменем труда
твоя страна лежит?
И зная, что «земных богов»
ждать не замедлит месть,
не испугавшись батогов
ты скажешь всё, как есть?..

Конечно, страшно умирать,
но как же страшно жить,
когда придётся выбирать
кому служить...

Евгений Башта
1989

СЕНЕКА

Михаил Малков

Нельзя, служа тирану,
Творить добро.
Зализывая рану —
Глотаешь кровь.
О, как ты прав, Сенека,
О, как ты прав...
Свобода человека —
Покой и прах.

Мы жили не напрасно,
Не где-то, здесь —
До одури прекрасный
Картонный лес.
Мы — зайцы осторожные,
Грызём морковь,
Но быть хотим похожими
На волков.

Нас осудить не вправе
Никто с тобой.
Рассудит бой без правил,
Извечный бой.
Не хочешь жить в бедламе?
Попробуй — без!..
Но царствует над нами
Картонный лес.

Пусть жизни не хватило
И сигарет.
Не убивайся, милый,
Ты видел свет.
Огонь зажётся новый
В темноте,
Искусно намалёванный
На холсте.

И кто теперь Иуда,
И где — Иисус?
Нелепо верить в чудо
В таком лесу.
Серебряные ели
Опутал чад,
Здесь раньше птицы пели,
Теперь — кричат!

Кричим «No pasaran» мы...
И пьём ситро —
Нельзя, служба тирану,
Творить добро.
Пусть сам себе я лекарь
И костоправ —
Но как ты прав, Сенека,
О, как ты прав...

1988

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... МАЛКОВ И СЕНЕКА

Евгений Гуров

Однажды Малков шел по лесу. Вдруг на одном из деревьев он увидел вырезанную ножом надпись: «Сенека» и стрелку, указывающую направление. Малков пошел по стрелке, предвкушая встречу с великим мыслителем, и, немного погодя, увидел вторую такую же надпись со стрелкой. Через несколько десятков шагов Малков подошел к третьему дереву с надписью «Сенека», однако стрелка на этом дереве, вопреки первым двум, показывала обратное направление, то есть то, откуда он пришел.

— Что за бред,— подумал Малков, и, не поверив третьей стрелке, пошел первоначально заданным маршрутом. Пройдя несколько шагов, он провалился в медвежью берлогу.

Медведя дома не оказалось, однако, без несчастного случая не обошлось. При падении Малков вывихнул себе предплечье. Кое-как выбравшись из берлоги, он, изнывая от боли, пополелся обратно. На пути ему ему попало раздвоенное, видимо от молнии, дерево. Он сунул в развилку больную руку и, скрепя зубами, упершись пятками в ствол, выправил себе предплечье.

После этого Малков написал песню, в которой есть такие слова:

*«Пусть сам себе я лекарь и костоправ,
О, как ты прав, Сенека, о, как ты прав...»*

*Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей
и будущей жизни поэта Малкова и его друзей.*

1995.

ПЕСЕНКА НИ О ЧЕМ

Евгений Башта

Кто-то шел вперед,
Но в пути устал,
Кто-то сделать мог,
Только сам не стал.
А поля забил
Черт-чертополох,
И не стало сил
Перейти порог.

Кто-то песню пел,
Но совсем не ту.
Кто-то бил друзей
Сзади, на лету.
Этот — знать хотел,
Только был не смел.
А тот — хлеб имел,
Да втихую съел.

Так уж повелось
Уже сотни лет:
Если нет — то есть,
Если есть — то нет.

А поля забил черт-чертополох,
И не стало сил перейти порог.

1987

ПЕСЕНКА ПЕРЕДОВОГО ШАХТЕРА

Александр Катохин

Очумел с бухты-барахты,
Но у нас сегодня вахта!
Взял отбойник, лезу в шахту:
— Ставьте табеля!
С похмела, с автопилота
Появляюсь на работу—
Заработать на Тойоту,
Дать стране угля.

Давай, давай! Бузуй, бузуй!
Начальству—премия! Рабочим—...!
(Молоток, кирку, лопату)

Почитай, хана, ребята,
Коль обвал. А на зарплату—
Полтора рубля.
Подвалила неудача—
В воскресенье ишачу,
Десять тонн перелопачу,
Дам стране угля.

Плужить дни и плужить ночи!
(А начальник с бабой в Сочи).
Я—сознательный рабочий,
Я не тру-ля-ля!
Завещал великий Ленин
Вкалывать, чтоб были в пене.
И сегодня я на смене
Дам стране угля.

1991

* * *

В ее глазах сгущался сумрак ночи,
В моих — закат сегодняшнего дня.
Она сказала мне: — Я нравлюсь тебе?
— Очень! — Тогда женись! — согласен, молвил я.

Я и не знал, что моя суженая — ведьма,
В натуре, ведьма, из семейства колдунов.
И после свадьбы начались сплошные бредни
Душевных стрессов и ночных кошмарных снов.

Она в трубу ночами улетала,
А утром прилетала из трубы.
Она в гробу всю партию видала,
А я во сне видал одни гробы.

Мне надоели сны с мистическим сюжетом,
И как-то раз, под самый новый год,
Вернее, нет, одним холодным летом
Пошел к судье и подал на развод.

Мы разошлись без ругани, без мата.
Ушел к другой, и жизнь пошла на лад.
Она имела книжку депутата
И не имеющий границ советский блат.

Она с Москву на сессии летала,
Она ходила на Динамо–ЦСКА.
Она в ЦК всю партию видала,
А я во сне видал одно ЦК.

Она в ЦК всю партию видала,
А я во сне видал одно ЦК.

Евгений Гуров
1992

ПЕСЕНКА О МОЁМ СОСЕДЕ

Евгений Гуров

Мой сосед — отвратительный тип,
Он под окнами ставит свой джип.
Я за то ему морду набил,
А он в суд на меня заявил.

Захожу я, товарищи, в суд.
На скамеечке — этот верблюд.
У него за спиной прокурор,
Бывший дворник, Кубышкин Егор.

За столом — трое верных друзей,
Трое наших бессменных судей,
Три ножа, трое верных тузов.
Самый старый уже без зубов.

И сказал самый старый судья,
Сквозь пенсне поглядев на меня:
— Пофнимифесь! Фуфыфкин Фефол,
Фам обяфит сейфяс пфигофол.

Я бледнею, не в силах понять,
Что имеет он этим сказать.
То ль меня отпускают домой,
То ль пугают старушкой-тюрьмой.

Прокурор вдруг командует: — Встать!
А мне так захотелось... в туалет,
Что пошел я по залу суда,
Прямым к замупреду суда.

Извините, товарищ Зампред,
Вы не скажете, где туалет?
Что-то давит в желудке моем...
Он ответил: — В тюрьме, за углом.

— Все, спасибо, не надо, прошло.
Тут прошамкал беззубый мурло:
— Я тефя офтрафую, балда,
За хофденье по залу фуда.

Я гляжу на судью утюгом.
То ли мне повернуться кругом,
То ли мне ему руку пожать,
Ну никак мне судью не понять.

И тогда говорю ему я:
— Извините, товарищ судья,
Ваш великий могучий язык
Каждый раз меня ставит в тупик.

Он в ответ зарычал, словно рекс,
И захлопнул свой толстый кодекс.
Тут поднялся Кубышкин Егор (с наганом в руке)
И суровый прочел приговор.

1989

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

Александр Катохин

Что ж ты подбоченился, или подбочунился?
Как-то по-чиновничьи на меня прищурился?
Я мечтал, чтоб было все — чисто человечески,
Ну, и как порядочный, постучался вечером.

Не по чину, стало быть — чисто по мужчинскому:
— Мож, давай послушаем полонез Огинского?
Ну а ты, как чокнутый, чушь поплел чрезмерную,
Через щель дверную мне: — Это не таверна, мол!

За щеколдой все вы так — черезчур отчаянны,
Но в чипке мне встретишься (может быть случайно),
С чарвака* прочту тебе нормы поведения,
Чтобы твои челюсти отклянчились от чтения.

У меня чичас уже чес косноязыческий,
Чтоб развеять начисто пыл нигилистический.
Чую, что ты кичишься, павой раскорячился!..
Ну и что теперича, до врачей на клячече?

Не чешусь, не вшивлюся — чучу отчебучиваю!
И порой закручиваю, но честно, не в двуручную.
Постучал, все чинно так, чисто по-мужчинскому.
Но рассчитывать тчетно я на полонез Огинского.

* Чарвака — материалистическая школа в философии
Древней Индии, возникшая в середине I тыс. до н.э.

* * *

Есть сосед у меня — сущий гад.
Денег — куры не клюют, видит Бог.
Ну, у Бога для него — светит ад,
А мне хочется, чтоб здесь
суд был строг.

Пусть поспрашивает, где что берет,
И накажет по всей строгости мер.
Пусть сосед, что заработал — не врет.
Спер, наверно, где-нибудь, лицемер.

Где у нас так платят? Только в ЦК,
Да борцам против шпионских интриг!
Но ведь он ни тот, ни этот, пока —
Значит, тащит что попало, срамник.

Ну, а нам тогда как, честным людям,
Тем, которым только цепи терять?
На него же наши дети глядят,
Как им после коммунизм доверять?!

Вот и спрячьте для острастки в Сибирь,
Чтобы было неповадно другим
Подрывать социлистический мир.
А то ишь, зашевелились, враги!

А когда вам безразличен народ,
И ему вы не хотите служить —
Я тогда пойду, куплю пулемет,
И устрою контре райскую жизнь!

Евгений Башта
1988

* * *

Прошло три недели с последней попойки.
Ряды поредели врагов перестройки.
Но наша, товарищи, совесть чиста —
Враги перестройки засели в кустах!

Сегодня дана демократия людям.
Кто хочет — не спит, кто не хочет — разбудим!
Любого, кто хочет не вовремя спать,
Наш долг разбудить и перевоспитать.

А он: —
я просыпаться не хочу.
А он: — закройте мне глаза,
поставьте надо мной свечу,
в углу повесьте
образа...
Зачем вам мой
веселый смех?
Я тише всех. Я — тише всех.

За нами идут наши меньшие братья —
Детишки застоя, хмельного зачатья.
И назло маневрам наших врагов
Клич пионера: «Всегда будь готов».

— Мы сами в историю вносим поправки,
Но кто опозорил Морозова Павку?
Традиции наши дороже всего —
Так дайте ж врага нам, ну, хоть одного!

А он: —

я просыпаться не хочу.
А он: — мне сладок этот дым.
А мне все кажется — лечу,
и не ко мне ведут следы,
а ваша милая резня
не для меня, не для меня.

И новые песни придумала жизнь.
И новая птица над кем-то кружит...

— Спокойно, товарищи, все по местам!
Враги перестройки не дремлют в кустах!

Михаил Малков
1989

ТЕЛЕГА

Михаил Малков

В гору катится телега,
На запятках — пулемет
На мешках сидит детина,
Песни громкие орет.

В гору катится телега,
Да телега без колес.

В мешках
много миллионов —
в дружбе-радости живут,
как один,
сквозь прорехи в мешковине
невеселыя глядят.

Едет, катится телега,
Ой, телега без колес.

Ой, коняга плохо тащит,
тот детина, на мешках
что сидит,
восемь раз менял конягу
на телеге без колес.

Едет,
катится телега,
на запятках — пулемет.

Но тут один из миллионов,
он тихо ехать не любил,
не хотел:

— Чем на вашей колымаге,
так лучше я пойду пешком,
говорит.

Едет,
катится телега,
на запятках — пулемет.

А сам запродался Антанте
(был он на руку не чист,
негодяй),
раздобыл себе Тойоту
и поехал далеко.

А где-то катится телега,
Колымага без колес.

Но в пять минут его споймали
и, чтобы было неповадно
другим,
за телегой потащили,
за телегой без колес.

Едет, катится телега,
На запятках пулемет.

...И подписана бумага,
Это ж надо понимать:
Наше слово — «колымага»
От названья — Колыма.

Едет, катится телега,
А на запятках — Колыма.

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО.

Евгений Гуров

В раннем творчестве песни у Гурова были длинные, скучные и нудные. Но прошли годы. Песни стали короткими, интересными и веселыми. Однажды к нему пришел Малков и предложил послушать свою новую песню. Песня называлась «Телега».

Когда Малков наконец-то спел свою песню, Гуров подумал: — Уж не намекает ли эта сволочь на мое раннее творчество?..

Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей.

1995.

ЁЛОЧКА

Евгений Гуров

Зима была суровая,
По лесу ехал я.
На мне шубенка новая
Из меха соболя.
В санях три левых валенка,
А в бочке — бражный мед,
А на запятках старенький
Железный пулемет.

Игрушку эту ржавую
Нельзя мне не иметь —
Вдруг волки всей оравой,
Или, скажем, сам медведь.
Душа как на иголочках
Ликует и поет:
— В лесу родилась ёлочка,
В лесу она умрет.

Вот ёлочка красивая
Стоит меж двух елей.
— Тпру, — торможу я сивого
И прыгаю с саней.
Представился Федоткою
Красавице лесной,
Сказал: — Есть хата с водкою,
Поехали со мной.

Но мне сказала ёлочка:
— Послушай ты, удов.
Ведь ты ж, подлюка, ёлочек

Меняешь каждый год.
Я говорю: — Прекрасная,
Коль не пойдешь добром,
Спознаешься, несчастная,
С железным топором.

Она на это лихо так:
— Да я б пошла с тобой,
Была б я медведихою,
Или Бабою Ягой.
Но я всего-лишь ёлочка,
А вовсе не медведь.
Посыпятся иголки,
И стану я лысеть.

Природная гармония
Нас не соединит,
Да здравствует Япония!
Давай, руби, бандит!

Я скинул свою шубушку
С крутых крестьянских плеч.
— Ну, говорю, голубушка,
За столь обидну речь...
Взмахнулся я на ёлочку
И помутился взор —
Не стал рубить я ёлочку.
Забыл, дурак, топор.

Хлебнул из бочки бражки я,
Растроился до слез.
— Но! Крикнул, — лошадь страшная,
Вези меня в совхоз.

Ну хорошо, мохнатая,
Приеду завтра в день,
И от тебя, проклятая,
Останется лишь пень.

Приеду с Витькой корешем,
Он пьяный — очень злой.
И спилим прям под корешок
Бензиновой пилой.
Хлебнул еще бражули я,
Распавил гордо грудь,
И устремился пулею
К совхозу «Светлый Путь»

Примчался я и с болию
Сердешною завыл —
Шубенку-то соболию
Под ёлкою забыл.
Погнал я снова к ёлочке
Коняшку своего.
Приехал — там ни ёлочки,
Ни шубы, ничего.

1990

* * *

Сижу на лавочке, читаю де Бальзака,
Я так люблю его любовные дела.
Подходит вдруг какая-то собака —
Понюхала — и дальше побрела.

А я так сильно зачитался Мопассаном,
Что не заметил ни собаку, ни ментов,
Которые ловили наркоманов,
Дымивших беломором из кустов.

О, как легко советский комик Чехов
Владел пером, как он умел смешить...
Читаю Брежнева, и не могу от смеха
Приставку от глагола отличить.

Смешно писал, двух быть не может мнений,
И все-таки я, право, не пойму,
За что английский драматург Тургенев
Под поезд бросил бедную Му-Му.

А славная, слышал, была корова,
И много, блин, давала молока!
Хозяев понимала с полуслова.
Угробили такого, блин, быка...

Да, де Бальзак писал довольно ярко,
Быть может, даже ярче Оноре.
Опять идет ментовская овчарка,
Сидела б лучше, сука, в конуре.

Ведь я сию, читаю де Бальзака,
Я так люблю его любовные дела...
Подходит вдруг какая-то собака,
Понюхала — и дальше побрела.

Евгений Гуров
1989

* * *

Как сварился в кипятке — значит, — царь.
Так Иван, не будь дурак, — шасьт на трон.
— Алилуя, — затынул пономарь,
Распугав в саду дворцовых ворон.

Закатили, как положено, пир,
А когда народец стал просыхать
Новый царь и удивил честный мир:
— Без указа, — говорит, — не пахать!

В разнород у нас хозяйство идет,
Там — посеяли, а тут — еще ждут.
С этим связан иногда недород,
Что, как немец говорит — не зер гут.

А посему везде приходит весна
Лишь когда выходит царский декрет.
Я надеюсь мысль предельно ясна: —
Нет декрета — и весны, значит, нет...

Евгений Башта
1989

ПРО ГОЛОГО КОРОЛЯ

Евгений Башта

Расскажи все, как было, Сказочник,
Как король в неглиже шел по площади,
И точеные, словно вазочки,
Дамы ахали: платье — просто шик!
Восхищались ему вслед придворные,
И шептали: — Его Величеству
Без сомненья, подходит черное,
И золотой позумент в таком количестве!

И цветочки серебрёные по белому,
По фигуре, в аккурат, платье сделано.

А король, щуря глазки кокетливо,
Улыбался восторженным подданным,
И, махая им ручкой приветливо,
Выставлял напоказ свои органы.
Он был рад, что понравился гражданам,
А герольд возвещал: — В скором будущем
Будет платье такое у каждого —
Сможет всякий иметь, даже булочник!

Чтоб цветочки серебрёные по белому,
Чтоб по фигуре, в аккурат, чтоб было сделано.

Все как есть Расскажи, дядя, лучше уж,
И не нужно выдумывать мальчика.
Через год после этого случая
Все оделись, от премьера — до шарманщика, —

И лишь цветочки серебрёные по белому,
Но по фигуре, в аккурат, платье сделано.

ГОРОД СЧАСТЛИВЫХ РАБОВ

Евгений Башта

Здесь бесполезно пробовать дышать,
Болотный газ не заменяет воздух.
И прошлое сюда приходит поздно,
Уродской бесполезностью смеша.

Здесь распинают, чтобы сделать Богом
И славословят, сталкивая в грязь.
Здесь ненавидят, истово молясь,
А нежно любят
только до порога.

Город счастливых рабов,
Столица убогих одежд.
Город фонарных столбов,
Родина серых надежд.

Здесь так прекрасно, что хоть волком вой.
Здесь души, как и помыслы, чисты,
И совесть мучит меньше, чем глисты,
Здесь все довольны жизнью и судьбой.

У них удачлив — то же, что и сыт,
А жирная еда — уменье жить.
Им отроду написано служить
За то, что их Хозяин будет бить.

Город счастливых рабов,
Столица убогих одежд.
Город фонарных столбов,
Родина серых надежд...

1990

* * *

Мы дети атаки, так и не знавшей победы.
Мы выросли в мраке,
Считая за счастье — беды.
Нас учили молитвам,
Вбивая слова проклятий.
Нашим венам бритвы
Роднее, чем кровные братья.

Нас пустили в расход,
Чтоб не учитывать в смете,
Но мы приходим к вам,
И с нами приходит ветер.

Мы дети ночей,
Пропахших страхом и потом.
Мы — огарки свечей,
Мы — мишени для царской охоты.
Наше имя — тоска,
Мы больны ожиданием боли.
Обречённость броска
В пустоту нам служит паролем.

Нас пустили в расход
Чтоб не учитывать в смете,
Но мы приходим к вам,
И с нами приходит ветер.

Евгений Башта
1990

* * *

Нам не нужно знать, мы давно прошли
Теорему сна в распечатке машин.

И в рапиде слов
Из горящих книг
На решетке снов
Мы сожгли свой крик.

Мы пришли слишком поздно,
И носят цветы
К нержавеющей звездам,
Забившим кресты.
Там на мраморе — сохнут
Наши слова.
Их лижет молва, тупая молва...

Нам не выжать ни капли из разохшихся губ
На источенный камень раскоряченных труб.

Не сорвется пассаж
С измочаленных рук...
Мы — остывший вираж,
Завершающий круг.

Мы пришли слишком поздно,
И носят цветы
К нержавеющей звездам,
Забившим кресты.
Там на мраморе — сохнут наши слова.
Их лижет молва, тупая молва...

Евгений Башта
1990

* * *

Кровавая мера новой потери,
Чёрное время разбрасывать камни.
Ненависть — выше высоких материй.
Место для мести.
Труссы за ставни.

Старые гончие — в новой охоте.
Старые сказки — в новой одежде.
В небе кострами ночь колобродит,
Сладкого смрада больше, чем прежде.

Красное солнце, мёртвые лица,
Пепел комом мечется в горле.
Всех, не уставших в бою веселиться,
Будит петух своим радостным горном.

Чёты и нечеты — бабкины враки.
Нет, не для нас
 верить глупым приметам.
Сегодня хвосты поднимают собаки,
...Многая лета,
многая лета!..

Для тех, кто устал бояться
Лютых цепных сторожей,
Для тех, кто не хочет паяцем
На пепелище кривляться —
Ночь длинных ножей,
Ночь длинных ножей!..

Евгений Башта
1990

* * *

Нам хлеба не надо — работу давай!
Нам солнца не надо — нам партия светит.
Товарищ, со временем в ногу шагай!
Мы социализма великого дети.
Токарный станок, я тебя воспою,
И гаечный ключ я прославлю стихами,
Зарплату отправлю в Зимбабве свою.
На энтузиазме мы выдюжим сами.

Не выполнит норму жена — разведусь!
Дороже мне честь моего коллектива
А сам — пятилетку в три года берусь!
Такая, товарищ, вот есть перспектива.
Правительство, требую Издать декрет,
Чтоб корм мы вкушали подножный и воду,
А колбасу — экспортировать в Тибет,
Как проявление дружбы народов.

Я верю — поддержит меня наш народ,
Он в светлое завтра проторит дорогу,
И жмых, и перловку пережует,
С интернационалом шагаячи в ногу.
Под красное знамя в шеренги — давай,
Вперед к коммунизму, советские дети!
Нам хлеба не надо — работу давай,
Нам солнца не надо — нам партия светит!

Александр Катохин
1989

МОНОЛОГ ЧЕТВЕРТОГО ДОБРОЖЕЛАТЕЛЯ.

Из цикла «Есть мнение...»

Михаил Малков

Кто вместе с нами ругал интервентов,
Кто говорил, что Америка — дура?
Я ненавижу интеллигентов —
Проводников буржуазной культуры.

Интеллигенты — агенты Антанты,
Из них диссиденты — каждый пятый!
А остальные, значит, четыре —
Сидят на шее у нашего брата.

Вот у нас страхагенты — вот это агенты!
От атомной бомбы они страхуют
Садовые домики и монументы
Наших героев. Но это всеу.

Интеллигенты, что пишут в газетах?
Агенту ЮАР не придумать такое...
Зачем нам, товарищи, их аргументы,
Мы будем и впредь возводить и строить.

Так мало ль печатают гадостей новых?
Бездействуют, стало быть, депутаты.

А в нашей стране после тридцать седьмого
был, как ни странно,
и сорок пятый!..

С такими орг. моментами
нельзя без напряженности —
они нас аргументами,
а мы их — убежденностью!

Они нас аргументами, а мы их — все равно!

1989

* * *

А стране моей уж давно каюк,
А в стране моей — поменяли флаг.
Я закрыл плотней в теплотрассе люк,
На трубе лежу, слушаю Маяк.

Кумом королю я был, был, кабы не сглазили.
Потаскала меня жизнь, как что зря по грязи.

А в стране моей — что ни крест — пророк,
А в стране моей — что ни трон — дурак...
Книги я читал прежде между строк,
А теперь вовсю слушаю Маяк.

Если что-то между слов — там они замажут,
А пенсионер Змиев, все как есть, расскажет!

А стране моей — греют руки впрок,
Пешкам как в застой — на холсте очаг!
Да, в числе тех жил — нынче без порток,
Но зато захлеб слушаю Маяк.

Жаль вот, трубы прорвало, да припасы тают...
Можно жить — тепло, светло... И мухи не кусают.

Александр Катохин
1989

ПОРТРЕТ

Михаил Малков

Я повесил Ваш портрет посередине комнаты.
Никого милее нет — только Вы, да только ты.
Я объездил полстраны — от Москвы, до Москвы,
Мне другие не нужны — только ты,
только Вы...

В подсознании моем тренькают песенки,
Скоро вместе запоем весело, весело.
На зарплату я плюю, (что нам — щи да каша...)
Не протянем на мою — проживем на вашу.

От твоих лучистых глаз нет, не скроешься,
От твоих душистых фраз — перестроишься.
Торопи, не торопи — да куда ж денешься?
Я недавно бросил пить — ой, нету денежек.

Перестроены уже
Мишени в тире
Ты живешь в моей душе,
А я — в сортире.
Я живу в своей норе,
Скоро осень.
На стене висит портрет —
Жрать не просит.

Я повесил Ваш портрет
Посередине комнаты...

1988

ПРИЯТЕЛЬ РОМА

Александр Катохин

Весь Ромкин путь — два метра книзу,
По жизни словно по карнизу,
Но не открыли кере визу за тайгу.
Пробитая штырём теллага,
Под печкой трети сутки брага,
След босых ног на мартовском снегу.

Тайга — закон, медведь — хозяин!
А где подохнешь, кто же знает?
И беспредел здесь процветает — жуткий страх!
Мой кент напился, как скотина,
Вот взять бы, да облить бензином,
Поджечь и плакать на похоронах.

Пропахшая тоской делянка,
По трёшке Соньке-молдаванке,
Закутать гадину в портянку, влить стакан!
И далеко ещё до съёма,
Не лезь в бутылку, хитрый Рома,
Успеем всё, пока приедет шаробан.

Петля, по вечеру на плаху.
В сапог махры, не дать бы маху.
ООРом мне привили страху мусора.
Шнырь при раздаче шлюмкой брякнет,
На верхних нарах уж Рома крякнул —
Не дотянул, бродяга, до утра.

Из-за неё ведь бросил кони,
Из-за потаскухи этой Сони
На выкидной с базаром Ромик налетел.
А Соньку водят всё в сторожку
И лепят ей на лоб по трёшке,
А мой приятель свое уж отсидел.

1985

НА ЧЕТВЕРЫХ

Александр Катохин

Наш парторг мне всегда мозги пудрил по пьяни:
— Ленин с нами! Слышь, Саня? Навечно он с нами!
Я ему отвечал: — Мало чемера в жбане,
И на кой черт нам третий при скудном гуляньи?!

Но парторг по русскому обычаю
С кухни приносил еще бокал —
С полным выраженьем безразличия
На троих поллитра разливал.

Я рысачил по точкам, у бабок скрипучих
Брал, и мигом обратно. А там — рожа сучья,
Квакнув ленинский чемер, сидел и канючил:
— Ленин жил! Ленин жив! Он живет живучих!..

Черствою закусывая пищу,
Под сопатку что-то пробубнив,
Наш парторг, уже как по традиции,
Три стакана двигал под розлив.

Я баклажку одну за другой наливаю,
Он за Ленина и за себя выпивает.
Я смотрю удивленно, парторг поясняет:
— Ленин, Саня, во мне с детских лет проживает!

И тогда без всякого смущения
Поделил на четверых я штоф,
И парторгу сделал заявление,
Что в меня вселился Горбачев!

1991

БЕЛКА

Михаил Малков

Мы читали, мы писали,
наши пальчики устали,
все на свете побросали и уехали тайком.
Мы хотим послушать птичек,
мы садимся в электрички,
пусть хоть к черту на кулички, только чтобы далеко.

Не пугайтесь, милый мистер,
мы совсем не экстремисты,
мы советские туристы, мы, естественно, за мир.
Что нам городские крыши —
нам леса родные ближе,
чистым воздухом мы дышим,
дышим, дышим... Mon amie...

...Жизнь как поезд мчится мимо,
знаю, истина стара —
чтоб любить и быть любимым —
выпей водки у костра!

Лучше жить в лесу родимом,
чем прослыть невыездным —
надышаться горьким дымом,
пропитаться этим дымом,
пусть глаза мне выест дым.

Чтоб ослепнуть, чтоб увидеть
то, чего не может быть,
чтоб себя возненавидеть,
чтобы Родину любить,

ту, которую Европа
тщетно силится понять —
эту бабу с толстым брюхом —
нашу Мачеху и Мать.

Ту, которая сироткой
жметя по очередям,
что не может жить без водки
и кислотного дождя,

Ту, что после перестрелки
ковыряется в носу...
Я в лесу поймаю белку,
я спасу ее, спасу.

Дайте водки, водки, водки,
в ней предчувствие беды!
Нет, не вороны, не волки —
пусть глаза мне выест дым.

Завтра, завтра, завтра, завтра —
пыльный колокол гудит.
Что Господь пошлет на завтрак,
что Господь пошлет на завтрак,

что там будет впереди?

Потолок,
следы побелки,
самоволка, самосуд.
Я в лесу поймаю белку,
я спасу ее, спасу...

Пусть же белка в клетке скачет,
не пугайся, милый мальчик,
что для нас с тобою значит эта белкина беда?..
Потому-то по привычке,
мы спешим на электричку,
мы садимся в электричку, да не едем никуда.

А если едем — не туда.

1990

ПЕСЕНКА ПРО ПЕРЕСТРОЙКУ

Михаил Малков

Я недавно пережил потрясенье —
Родилась у меня дочь в воскресенье.
И волнует парадокс очень тонкий,
Как назвать родного, значит, ребенка.

Нади, Оленьки, Наташи и Веры
Будоражат ослабевшие нервы,
Их повадки и характеры лисьи
Навевают нехорошие мысли.

А вот Сталина, например, или Домна —
Интерес к ним у народа огромный!
Ну, а Машеньки, Любаши и Кати —
Мне ж их до смерти теперь, значит, хватит.

Назову я дочь не Зинкой, не Зойкой,
Я дочурку назову ... Перестройкой!
Покажу патриотизм небывалый —
Пусть зовется — Перестойка Михална.

Я ж решил окончательно твердо,
И от этого — до одури гордый,
Игнорирую былые попойки —
Я ж фактически — отец Перестройки.

А если будут у меня инценденты,
Набегут, положим, корреспонденты...
То на всякие их (анти) вопросы
Я отвечу убедительно просто.

Как, к примеру, отношусь в перестройке —
Так я ж, естественно, души в ней не чаю!..
Днем и ночью ей орать разрешаю,
И на бабушку пи-пи.. (для начала).

Чтобы знал старик законное место,
Как неправильно он жил — всем понятно.
Вот дочурка и орет (в знак протеста),
И на пеленках нет почти белых пятен.

А какой мой личный вклад в перестройку?
Так вот он, бегающий мой вклад, посмотрите!
Я ж зарплату (большую такую..) приношу точно в сроки
И не отказываю ей в дефиците.

Хочешь, дочка, колбасы? Есть колбаска,
Семь с копейками, родная, не деньги.
В магазине нашем лучше, чем в сказке,
Майонез — и тот бывает частенько.

Каждый вечер возвращаюсь в трамвае
И тихонько про себя напеваю.
Я постоянно представляю, как дочка
На лужайке собирает цветочки.

Или — доченька в песочек играет,
Вся с косичками и в розовом платье...
А жена кричит: — Домой, дорогая!
Погоуляла, пошалила...И хватит!!!

Будет доченьке прямая дорога,
У нее всегда друзей будет много,
А если в школе получать будет тройки,
То это происки врагов перестройки.

И чтоб первой в малолетстве не сгинуть
Я вторую (дочь) назову КеГеБиной...

Что за осень на земле золотая!
Я над городом своим пролетаю.
Может, все это и в правду красиво...
Я лечу. И просыпаюсь счастливым.

1989

БУНТ

Евгений Башта

Солгал нам капитан, солгал,
Наобещавши близкий берег.
Росою паруса потели,
Пытаясь отыскать причал.
Опутал такелаж туман,
Свихнулась стрелка у компаса,
И рифы ждали только часа,
Когда корвет взять на таран.
Земли, казалось, больше нет.
Бунт назревал нарывом гнойным,
Но с виду было все спокойно,
Пока не наступил рассвет...

Качала палуба пьяные лица:
— Ну что, капитан, наш черед веселиться?
На рею пойдешь, или за борт
акул кормить?
Но гвалт мятежа перекрыв без натуги,
Он бросил в лицо нам: — Медузьи слуги!
Отставить галдеж!
Ром начал в мозгах штормить?

Команда взъярилась, и в бешеной сваре
Кипели мозги в истеричном угаре,
И палубу кровью за кепом
вымыл старпом.

Боцман у грота в агонии бился,
И штурман волчком от заряда крутился —
Ведь трудно начать, — а потом,
а потом,
а потом...

Чужие кони рвали удила,
Подгнившие от долгого висенья.
Кружилось, раскаляясь добела,
Шальное, разудалое веселье.
Команда веселилась, как могла,
День обещал хорошую погоду,
Но в этот миг подводная скала
Вломилась в днище и
сыграла коду!..

1990

ПИАСТРЫ

Александр Катохин

В этих морях
Удачу не дарят кому-то другому,
И капитан
В который раз просит: — Дарби, дай рому!
С вымпела череп
Картчью простреленной скалится пастью,
Он тоже в дележке!
Пиастры, пиастры, пиастры...

И, тайну храня,
Лишь вдвоем до ближайшего порта.
Но при условии,
Когда из двоих один уже мертвый.
Здесь кривой нож
Всем право дает на причастие к власти —
Кровавый невольник!
Пиастры, пиастры, пиастры...

К дьяволу, приятель, передавили склянки,
Азалией переплели портал!
И ваш двухпалубный фрегат,
О, тысяча проклятий,
Своими трюмами кровь липкую хлебал!

И выстелят путь
Чужими костями, чтобы в ад по дороге
Идти, и не жечь
На углях палящих босые ноги.
Вот медленно рвут
Кого-то на баке на мелкие части
Под жадные крики —
Пиастры, пиастры, пиастры...

К дьяволу, приятель, передавили склянки
Азалией переплели портал!
И ваш двухпалубный фрегат,
О, тысяча проклятий,
Своими трюмами кровь липкую хлебал...

1988

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ВАЛЬС

Михаил Малков

Спокойно, господа,
идея не нова —
Россия далеко, но мы куда живы.
Оставьте, господа,
красивые слова!
Красивые слова — смешны,
смешны и лживы.

Так вышло, господа.
Советы на местах,
мир не видал с тех пор пропавшего Мессии.
Но нет, не растоптать
последнего креста,
последнего Христа в истерзанной России.

Кружатся белые спицы
В крошечке белых берез...
Господи, это не снится,
Господи, это всерьез.

Ну что-же, господа —
на Родине пожар,
но что нам до того, будь с нами Царь и Вера?..
Россия далеко,
и лезвие ножа
застыло у виска, как дуло револьвера.

...Кружатся, кружатся, кружатся
серые лица,
Тянутся, тянутся, катятся
серые дни.
Господи, дай ты мне, Господи,
право на выстрел!
Господи, Боже, о чем я...

Господь сохрани!..

Константинопольский вальс —
кто в Марсель, кто в Париж!
Я поставил на вас в безнадежном пари.
Здесь седые огни, здесь людей кутерьма...

Есть у нас, кроме Родины,
Родины... Родины...
Другие дома.

Да, другие дома.

1988

MON CHER

Александр Катохин

Няня,
Мне не хватает погремушек,
Няня,
Я расскажу, а ты послушай,
Как самозванный патриарх,
Обузданный тоской
В квартире мечется холодной и пустой.

Город,
Ты как ямщик замерз в дороге,
Город,
Ломай избушки, строй чертоги!
Неон парижских длинных улиц,
Не тронутых рукой,
В квартире топчется холодной и пустой.

Месье, Мадам,
же не манж па сис жур,
Я вам потом отдам,
Как только перейду в аллюр...
И этот парафраз,
Мой вычурный невроз —
Салфетка чувств, не заданный вопрос.

Мон шер,
Не рано ль наступила осень?..
Мон шер,
Меня как листопад уносит.
И укажу я в декларации все песни до одной,
Квартирный перечень холодный и пустой.

...Monsieur, madame,
Je ne mange pas six jours...

1988

ЭСКАДРОНЫ БЕРЕЗ

Евгений Башта

Налипает прогорклая хмарь
На дешевые виды Монмартра.
И опять не соврет календарь,
Дни считая с усмешкой педанта.
Позолота погон расползлась
Под чужим морозящим июлем
И желанье в российскую грязь
На колени упасть,
пусть от пули...

Выше неба и крыш
Запах черного хлеба.
Кто — аллюром в Париж,
Кто — галопом на небо.
И горчит ностальгия —
Память проданных слез.
И уходят в Россию
Эскадроны берез...

Тень, парящая в мутном трюмо —
Узнаете себя, милый друг?
Но становится время тюрьмой,
Описав свой положенный круг.
Кислый запах ночного бистро,
Где размешан с бордо шансонье —
Боже, все это слишком пестро
И совсем не по мне, не по мне...

Но горчит ностальгия — память проданных слез,
И уходят в Россию эскадроны берез.
Выше неба и крыш — запах черного хлеба...

Кто — аллюром в Париж, кто — аллюром в Париж...
Кто — галопом на небо...

1989

ВЕРНУТСЯ ПТИЦЫ...

Михаил Малков

Внезапно наступила осень
на Город
мокрым каблуком...
Холодный ветер птиц уносит
безвременно и далеко.

Они кричат. Поют ли? Плачут
на непонятном языке?..
Кому они нужны, тем паче
гонимы кем?

Смешные, гордые. Чужие.
Так много стало птиц вокруг,
как будто мёртвые ожили,
готовясь в путь. За кругом — круг.

Им отзовётся пароходик,
отчаянно качнув бортом;
я знаю, в том, что происходит,
моя вина. И дело в том,

что те, кого мы не любили,
кому не верили ничуть,
тревожно крыльями забили,
готовясь в путь,
готовясь в путь;

что те, кого не замечали
до наступления зимы,

на север
нашими плечами
оттеснены, оттеснены.

Они взметнутся над рекою
и затеряются вдали,
и Осень огненной рукою
их опалит...

Летят,
ожившие не сразу
слова «Спаси и сохрани!..»,
летит, как позывной «до связи»
на выдохе — Аминь.
Аминь!

Летит невидимая птица
до Господа, в кромешной тьме,
а в небе — перьями — кружится
великий и безликий снег.

Но Боже, вопреки метели,
(когда зима придет, когда...)
дай знать, что мы осиротели
не навсегда. Не навсегда.

Дай знать, что встреча состоится,
что, долгий сокращая путь,
настанет день, вернутся птицы
во имя Птиц.

Когда-нибудь.

Не все.
Не все из дальних странствий
воротятся в конце-концов...
но дай им, Боже, постоянства
во имя нас.

И дай птенцов...

1989

МОЛИТВА

Михаил Малков

Дорога. Ночь. Не видать огня
на сотни шагов вокруг.
Дай вспомнить, Господи, дай понять,
осилить порочный круг.
Я долго шёл, я загнал коня,
мой Ангел спит на плече...
Дай вспомнить, Господи,
дай понять, откуда я и зачем.

Зима на Земле и в душе — зима,
способны ли верить мы?
Но дай же Веры мне — не ума,
чтоб Свет отличать от Тьмы.
Я знаю многое, о, Господь,
и знаю, где мой недуг...
Но знание лишь укрепляет плоть,
опустошая дух.

Я шёл и шёл, я падал в пути,
Вставал и шёл, как в бреду...
Но, Господи, я не могу идти
быстрее, чем я иду.
Так дай же сил поберечь коня
и воздуха дай свече...
Дай вспомнить, Господи, дай понять
откуда я и зачем.

1994

ПОТОМ

Евгений Башта

«Курсом на светлое будущее»

Ночь осталась за бортом.
Склянки вызвонили утро.
Порт подарен был кому-то,
Нам обещано — Потом.

День остался за бортом,
Лег в кильватерные струи.
Чайки на волне уснули,
Нам обещано — Потом.

Год остался за бортом,
Лег на дно, как ливень в слякоть.
По нему не стоит плакать —
Нам обещано Потом.

Жизнь осталась за бортом.
Рифы выгрызли нам днище
Может, кто другой отыщет
Это светлое Потом,

Это
доброе Потом,
Это вечное Потом...

1987

ТРИ ЗЕРКАЛА

БАЛЛАДА О ВИШНЁВОВОМ СОКЕ

Михаил Малков

«А на войне — как на войне...
Но жди какой-нибудь напасти,
пока не кукольные страсти
бушуют в кукольной стране.»

- 1 -

«..Мы знаем — птицы гнёзда вьют,
на хлеб щедра земля,
покуда подданные пьют
во славу короля...»

Пропеты песни, старина,
война тому виной.
Жила волшебная страна,
где плюшевый Король
спал на печи; любил весьма
овсянку на обед;
заговорённый талисман
хранил его от бед.

Светило солнышко извне,
и дождик шел порой.
Звенело золото в казне,
и весел был Король.
Когда возделывал поля
игрушечный народ,
цвели во славу Короля
и сад, и огород.

Но как-то летнею порой
в страну пришла война.
Проснулся плюшевый Король,
плеснул в стакан вина,
смахнул горячий пот со лба,
построил у ворот
отборных кукольных солдат
и выступил в поход.

«...Какой король! Какой герой!
Эх, в короли бы — мне!
Король — на то он и король,
Чтоб ездить на коне...»

Король сказал: — Врагов не счесть,
потом добавил — но...
но с нами — кукольная честь
и крепкое вино!
И, оставаясь впереди,
под громкое ура
он прокричал: — Мы победим!
И прошептал: — Пора...

...Был светел день, а ночь — темна,
а утром — первый бой.
Стреляли куклы до пьяна
и пили — на убой!
Ах, эти куклы — входят в раж,
сам чёрт их не берёт —
трубач трубил походный марш
и куклы шли вперёд —

туда,
где плавится земля,
где сильный — у руля...
Рубил Король, Король стрелял,
забыв про Короля.

(Немало долгих дней прошло,
но не об этом речь —
немало кукольных голов
слетело с ватных плеч.
Но на войне — как на войне,
сгорает день за днем.
А честь — она ведь честь вдвойне
под пушечным огнем...)

Трубач трубил, Король рубил,
кричало эхо — «ПЛИ-и-и...!»
И пел Король, а также пил —
(всё могут короли!..)
Был беспощаден во хмелю,
но вдруг —
трубач затих...

И стало тихо, как в раю,
и страшно
стало Королю
за дело рук своих.

Потом —
на землю сел Король
и молвил:
«...погоди...»

Был очень удивлён дырой
на плюшевой груди.

Чужие генералы шли,
кричало эхо: «ПЛИ!!!»
в заговорённый талисман,
потерянный в пыли...

– 2 –

...Ты ранен, плюшевый герой?
(...вишнёвой косточкой, навьлет...)
За всю баталию — впервые
прилёт Король.

Ах, мой Король, во цвете лет
ну что нам косточка от вишни?
Ведь мы чисты перед Всевышним!..
(...а может — нет...)

Смешно (...поникнув головой
под звуки радостного гимна...)
шептать: «— Горацио, я гибну...»
Но — никого.

Пробита грудь, но не крыло,
Попробуй воспарить, мой сокол!
Но хлещет кровь
вишнёвым соком, и — тяжело...

Поодаль кукольный редут
стреляет бутафорским дымом.

Король!
Полки проходят мимо —
не подберут...

– 3 –

Так что ж, мой плюшевый герой,
Воинственный Пьеро —
Дыра останется дырой,
Не больше, чем дырой.

Когда летят в тартарары
Цветные витражи,
Как знать, где правила игры
Перетекают в жизнь?

И где мы обретаем кров
Пройдя через песок?
И где шальная льётся кровь,
А где — вишнёвый сок...

1995

* * *

Плачет мир у излома секунды,
Закругляется время в песочных часах.
Плачет мир над порывом оттуда,
Не за совесть уже, но еще не за страх...

Искупление — каприз кукловода.
Не играют два раза чудной импровиз.
Не Елену — глоток кислорода
Увезет в свою Трою последний Парис.

Милосердие — искорка божья,
Раздувать стоит ласково, можно задуть...
По дельфиновой измученной коже
Пробегает усмешкой надрез через грудь.

Можно дальше, но стоит ли дольше?
Вопиющий в пустыне вопит в мегафон,
Что в сортир уже брошены дрожжи, —
Захлебнетесь в дерьме!.. Вот, опять не о том.

Не про то, не для тех, через сотню потомков,
Может, кто-то услышит его правоту.
Верить хочется в это, так хочется, только ...
Кто останется крик подхватить на лету?

На лету через Лету — почти каламбурчик.
Крылья можно купить, но не силу взлететь.
Кто потомков летать по-земному научит?
Да и будет кому там учиться хотеть?..

Евгений Башта
1990

* * *

Попутчик пьяный бормотал в тоске:
— Устал от истин. Дай мне человека
Поговорить. Душе была б утеха,
Что все мы братья — буквы на песке.

Я знаешь, сколько в жизни колесил?
Такое видел, что и не приснится...
А для чего? Чтоб в одиночку спиться?
Детей профукал, денег не скопил.

Оно, конечно, сам и виноват.
Так погулял — счета еще приходят.
Но знаешь, кости ломит к непогоде,
И некому согреть. Вот так-то, брат.

Да, жизнь... Ее назад не воротить.
На что пенять? На собственную дурость?
Она, смотри, как боком повернулась,
Мне б человека, чтоб поговорить...

Он засыпал, сжимая «Беломор».
День медленно спадал в вагонных окнах.
И одиночество к нему присохло,
Как к старой ране присыхает сор.

В стакане жидкий чай успел остыть,
На стыках ложечка позвякивала тонко.
И на Вселенную завывать хотелось волком:
— Мне б человека, чтоб поговорить...

Евгений Башта
1988

* * *

Когда пассажир проезжает свою остановку,
(...проспал? заблудился? задумался? кто разберет...)
то некто чужой, в тесноте оценив обстановку,
— Выходите?—спросит.— Тогда пропустите вперед.

Выходите?—спросит. А тот— улыбнётся печально
и двинется вправо, прижавшись к кому-то плечом.
Чужой человек передёрнет зачем-то плечами
и двинет домой, и полезет в карман за ключом...

...Когда пассажир
проезжает на поезде город,
где жил беззаботно,
но, кажется, всё-таки жил—
его, может статься,
объявят бродягой и вором,
чужой человек
обвинит в преднамеренной лжи.

И вроде бы было
все в жизни согласно билету,
и было понятно
откуда, куда и когда,
но так уж случилось,
так вышло, что канули в лету
и стали ненужными
станции и города;

но так уж случилось,
что вдруг, ни к кому и ни к месту,
он едет и едет,
сквозь сон от похмелья дрожа.

Так облако дремлет
в прохладной тени Эвереста,
так странствуют птицы —
без имени, без багажа...

...Он едет и едет, усиленно слушая ругань,
всё дальше и дальше, как будто пловец за буйки.
А что проводник — контролёрами просто напуган.
И что контролёр? Родила его мама таким.

А поезд всё мчит по холодным дорогам России,
один пассажир в нём гадает, что будет, когда

чужой человек
путь до дома (родного...)
осилит,
откроет ключом
и останется там навсегда.

Михаил Малков
1994

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... СОН ГУРОВА

Евгений Гуров

Однажды, когда у Гурова была борода, ему приснился сон. Ему снилось, будто бы он совершенно голый, но с галстуком на шее, сидит на унитазе, одной рукой расчесывает бороду, а другой пытается дернуть за цепочку, свисающую из бачка. Утром он решил побриться и вспомнил свой сон.

— Странный сон, — подумал Гуров и, побрившись, решил пойти прогуляться. В это время к нему зашел Башта.

— Расскажу-ка я ему этот сон, — подумал Гуров. Но, зная едкий и насмешливый характер своего приятеля, он не рискнул выдать этот сон за свой собственный и сказал следующее:

— Представь, только что у меня был Малков и рассказал мне сон, который ему приснился сегодня ночью. Ему снилось, будто бы он, совершенно голый, но с галстуком на шее, сидит на унитазе, одной рукой расчесывает бороду, а другой пытается дернуть за цепочку, свисающую из бачка.

— Это не удивительно, — сказал Башта. — У этого придурка какие сны, такие и песни.

Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей.

1995.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Александр Катохин

Ю. Грачеву

Армения, Армения, Арме...
Воды, воды... Хоть капельку воды!
Безумие? Безводие!!! Безустье?..
Безустье ли? Напротив, век двадцатый!
Екатерина ставит на уста
Печать свою «Полезно»... Улей... Пчелки
О, Хоспоти! Что делать мне, Арме?..
Армен Джигарханян, подайте Вы воды!
А выводы такие: нет, не прав Розанов,
Он сам себе противоречит, будто Гегель!
О, Боже, то архангелы во рту—
Сбивать их... Сбить! Щипать! Четвертовать!
Их не сравнить с ночными НЛЮ,
Я опознал их...
Армения, Армения, ты слышишь?
Я розу посадил в стволе нагана!
Не обвиняй меня в землетрясениях—
Не пойманный— не вор!
Я капельку воды прошу, не пива!
Отдай! Отдай! Отд-а-а...
Канючу? Мне не стыдно!!!
Не дашь воды, Арме?... Армею призову!
Мы не числом, умением... Посмотришь!
«Мой дядюшка с протянутой рукой»...
Изыди, побируха, конкурент!
Воды, воды... И можно малость хлеба,
И.. мамалыги, можно, и ночлег!
Неплохо бы и бабу, и коньяк!

Офелия! Признай меня, я — Гамлет!
Не узнаешь в анфас, хотя бы в профиль.
Я датскую корону пробу... Оговорился! Вру!
Дай мне воды!
Офмения, он — призрак, он — мертвец!
Сейчас в Литве в соборе Кафедральном
Он в алтаре хранит святую воду.
Придет, обманет... Даст наоткуп жидкость
Вонючую в зеленом пузырьке.
Я не хочу, Арфелия, Офме... Внимай:
Сакраментальные слова — Ква! Ква!
Ква! Ква! Ква..ква...ды...ы...

1993

ЗЕРКАЛО

Михаил Малков

«Сегодня не забавный день для Хирона...»

Я.Э.Голосовкер

В этой комнате тесной,
где зеркало вместо Героя,
в этой малой Вселенной,
где зеркало вместо Героя,
отражаются в зеркале
осоловевшие мухи,
застывает пейзаж,
нарисованный вечностью в окнах.

Так случилось, что время пришло
и закончилось эхом.
Было время стихов — стало эхо
далёкого боя.
Вместо боя часов,
отбивающих точное время,
бой минут продолжается,
и умирают минуты.

Как попал ты сюда,
в этот пахнувший вечностью терем,
милый мальчик, усталый солдат, одинокий
прохожий?
Шорох пыльных страниц
превращается в пение птицы,
и проходит сквозь зеркало или
уносится ветром...

В этой комнате тесной,
где зеркало вместо Героя,
что нашёл ты? Тепло ли,
следы пребывания Хирона,
или страшную истину,
яд осознания мысли,
что следы обрываются
в чёрном провале Аида?

Или, может, следы исчезают
в огне Зазеркалья?
Это старое зеркало —
дверь между светом и тенью.

Но смотри!

Вместо тени орла,
вместо мёртвого тела —
серебристая птица парит
над горой Пелионом...

1994

ВРЕМЯ

Евгений Гуров

Я слышу аплодисменты...

— Ты ничего не слышишь, падают капли с крыши!

Я вижу цветные сны...

— Это цветные ленты к хвостам привязали крысы!

Я вижу летящих грифов...

— Это люди идут с войны!

Я вспомнил, я был раздвоен, один из нас тут же сгинул,
а я стал таким покорным и легким, как облака...

— Это монгольский воин мечом твою душу вынул,
и ты в одеяньях черных прошел через все века.

Я слышу как на планету рухнула стратосфера...

— Это упал на землю с неба лебяжий пух!

Я вижу — идут по свету воины Люцифера...

— Это коровье стадо гонит к реке пастух.

Я вижу — восходит солнце...

— Это зажгли лучинку.

Я слышу счастливый хохот...

— Это — актерский трюк.

Я вижу вдали бизонов...

— Это летят песчинки.

Я слышу ужасный грохот...

— Это — всего лишь стук.

Кто ж там стучит все время? Может быть, это счастье?
А может быть от бессилья демон забил в набат?..

— Это пленное время на слабом твоём запястье,
ломающая крылья бьется о циферблат.

ЛЕГИОН

Михаил Малков

– 1 –

...Нам дела нет до псов сторожевых,
не нам пропели ангельские трубы,
но мухи — те, что облепили трупы —
садятся на живых...

Покуда я живой...

Куда идёшь,
усталый легион?
Как звать тебя, неодиноким путник?
Тысячеглавый,
доблестный распутник,
свободный раб, вместилище страстей —
стели постель,
усталый легион.

Твою постель — горячую пустыню —
остудит ночь, чуть тёплые, остынут
твои следы, и обратятся в прах.

Но до утра
не занесёт песком
недалеко оставленный колодец;
Пусть спит пока кочующий народец,
и Город спит, свободный до поры.

Туши костры.
Пусть чахлый саксаул,
и эта ночь пустая перед боем
обуглится до тла...

– 2 –

Но без тепла
нам будут сниться сны:
зелёное вино, рубины, ожерелья,
родимый край, где женщины жиреют
и старятся на фоне пустырей;

И слёзы матерей,
и бешенство отцов,
посеявших в пустыню кровь и семя...
Мы вышли из песка,
и мы, в конце концов,
воротимся в песок,
поруганные всеми,

нам имя — саранча,
уставшая жевать,
мы — поколение,
но что-то поломалось
в машине, управляющей людьми...

...А Город сладострастно, молча ждал
своих завоевателей и, коротая время,
три женщины, не покормив детей,
кормили хлебом
бешеных
собак...

1991

* * *

Как звать тебя, брат? Далека ли твоя сторона?
Что нужно тебе, отщепенец, мутант, полубог?
Вы слышите звон? Это лопнула где-то струна.
Вы видите свет? Это души летят на Восток.

Мы выждали время, но время торопится вспять,
мы жаждали правды — пока получается месть.
Нам хочется жить, но ночами не хочется спать,
нам хочется выжить, поэтому хочется есть.

И дело не в том, что на всех не хватило коней,
мы выждали время — уходит земля из под ног...
— Для ваших столовых, мой друг, не хватает свиней,
и время пришло: наступает черед скакунов!

— Но белые кони еще не устали пастись,
но в небе не ворон — юродивый голубь кружит...
— Спасти свою жизнь — не означает спастись.
Спасти свою душу — не значит спасти себе жизнь.

— Я что-то напутал: беспроигрышна эта игра,
где ставка — не жизнь, а подброшенный в небо пятак!..
— Ты что-то напутал. Скажи: — извините, не прав,
и будет весна, и продолжится этот спектакль!

— И будет весна?
И по-прежнему будет
весна...
И будет сезон, будет время коротких дождей,
и будет пустыня, и ночь, и одежда тесна,
но Город недорого купит
остатки гвоздей,

Но Город недорого купит остатки креста,
И дорого —
мясо, вино и чужую постель.
Усталый комбат изменить не сумеет устав,
который написан для нас
и для наших детей!

Но белые кони, но белые кони пасть
еще не устали! Душа на игле не дрожит...

— Спасти свою жизнь — не означает спастись.
Спасти свою душу — не значит спасти себе жизнь.

.....

— Ха-ха, Ваша Светлость, Вы любите белых коней?

— Хи-хи, Ваша Милость, не правда ли,
хочется петь?..

Михаил Малков

1991

ГИМН СЛЕПЫМ

Александр Катохин

Вы слышите, опять шумит Голгофа?
Слепцы кричат: — Распни его, распни!
А зрячий на кресте — поет им оду...
Слепые, сквозь опущенные веки
считают золотые ожерелья,
дешевую хрустальную посуду
(и водяные знаки на купюрах...)
О, если б был слепым я! Я бы сразу
прогнал бы от себя поводырей,
судьбой приставленных ко мне,
стальной клюкою.

Шипы от роз я б покупал на рынке
и верил бы, что мне живые розы,
великодушно продала торговка.
Читал бы я по выпуклому шрифту,
не разбирая то, что между строчек.
О, если б был слепым я:
не ведал бы дороги и не знал бы о том,
что Солнце есть на свете и блеск Луны
восторженно-печальный,
не видел бы агатовой тоннели,
но я дышал бы музыкой органной,
что манит, привлекая!

О, если б был слепым я: никогда бы
не видел королевскую охоту
и зайцев, тщетно ищущих спасенья
в крысиных норах.

Не видел бы я море липкой крови
и зубы желтые, что братьев загрызают,
и шерсть, растущую на серых лицах,
и то,
что волчья стая блеет по овечьи...
О, если б был слепым я: не совал бы
я голову свою под гильотину!..

.....

Но сколько белых шлейфов
Оставлено на мокром сером небе
От тех комет, что зрячими прослыли!

1990

* * *

Остановись. Побудь самим собой.
Стань птицей, вылетающей из сети
Ненужных драк, обыденности, сплетен —
Остановись.
Побудь самим собой.

Вот зеркало. Не отвергай его,
Смотри в себя, не упусти движенья
Огня безумного в холодном отраженьи.
Люби его.
Не отвергай его.

И пусть ничто не предвещает сбой —
Работа. Женщина. Любовь друзей немногих.
И будет жизнь. И будет смерть в итоге —
Остановись. Побудь самим собой.

Остановись!..

Но, продолжая бег,
Не осуждай незрячего, который
Тебя осудит кратким приговором
За то, что зряч. За то что видишь —
Снег,

И отраженье в зеркале, и боль
Усталых глаз, шагреневую кожу,
И птицу белую, и желтый свет.
Но все же —
Остановись. Побудь самим собой.

Михаил Малков
1994

* * *

– 1 –

Не мной придумано и сказано не Вами,
что труд Сизифа — не Господня кара,
но древний способ сосуществованья
земного тела и земного камня;

что не подвластен силе притяженья
полёт пчелы вокруг цветущей вишни...
Вы в воду смотрите...

И Ваше отраженье, как плот на привязи, течение колышет.

Вы в воду смотрите. И чудится: река ли
лицо на фоне неба отражает?
Река под Вами — это Зазеркалье,
вода рябит
и Вас отображает.

У Зазеркалья мёртвая причуда —
копировать
движения снаружи,
но не прорвётся ничего — оттуда,
чтоб Ваш покой на берегу нарушить...

– 2 –

Но не прорвётся ничего —
оттуда...
Три поплавка
колеблются на стыке

Зеркального и
Солнечного мира;
пчела кружит над вишнею.
А где-то

Сизиф осилил
юбилейный камень
и отдыхает,
щурится на солнце;

И то же солнце
согревает отмель,
и отражение моста в реке,
и Ваше
лицо на фоне неба.

Но внезапно
оттуда...
(изнутри... из Зазеркалья...)

вдруг...
(...разбивая зеркало...
на брызги...)

взлетает рыба!..

Зеркало сомкнулось —
и всё сначала:
Ваше отраженье,
и мост над речкой..
И вода...
И солнце...

В реальном мире.
В том реальном мире,
где дважды два — по-прежнему четыре;

где дважды два — один из тех вопросов,
в которых слаб поэт
и невелик философ.

Михаил Малков
1995

* * *

Остановились часы, но вот —
Не найдется сил завести.
По сусекам не наскрести,
И по коробам не намести...
И бежит между пальцев лед.
И истома, словно со сна
Так сладка, что уже пресна.

И только радуга в пустоте,
Под которой не пробежать.
В испупленьи руки дрожат,
Лёд проест ладони, как ржа.
Но, не поняв по простоте,
Что разжать не хватает сил,
Кто-то в колокол молча бил.

— Отворяйте створки ворот,
Выносите навстречу хлеб —
Всё равно превратится в хлев
Дом, в котором любовь живёт...
Но не слушают звонаря...
Лишь встревоженное вороньё
Над небесною пылью
Поднялось ни свет ни заря.

И смеются часы тайком
Над Иванушкой-дураком...

Он, да радуга в пустоте,
Под которой не пробежать...
Каждый верует по простоте,
Что ему не будут мешать.

Евгений Башта
1989

* * *

Имя Твое, как же Имя Твое?
Кто там поет осанну?
Слышишь? Кто-то вдали идет —
Это сняли охрану.

Брызнуло, словно рябина на снег,
Дробью помечена карта.
Вместо хорала — пустите смех,
Густо перченный азартом.

Горе мое, что ж ты, горе мое,
Ангел с простреленным боком!
Что за чудак там осанну поет,
Мешая общаться с Богом?

Слабость моя, ты же сила моя,
Давай, не будем о грустном.
Слышишь, хрустит? Это крылья кроют,
Чтоб не летали шустро.

Слово Твое, где же слово Твое?
Не прокутить бы все.
Спаситель безвинный над миром идет,
Жаль, если все впустую.

Каждый кричит, слышишь, каждый кричит,
Если молчит, значит — нужно.
Огонь доедает остатки пучин.
Давай, не будем о грустном.

Евгений Башта
1987

ПАМЯТИ ОЛЕГА ДАЛЯ

Евгений Башта

Листая жирным пальцем дневники,
И с хрустом выдирая клочья жизни,
Пытались отыскать любовь к Отчизне
В словах, исполненных удушливой тоски.

С ухмылочкою лезли в горечь глаз
И слизью глянца крыли безнадежность.
Испарину смахнув с холеной рожи,
Выхрюкивали: — Он один из нас!

...Но горела-дышала свеча
Сквозь прозрачные ели,
И какая-то женщина,
Вдруг упав на колени,
Все пыталась закрыть его,
Еле слышно молясь...

И шумела листва
Поминальным хоралом,
Воздух был слишком стыл,
А друзей — слишком мало,
И ложились цветы
В предрассветную грязь,

И ложились цветы в придорожную грязь...

1989

* * *

А у нас во дворе вчера грузили бомжа...
Добухался, наверно. Во двор, обливаясь потом,
подошел участковый, и бомж на земле лежал
под горячий клекот двора: — А кого... А что там?...

Лишь какая-то полубаба-полумужик,
прорываясь к лежащему, пьяная третьи сутки,
все ревела протяжно, все причитала: ...дыши!...
и, упав на колени, шептала: ...пустите... суки

И от этих нетрезвых, от человеческих слез,
замолчал на мгновенье двор и застыл на тебе,
синий ветер коснулся опавшей листвы берез,
и звезда покачнулась на темно-зеленом небе...

Я сегодня тебя помяну, ты прости, мужик,
извини что без имени, все мы всего лишь люди.
В этом мире (ты слышишь?..) все мы порой бомжи,
но не всех в этом мире (ты слышишь...) хоть кто-то любит

Михаил Малков
2010

ЭПИТАФИЯ МОЕЙ МУЗЕ

(Из цикла «Подражание Беранже»)

Александр Катохин

Есть в горле бунт, а есть искусство,
Есть в гору путь, есть — в тарарам!
Зарылся в книги, чтобы чувства
Взорвать и подарить их вам.
В алтарь Парнаса сдернул шторы,
Степенно голову склоня.
Ушел от славы и позора —
Наплюйте, люди, на меня!
Ну что ж, наплюйте на меня!

Ни обнищавший я, ни куцый,
А приглядеться — в неглиже.
Я уходил от революций —
Стал подражать я Беранже.
К чему в словах перепетии?
Зачем с рогами гнал коня?
По-своему любил Россию...
Наплюйте, люди, на меня.
Ну что ж, наплюйте на меня!

И той, что называлась Музой,
Я запретил существовать.
Душевные латая шлюзы,
Я дал себе обет молчать.
Остановился, силы смерил —
Ведь я могу без кистеня.
А те, кого я разуверил —
Наплюйте, люди, на меня.
Ну что ж, наплюйте на меня!

ГОРЕ

(Из цикла «Подражание Беранже»)

Александр Катохин

Ты видишь, горе, где-то тут
Таится рядом? Нет спасенья!
Вцепилось в горло словно спрут,
На землю ставя на колени.
Да, горе тут, и нет спасенья!

Юродствуй же, божемный шут!
Пусть палачи вершат свой суд.
Суд... Суд...

Ты горе видишь где-то тут —
Гюрзой под жухлою травой?
Тут песни ханжеству поют,
Но трупный яд над головую!
Да, горе рядом. Тут, с тобою.

Потворствует бесчестный люд.
Пусть палачи вершат свой суд!
Суд... Суд...

Ты горе видишь где-то тут,
В кострах функционеров пляшет?
На содержание Иуд
Ушли серебрянники наши!
Да, горе тут, косою машет!

И в три погибели нагнут!
Пусть палачи вершат свой суд!
Суд... Суд...

Ты видишь горе где-то тут?
Шипы цветут, а розы вянут!
Слепые в пропасть нас ведут,
Слепые нас в геенну втянут!
Да, горе тут, всех нас обманут.

Уже шакалы падаль ждут —
Пусть палачи вершат свой суд!
Суд... Суд...

1990

* * *

Если Гении выходят на площадь
Из убогих своих жилищ —
Почерневшие древние мощи
Поднимаются из пепелищ.

И когда он толпу встревожит,
Как взбешенных кнутом коней,
Крикнув: — Суд наступает божий!
Площадь выдохнет злобно: — Бей!

Ударит ножом ли, ухватом,
А площадь — по новой: — Бей!..
И сделается квадратом,
Чтоб усилить ярость людей.

А Гений, взлетев на купол,
К подножью падет креста.
Внизу вознесет над трупом
Юродивый два перста.

Потупятся молча люди —
Угасших страстей клубок,
И скажут: — что с нами будет?..
Где Гений, где наш пророк?

На звездах, — ответит нищий,
— Или на полпути к звездам...
Ступайте к его жилищу,
А может быть, он еще там.

В жилище беззубая косу точит:
— Эй, ведьма, что, Гений тут?
— В будущем, детям вашим пророчит.
Скоро свершится Суд...

Евгений Гуров
1994

В КОСТРЕ

Михаил Малков

На площади разгорался костёр,
отступник ждал палача.
А чуть поодаль сиял костёл,
а в нём — горела свеча.

Терзал толпу вожделенный страх,
горел еретик в аду...
Но время развеяло прах костра,
а ветер — свечу задул.

Шли годы. Время убило всех
и каждого из толпы;
на площадь лёг пятисотый снег,
когда обратился в пыль

костёл. И однажды в лунную ночь
на острие луча
рождён был сын или, может, дочь
потомками палача.

Лишь зеркало помнит столетний прах,
но зеркало промолчит —
в глазах у ребёнка — огонь Костра
и светлая боль Свечи.

1994

* * *

Как-то в детстве, сумрачном и раннем,
Когда ночь окуталась парчой,
Мне приснилась книга без названья,
Изнутри зажженная свечой.

Растворил я яркие обложки,
И погас огонушек свечи.
Во вселенной огненные крошки
Вспыхнули в распахнутой ночи.

И мой дух, без ужаса и страха,
Вновь возжегся, жизнь переселя
То ли в тело древнего монаха,
То ли в тело собственного я.

И стою я в черной одежке
С тяжеленным радужным горбом,
И перстом веду по той книжонке,
Словно режу истину ножом.

А она вела незримой нитью
Из глухих оврагов и болот
Каждый раз к слепящему открытию,
Поднимала до таких высот,

До таких немислимых свершений,
Что я крикнул в ужасе с вершин:
— Это все придумал чистый гений,
Но не гениальный гражданин.

Я застыл подавленный, а чудо —
На вершине всех людских дорог.
Я ушел бы в небо, словно Будда,
Если бы разумен был как Бог.

И в сердцах захлопнув эту книжку,
Отряхнув с себя столетний прах,
Воплотился в прежнего мальчишку
С сонною улыбкой на устах.

А из книги сыпались страницы,
Снежные, без мыслей и без строк.
Из страниц выпархивали птицы
И летели к солнцу на восток.

Сон мой философский заискрился,
Сделался малиновым кружком,
Воссиял и плотно затворился
В сундучке с таинственным замком.

Евгений Гуров
1995

ПОПЫТКА ЭПИТАФИИ

Евгений Башта

Молюсь сквозь стон на зеркала.
Стекло содержит бесконечность.
Стекают лица быстротечно,
Что остается на губах?..
Без слов, без каверз и тоски
Касаюсь тонкого безумства,
Кто знает, где глаза очнутся,
Отпустят голову тиски?
Пытается прорваться дождь
Сквозь стиснутые зубы неба.
Душа, ты — да не будешь слепа,
Прохожий, мыслей не тревожь...

* * *

Света проталинка в замяти ночи,
Брось мне на счастье подковку вольфрама.
Грустный прохожий, творец многоточий,
Века соринка, минорная гамма.

Я поднимусь в твой прокуренный терем,
Будто случайно шел мимо, надумал.
Тихо в будильнике тикает время,
Чайник о чем-то бормочет угрюмо.

Евгений Башта

1988

* * *

Я слыл среди толпы глупцом,
Но издевались только в спину.
О! Мне бы плюнули в лицо,
Будь среди них один мужчина!

Он дал бы мне отведать сталь
Клинка, опущенного в сердце.
Но не осмелится, а жаль,
Хотелось бы в аду погреться...

Я зябну в роскоши дворца,
Залитого трусливой злобой.
Давай же, враг, проси Творца
Меня избавить от озноба!

Тяжелое, как сон, вино
Не позволяет мне забыться.

У чаши слишком близко дно —
Ни утонуть, ни утопиться!..

Евгений Башта
1987

ПРИВИЛЕГИЯ ДУРАКА

Михаил Малков

– 1 –

Доченька, послушай меня.
Бога ради, не прячь лицо.
Ты едва ли когда-нибудь будешь гордиться отцом,
неудачником — для одних, для остальных — глупцом
и неважным пловцом,

заплывающим иногда
непонятно как за буйки;
по холодным волнам порой плывущим таким
(брассом ли, кролем?..) — нелепым стилем таким,
что смеются чайки и моряки.

Послушай меня. Едва ли впрочем я тот...
Так рыба едва ли вскрикнет — от боли топорща рот;
Так человек, надев чужое пальто,
говорит не то, да и думает не о том.

– 2 –

Накопив десятки прочитанных книг в углу,
только тем, пожалуй, горжусь, что остался глуп.
Горизонт удаляется, или уходит вглубь —
то в туман, то в золу.

Подчиняясь мудрой пословице, дурака
я отчётливо вижу, тем более — издалека.
Ни один пожиратель книг не нашёл пока
выход из тупика.

Кто умён — тот богат. Но, с какой ни шагай ноги,
мы нагими приходим, и каждый уйдёт нагим —
всё банально и вечно, как по воде круги.
Я не буду другим.

Привилегия дурака — быть собой, остаться собой.
Но, умён или глуп, едва ли выиграет бой
одинокий трубач, вооружённый трубой;
Зрячий или слепой —

я не буду другим. Трубач остаётся трубить,
воевать без оружия, остаётся быть
неудачником — для одних, для остальных — глупцом
и неважным пловцом.

1995

* * *

Квадратик света возле двери
Слабеет, становясь все глуше,
И тысяча дневных неверий
Ползет в изломанную душу.

И рот распят в полу-усмешке —
Как горько и непоправимо
Кричит о чем-то безутешно
Рук ломаная пантомима.

Скрещенье этих параллелей
Пророчит миру катаклизмы,
Но безнадежно заболели
Глаз полу-сферы, полу-призмы.

И мечется в них, как в загоне,
Крик, не отпущенный на волю —
В зрачка качнувшемся затоне,
Молчаньем захлебнувшись, тонет.

Евгений Башта

1987

* * *

Непонимание себя сродни непониманью сути
борьбы миров. И очевидно
лишь то, что я не понимал до сей поры,
считая, что понимаю всё...

*

Вливая что-нибудь в сосуд,
учитывай его вместимость; Каждый
способен подарить другим не больше
того, что в состоянии вместить.

*

Всё то, что можно на лугу,
на шелковой траве, под синим небом —
всё то, что можно делать там — не стоит
пытаться сделать, сидя на скале.

*

Когда не можешь упрекнуть
себя ни в чем, когда почти безгрешен,
приходит время выслушать упрёки
других. Жди вызова на суд.

*

Покуда порождается любовь
животной тягой к присоединенью
прекрасного к себе — едва ли можно
считать любовью тягу к воровству.

*

Любовь к чему-нибудь как преднамеренный отказ от эгоизма — одна лишь эта часть меня, пожалуй, способна быть Любовью.

И ещё:

Лишь ровное горение свечи
рождает ощущение полёта,
забытое задолго до мгновенья,
когда вернулись мы с тобой
сюда...

Михаил Малков
1994

АЛМАЗ

Евгений Гуров

У меня есть алмаз, мне болезни смешны,
ни хвороба, ни сглаз мне ничуть не страшны.

Этот мой талисман — дар могучих богов,
сам турецкий султан за него дать готов:

Три мешка саранчи, саблю личную,
перстенок со змеиным кремом,
и султаншу свою гарем-мычную,
вместе со всем гаремом.

Ведь мой драгоценный магический камень —
он лечит не только мозги и хворобу,
алмаз (если только поверите сами)
невидимой сделает Вашу особу.

— Мадам, в вашем взгляде отсутствует вера,
а кто это с вами — ваш милый жених?..
Хотите, сейчас жениха-кавалера
невидимым сделаю — только на миг?

Алмаз мой волшебную силу покажет,
а через мгновенье, явившись точь-в-точь,
жених вам о призрачном мире расскажет.
Мадам отвечает: — Я, в общем, не прочь.

Жених: — Я, конечно, не Бог и не Будда,
и даже не Кио, а так, просто так...
— Мне надо, чтоб вы так поверили в чудо,
Как будто то чудо — обычный пятак.

Вам нужно сказать: — Вот сейчас я исчезну...,
потом — вы почешете левую бровь,
и мигом провалитесь в черную бездну,
а через мгновенье появитесь вновь.

Жених произнес: — Вот сейчас я исчезну...
Потер свою бровь — да и в правду исчез.
Невеста от страха на стенку полезла.
Я тоже от страха на тумбочку влез.

Ну кто б мог подумать? Ну вот тебе на,
ну взял, и растаял у нас на глазах...
А может за этим стоит Сатана?
— Какой Сатана? Это он — мой Алмаз!

Невеста сидит тихо-тихо, в печали,
и ждет — не появится ль снова жених.
— Ведь ты же, колдун, еще в самом начале
сказал, что исчезнет он только на миг?..

— Мадам, — отвечаю, миг — доля мгновенья,
в мгновеньи же долей, как правило, много.
Само же мгновенье — в руках провиденья,
само ж провиденье зависит от Бога.

С тех пор, как исчез он, прошла только треть,
и то — не мгновенья, а только лишь мига.
Вы — баба, умеете же ждать и терпеть,
а то вместо мужа появится фига.

Кривая усмешка у вас на устах,
на мокром полу — слез соленая лужа.
Пока его нет, я Вам в общих чертах
гипотезу двину по поводу мужа.

Ваш будущий муж — он блажен, как дитя,
он взял и поверил,
и принял условия.
И тут я уже говорю не шутя —
Вы пальчиком слева потрете надбровье,
затем, после слов: «Вот сейчас я исчезну...»,

расширится
грудь и,
прорвав
оболочку,
Ваше «Я»
разрастется
в беззвездную бездну,
когда же сожмется
в горящую
точку...

То энергия выйдет из темечка,
помахав на прощанье ручкою,
тело станет дубовым семечком,
а энергия станет тучкою.

И прольет тучка дождь
и взойдет... Мухомор?
Мухомор — не из вас, из вас вырастет дуб!
И воткнет в этот дуб
свой железный топор
какой-нибудь лесоруб...

И повалится наземь деревце,
выкликаая слова скрипучие...
О, мадам, если Вам не верится —
расскажу про другие случаи.

Если дрались вы с младшим братишкою,
издевались над божьей коровкою,
тело станет серою мышкою,
а энергия — мышеловкою.

Если мрачной вы были глыбою,
усплаждались злобой лютою,
тело станет, нет — стянется с дыбою,
а энергия станет Малютою.

Не шутите с энергией, братцы,
не шутите с этой вы грудой!
Чтобы в ней хоть чуть-чуть разбираться,
надо быть ну хотя бы Буддой.

О мадам, вы — невеста гения,
что там Англия, что там Дания...
Перед вами стать на колени я
изъявляю свое желание.

О мадам, вы такая славная,
его нет — я продолжу лекцию.
О мадам, в нашем деле главное —
не впустить в организм инфекцию...

Ну нельзя ж быть такой неверою.
К черту вас, с вашей верой бабской!
Вдруг он рабскою стал галерою,
иль гребцом на галере рабской?

Или быстрою бригантиною,
а энергия — парусом малым?
Или жертвою стал невинною
и зарезан в ночи кинжалом...

Может песня, до слез расстанная, в кабаке его душу гложет?
А душа его безымянная вспомнить имя свое не может?

О мадам, я прошу вас, вспомните,
вдруг он явится, зов услыша?
Он же был только что в этой комнате.
И мадам закричала: — Миша!..

Но напрасно. Ни А от него и ни Б,
не отыщут его ни друзья, ни враги,
ни Гестапо, ни Абвер, ни КГБ,
ни космические мозги...

Потому что давно он в орлином зобу,
потому что ушел в глубину веков,
потому что сто лет как лежит он в гробу!..

О, смотрите мадам,
он явился на зов...

То ли с древней страны философом,
то ли с погребя, то ли с небушка,
в черном платье, с дубовым посохом
появился дремучий дедушка.

И, представ бессловесным гением,
стал вокруг изумленно зариться...
...О мадам, за одно мгновение
ваш жених так успел состариться!..

Как языческий бог его старческий лик,
он теперь будет нем до конца своих дней,
потому что забыл человеческий язык,
находясь сотни лет в государстве теней.

О мадам, вот и новую тайну Алмаз
словно высек из тьмы и занес в этот свет:

На мгновенье исчезнуть из ваших из глаз —
это значит: ...прийти через тысячу лет!..

Не шутите с энергией, братцы,
не шутите с этой вы грудой!
Чтобы в ней хоть чуть-чуть разбираться,
надо быть ну хотя бы Буддой.

У меня есть алмаз, мне спокойненько с ним,
он — как третий мой глаз, он — как розовый нимб!

Только мой талисман — он есть в каждом из нас,
он ведь каждому дан, этот дивный алмаз...

1993–2004

ГАЛЕРА

Михаил Малков

– 1 –

Ты галера моя, я твой раб. Я должник твой навечно, прости.
Государыня, будь так добра, отпусти ты меня, отпусти!..

За спиною сложив два крыла, я, прикованный цепью к веслу,
Матерюсь не со зла, не со зла, разрезаю волну, как смолу.

Далеко мы оставили порт, он нам мать и отца заменял.
Да только с морем сливается пот — это долг за меня, за меня.

Нас рабов, нас гребцов — много нас, каждый стал
продолженьем весла.

Но пока еще светит луна, и звенят за спиною крыла,

и пока еще ветер поет, взбудораженный крепким словцом...
Вдруг пронзило сознание мое — я надолго останусь гребцом.

...Сколько раз к облакам я летел, сколько раз удивлялся себе,
Но давила тяжелая цепь и на весла я падал с небес!

Белой чайкой над морем трубя, я отчетливо понял одно —
Тот навек покидает тебя, кто навечно уходит на дно.

И за борт опускается груз, и у весел пустуют места —
Кровь и пот — вы как море на вкус. Это все неспроста.

Это все неспроста, неспроста...

–2–

Я слишком долго звал тебя по отчеству,
Мне быть похожим на раба не хочется.

Взлетаю птицей — два крыла, как лопасти,
А цепь — тяжелая была, да лопнула!..

Да только снится сон такой, к примеру:

...Лететь лечу, да за собой тащу галеру.
А цепь, что на ноге была — теперь на шее,
Да только стала в сотни раз она длиннее!..

Я был немислим без весла, подумать только!
Теперь — придатком крыльев стал. Да много ль толку?

И я лечу из забытья, гребу как негр.
И снова начал думать я про план побега.

1988

* * *

хуже сырой зимы
только сырое лето
хуже крошечной тьмы
лишь недостаток света

в мире, где нет нужды
ни на какие нужды
хуже былой вражды
только былая дружба

хуже больной души
ненависть и бравада
хуже огульной лжи
тихая полуправда

хуже былых измен
понятое превратно

горше дороги в плен —
разве что путь обратно...

Михаил Малков
1994

ТЕНЬ

Александр Катохин

Палящий полдень. Я тень его на серой стенке дома.
Он ждет (наверное, свою знакомую),
Да полно...
Он не дождется!
Еще секунда и — сорвется
Литой кирпич на голову бедняге.

Мне нет
Печали.
Я наблюдаю лишь... его... погибель.
Не я кирпич из серой стенки выбью,
И помогу едва-ли...
Не я его толкнула
На смерть.
...Но страшно мысль кольнула —
Погибнет он — исчезну с ним и я!..

— Беги, несчастный!
Надрывно крикнула ему я в спину...
...Но было поздно. Он руки на земле раскинул.
Трагедия была ужасной.
...Кричали птицы.
Рассказывали очевидцы,
Как падая, накрыл он свою тень.

1987

СКРИПКА

Евгений Башта

Вместе с клином журавлиным
Голос скрипки в небе стылom
Заходился в стоне.
Ночь щербатую улыбкой
Издевалась всласть над скрипкой,
Ничего не поняв.

А она — стучалась в окна,
Под дождем осенним мокла,
Плакала от боли.
Все пыталась достучаться
До чьего-нибудь участия,
Чтобы кто-то понял.

Задыхалась от печали,
И прохожему случайно
Отдавала звуки.
— Подожди, дружок, немного,
Не уйдет твоя дорога,
Протяни мне руки.

Только зря она старалась —
До души не достучалась,
И затихла в парке.
Только ночи стало пусто
Без смешной скрипичной грусти.
Бог с ней! Нам не жалко.
Да и черт с ней! Нам не жалко...

1988

СОКОЛУШКА

Евгений Баица

Над звездой, над небом,
над полем,
над собачьим брехом
и печным дымом
улетал соколушка
из неволи,
улетал соколушка
невредимым.

Под звездой, под небом,
под дымом,
нахлебался горя
всласть и вдосыть...
И легла
тоскою остылой
на крыло соколие
просесть.

Ни к кому летел
и не к месту,
в синь метнулся,
и в ветра радость,
все мечтал: — Кабы неба свод треснул,
ужо я бы полетал,
что усталость!

Я бы звезды
крылом тронул,
звездных бубенцов заиграли б напевцы...
За черту
не добраться воронам,
и не тесно там.
и не тесно.

Расколося неба свод —
со звоном,
и сокодушка метнулся в щель
с криком...
Отозвались ему звезды
стоном,
вроде нежить, скажешь ты,
ан поди-ка!

Он кружился
между звездами вольно,
он кричал,
он крылом звезды трогал.
И не жгли они крылья
соколы,
а такие с Земли
недотроги...

Он кружил далеко,
про усталость
позабыв, и что сил
слишком мало.
Между звезд хорошо,
только вот жалость —
слишком больно
на землю падать.

Между звезд хорошо, только вот, малость —
слишком жестко на землю падать...

1990

ДОЖДИК

Михаил Малков

Хорошо,
что окончился дождь,
все прекрасно, что радует нас.
Он стучался к нам в окна
всю ночь, а под утро —
устал и погас.
Он метался, бежал, он спешил,
он хотел,
чтоб не видел никто,
как растоптанный сотнями шин,
дождь ручьями
забьет водосток.

А по улицам —
мокрый асфальт,
мокрый город и лужи кругом.
Дождь останется в чьих-то стихах,
или, может быть, в чем-то другом.
Помню, был на него я похож
и по улицам шлялся без сна.
Хорошо,
что закончился дождь,
но дождем завершилась весна.

Снова в городе — ситец и шелк,
солнце в лужах сверкает огнем.
Дождь прошел... хорошо, хорошо,
мы сегодня забудем о нем.

Но живет почему-то во мне
та его торопливая дрожь...

Хорошо, что ты был на земле.
Хорошо, что ты кончился, дождь.

1982

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... ПОЭМА КАТОХИНА

Евгений Гуров

Как-то раз, выпив шесть кружек «Курского», Малков поднялся пешком к себе на седьмой этаж, так как лифт не работал. Между четвертым и пятым этажом он услышал телефонный звонок, раздававшийся из его квартиры. Кое-как добжевав до двери, он открыл ее, и бросился к телефону.

— Але? — закричал Малков. Звонил Катохин. Он только что закончил свою новую поэму и предложил Малкову послушать. Не дождавшись ответа, он упоенно задекламировал первые строки. Малков был человек вежливый, и он не мог оборвать читавшего.

Однако, после каждого куплета, когда Катохин делал паузы, Малков возбужденно вскрикивал: — Так-так-так, так-так-так — и топал ногой об пол. Катохин же эти возгласы принимал как восхищение его гениальной поэмой и читал еще медленней и взволнованней.

Когда через два часа поэма закончилась, Малков бросил трубку и кинулся вон из комнаты. Через пять минут, выйдя из туалета, он сел к столу и написал свою новую песню, которая заканчивалась словами:

— *Хорошо, что ты кончился, дождь...*

Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей.

1995.

ПРЯЖА

Александр Катохин

Началось все в апреле клокочущим маем,
По-июньски жег солнцем скаредный июль.
Август, властною дланью листву рассыпая,
Натянул в сентябре паутинную тюль.

Подморозил октябрь зеркальные лужи,
Бросил белую пряжу к ногам ноября,
А декабрь ветрами стальными утюжил,
Чтобы, как антиквар, сдать в музей января.

И февраль, подхвативший ту пряжу в дорогу,
Закружил в ледяную свою карусель.
Только март скинул с плеч серебристую тогу,
На просушку вернув ее в теплый апрель.

1992

* * *

Иллюзии рождаются случайно,
Во сне летают розовые плачи.
Мне кажется,
устал чрезвычайно
Волшебник,
сотворивший земной мячик.

Кислотной болью режет веки утро,
Рассвет в грязи измазан,
раскорячен.
Мне кажется, жалеет почему-то
Волшебник,
сотворивший земной мячик...

Удушлив свежий запах георгинов,
Цветущих в трупных досках
старых складов.
На сером небе —
вымороченной миной
Луна-ублюдок,
гнойный выхлип адов!..

...Мозг блюет от избытка тоски,
Пьяный ветер в спиралях блуждает.
Две звезды обжигают виски.
Грязный пес, съев сюжеты, страдает...

Евгений Башта
1990

* * *

Шаг за шагом. По пыльной дороге;
по разбитой дождём дороге;
по дороге, сожженной солнцем;
ежечасно и ежедневно —

шаг за шагом. Забыв о Боге;
вспоминая во тьме
о Боге — мы идем.
И горячий ветер
поторапливает идущих

шаг за шагом.

Ломая время,
выворачивая пространство;
оставляя следы и кости;
возводя и взрывая храмы —

шаг за шагом. И век за веком,
оступаясь и
отступая,
мы идём. Нет конца дороге,
только пыль и седые камни

на пути.

Так шагают строем
Одинокие Человеки.

Михаил Малков
1993

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ

Евгений Гуров

Говорил мне дядя Федя, как ходил он на медведя...

— Заряжаю я винтовку как-то раз,

И отправился на зверя — в бога, в дьявола не веря,

Веря только в твердый дух и меткий глаз.

Я иду, беды не чаю, вдруг — медведя замечаю,

У меня аж белый свет померк в глазах,

Мохнорылый, косолапый, он стоял на задних лапах,

На дистанции примерно в двух шагах.

Я от страха влез на елку, укусил за лапу белку,

И на самый верх вскарабкался, как кот.

Верх, конечно, обломился, я, естественно, свалился,

На лету меня прошиб холодный пот.

Оклемався еле-еле, поглядел — меня не съели,

Или я уже у Господа в гостях?

Руки — тута, ноги — тута, лишь ружье в дугу согнуто

И болтается как арка на ветвях...

Я едва дошел до хаты, плакал, выл, ругался матом,

Возле дома долбанулся об порог.

В дом зашел, кой-как разделся, удивленно огляделся,

На пол сполз и прошептал — спасибо, Бог!

1994

* * *

Беломор не дымит, не курится
И ничего в этом нету вздорного.
Там, в курятнике, белая курица
Три яйца снесла цвета черного.

В небо черное взвились вороны,
Да все белые, словно снежные...
Разлетевшись в чужие стороны,
Они песни запели нежные.

А в лесочке, видать, от холода,
Овцы выли до самой полночи.
А под утро, наверно, с голоду,
Волка насмерть загрызли, сволочи.

Солнце встало, и стало хмуриться,
В поле трактор мотором трахтает...
— Слышь, Иван, а почему беломор не курится?
— Да потому что он не кудахтает.

— Что ты, глянь, видишь — небо хмурится,
В небе тучи успели вырасти...
И беломор потому, брат, не курится,
Что табак отсырел от сырости.

Евгений Гуров
1990

* * *

Серебряный старец сходил с небес,
дверь в небо была открыта.
Какой-то правитель на небо влез,
за ним — его пышная свита.

И молвил правитель: — Здесь будет трон,
Здесь вход, а там — выход из рая.
А где же здесь небо? — воскликнул он,
Наивно на небо взирая.

Из мертвого камня забил родник,
И, как в сновиденьи дивном,
В слепящей одежде возник старик
С сиявшим, как солнце, нимбом.

И был очень ясен его ответ:
— Приятель, да ты в уме ли?
На свете ни неба, ни смерти нет,
Особенно в этом пределе.

Сказал и исчез, и родник исчез...
И молвил правитель хмуро:
— Я был убежден, что на небо лез,
А это лишь верхотура

Огромной скалы, или даже холма,
А может быть — жалкой кучки.
Я, видно, и вправду сошел с ума,
Замыслив пожить на тучке.

Я маленький карлик, наивный крот,
Несчастный слепой ублюдок...
Вот до каких доползешь высот,
Коль в небо ведет рассудок.

Так думал философ, сходя с горы,
А может быть — с жалкой кучки.
А вслед за ним дамы, десятки, тузы
Сходили, держась за ручки.

А в небе на разные голоса
Пискающие птички пели...
Серебряный старец ушел в небеса
И запер оттуда двери.

Евгений Гуров
1992

* * *

Я ношу трех вместо платья,
Я ношу грехи за душой.
Все хочу тебя увидеть я,
Только ты незримо большой.
Я как крошка атома мал —
Ты велик, ты неповторим.
Ты весь космос в объятьях сжал,
И поэтому ты незрим.

Ночью я зажигаю свечку,
Ты же в космосе хлещешь коня.
Хоть разок натяни уздечку,
Пролетая мимо меня.
Я учусь, но, видимо, зря,
Лучик мой не видим нигде.
Видел ли кто свет фонаря,
Что горит на суперзвезде?

Говорят, во Вселенной где-то,
Где ни звезд, ни Вселенной нет,
Одинокая бродит планета,
И ее не заметен свет.
Ни вблизи, ни вдали не видна,
Нет ни ночи на ней, ни зари.
Это новая суперзвезда,
Она прячет свой свет внутри.

Евгений Гуров
1994

* * *

По тому, как встречали тебя, оглушённого светом,
как Христа — на осле,
я впервые едва не доверился древним приметам,
и едва не ослеп.

Было что-то нелепое в единодушном стремленьи
и в восторге вокруг —
я не верил тебе, но иначе, чем стражнику пленник:
было страшно — а вдруг?

Может статься, ты именно тот, кто явился до срока,
до предсказанных лет;
И для наших детей ты останешься новым пророком;
может — да, может — нет?..

По названию книги понять содержание книги
нам едва ли дано...
Дай же, Господи нам, в этом хитросплетеньи религий,
воротиться домой.

Михаил Малков
1994

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

Евгений Башта

Похлопал по горбу кривую:
— Спасибо, милая, везла!
За что винить тебя такую,
Что не смогла, не вынесла?
Сам виноват во всех злосчастьях,
Ты ни при чем, ступай себе.
Пять карт недоброй черной масти
Я сам заказывал судьбе.
Я сам заказывал потери,
А вышло, что не по плечу.
Счета за счастье не проверил,
Да бог с ним, сам и заплачу.
Иди, кривая, и другого
Вези — быть может, пронесет.
Ведь это ж здорово, ей-богу,
Когда кому-нибудь везет!

1987

СТАНСЫ

Александр Катохин

Корень зла — он во мне,
Корень зла — это я!
Обвиняюсь вдвойне
На краю бытия.
Обвиняюсь за все,
Обвиняюсь собой,
Что покуда везет,
Что покуда живой!

1988

* * *

Все вернется на круги своя. В итоге —
обернется началом конец дороги,
отгорит и вернется лето.

Флаг (любой) выцветая, останется белым,
потому что ткань, из которой сделан
флаг — изначально белого цвета.

Михаил Малков

1992

ПЕСНЯ ПРО СЧАСТЬЕ

НЕФЕРТИТИ

Евгений Башта

Золотой брелок — Нефертити,
На нервно-матовой шее.
Разговора рваные нити
Я связать,
Я связать не сумею.

Где-то мается скрипка в невозможности Глюка,
И качается зыбко тень улыбки над звуком.
Пересохла без смеха зло-печальные губы,
И уже не помеха замолчавшие трубы.

Тонко-синим жгутиком вены
Перехвачены намертво кисти.
Взгляд скользящий, устало-надменный
В сумрак вечера,
В сумрак вечера втиснут.

За провалом окна спят рябины без ягод,
Боль их темного сна выпить хочется ядом.
И уткнувшись лицом в голос, пахнувший горем,
Обручальным кольцом в небо выбросить зори...

...Прости,
я снова пришел слишком поздно.
Но скажи, настолько ли важно все это?
Просто,
просто грустно падают звезды
В серый омут рассвета...

1988

* * *

За твоим окном распускалась сирень,
Где-то далеко заигрался закат.
Захожу в твой дом — здесь живет твоя тень,
Я ищу твой след в темноте, словно клад.

Я ищу во тьме чудный блеск твоих глаз.
Я давно ищу то, чего больше нет.
Был бы я Господь, был бы я богомаз,
Я б волшебной кистью твой высветлил след.

Я бы озарил твою дивную плоть
Лучезарным светом божественных лун,
Только я, увы, далеко не Господь,
Я с чужой планеты угрюмый колдун.

Сколько лет я жил, словно в темном гробу,
Но сломал печати с запретных дверей.
Я пришел в твой мир, чтобы снять ворожбу
Колдовских заклятий с зеленых очей.

Я нашел тебя, но твой призрачный бог
Разорвал пространства незримую нить.
Как я ни стремился, я все же не смог
Наши души вместе соединить.

А когда я проклял всех ваших богов,
И твой дивный образ растаял во мгле,
Я не смог вернуться в страну колдунов,
И с тех пор ищу я твой след на земле.

Я пришел в твой дом — здесь живет твоя тень.
Я ищу во тьме твой невидимый след.
Над твоим окном распустилась сирень,
Где-то далеко загорелся рассвет.

Евгений Гуров
1993

ПРИДУМАННЫЙ ГЕРОЙ

Александр Катохин

Я посвящу тебе стихи —
Нет, не тебе — твоим ногам...
Я замолю твои грехи,
Я в честь твою построю Храм.

Побереги свои глаза! Поберегись!!!
Я рысь. Я кисть.
Я зарисую небом их тебе,
Но отберу мечту
об Алых Парусах.

Я твой слуга и господин,
Я твой Пьеро, Отелло твой.
И среди тысячи мужчин
Я — твой придуманный герой.

Побереги свои глаза! Поберегись!!!
Я рысь. Я кисть.
Я зарисую небом их тебе,
Но отберу мечту об Алых Парусах.

«...Мне снилась давняя любовь,
Ее забытый аромат,
Но я не села в тот трамвай,
Вспомнив о тебе...»

1993

ТРАМВАЙ

Михаил Малков

Трамвай, трамвай...
ты почти как поезд,
пусть два вагона,
да не беда —

моя любовь,
а быть может — совесть
с тобою ездит
туда-сюда.

С тобою ездит
она с работы,
и на работу,
и в магазин,

и в клуб
по вторникам и субботам,
за годом год,
много лет и зим.

А ты бежишь между двух вокзалов
туда-обратно, недалеко.
Все мимо почты, мимо базара,
и магазинчика «Молоко».

И мы с тобою похожи вроде —
туда-обратно, такой маршрут.
Мы оба с рельсов нечасто сходим,
из дома выехав поутру.

И жизнь как жизнь — и не сбиться с круга,
и остановку не пропустить...
А на конечной сегодня выюга.
Ты до конечной? Нам по пути!

Ты знаешь, этот холодный город
мне опостылел уже на треть.
Сегодня ночью — последний скорый
и я хочу на него успеть.

Кому куда.
Прямо — дверь вокзала,
налево — очередь в магазин.
Прости, трамвай.
Я обознался.
Пробью талончик.
Давай, вези...

А на конечной сегодня выюга.
Ты до конечной?
Давай, вези...

1987

* * *

Набери мне в ладонях воды.
Пусть дрожит отражением добра,
Не стесняясь своей наготы,
В твоих пальцах глоток серебра.
И клубочком свернется печаль,
И уснет, согреваясь мечтой.
Только будет безвыходно жаль
Высоту над моей головой...

Вздрагнет, словно лампада, в углу
Золотая полоска звезды.
И я к пальцам губами прильну,
И напьюсь отраженья воды.
И клубочком свернется печаль,
И уснет, согреваясь мечтой.
Только будет безвыходно жаль
Высоту над моей головой...

Евгений Башта
1988

* * *

Декабрь. За окнами метель,
Такси у дома ждет.
Монетку бросила в постель,
Надеясь, что придет.

...Теперь друг другу мы — не пара,
Лишь только в памяти храним: —
Я — голубые пеньюары,
А Вы — табачный сизый дым.

Я ей полнеба подарил
И половину звезд.
Благотворил, всю ночь любил,
Потом — в себе унес.

...Увы, друг другу мы — чужие.
Вы вспомните однажды, вдруг,
Глаза — колючие, шальные.
А я — прикосновение рук.

Как недовыпитый бокал
Осталась для меня.
Но я мосты за ней сжигал
В водовороте дня.

...Жаль, мы друг друга не ревнуем.
Но вспоминаю я теперь
Раскрытый рот для поцелуя.
А вы — захлопнутую дверь.

Александр Катохин
1990

* * *

Оброс ракушками причал,
Тяжелое осело днище.
Никто романтики не ищет
И не уходит сгоряча,
Как Чацкий, с корабля на бал
(Точнее — с бала на корабль...)
Угомониться нам пора бы,
Да, вероятно, не судьба.

Пусть я ошибся, понесу
Давно заслуженную кару,
И разобью свою гитару
О первый пень в твоём лесу.
Я слышал, что редееет строй
Прекрасных корабельных сосен,
Что белым снегом их заносит,
Как будто первой сединой.

Но над зеленою волной
Все так же реет буревестник,
И распевает те же песни
Ему над морем парус мой.
А вдалеке шумит прибой,
И флаг, все тот же флаг на рее.
И снится мне зеленый берег
И ветер в бухте голубой.

Михаил Малков
1987

НЕУДАЧНОЕ СВИДАНИЕ 1

Евгений Гуров

Повстречался я с нею в скверике,
И узнал, что зовут Наталией,
И что дядя ее — в Америке,
И что тетя ее — в Италии,

И что бабка, княгиня Глинская,
Убежавшая в восемнадцатом
От Ульянова и Дзержинского,
Проживает с тех пор в эмиграции.

Пьет какао с утра до вечера
И посылочки шлет из Франции...
Ну а мне и сказать-то нечего —
Я электрик с электростанции.

Никогда не бывал в Америке,
Ни во Франции, ни в Италии.
И нигде. Только в этом скверике,
Где свела нас судьба с Наталией.

Потеряв самообладание,
Сдуру плюхнулся на колени я,
И назначил на семь свидание:
В центре скверика, возле Ленина.

В полседьмого из дома вышел я,
На душе хорошо, спокойненько.
Только вышел — и сразу слышу я
Голос тоненький с подоконника:

— Поднимись на минутку, душенька,
У меня к тебе дело срочное!
Поднял очи — а это Грушенька,
С виду женщина очень сочная.

Захожу, надеваю тапочки.
В клетке кенарь лимонный крикает.
На окошке — цветные тряпочки,
Сверху люстра хрусталью брякает.

На стене портрет дяди Толика,
Рядом с дядею — Миша Лермонтов.
Я культурно присел у столика,
А она на стол — литр вермута.

Загулял мой кадык по горлышку,
Но, стянув туже галстук в крапинку,
Объясняю: — Нельзя мне, солнышко,
Тороплюсь на свиданье, лапонька.

Груня молча стакан наполнила,
(Она женщина очень нервная...)
Видно прошлое Груня вспомнила.
И в костюме мой плеснула вермутом.

Пролилось винище красное
На рубашку мою на белую.
Я культурно ей: — Солнце ясное,
Ты гляди, чего, падла, сделала.

Она как заорет: — Насилуют!
Из уборной выходит папенька...
Я как лось из квартиры вылетел,
Прищемив дверью галстук в крапинку.

И бежал я быстрее трамвайчиков,
Как кабан в одно место раненый.
На бегу нарвал одуванчиков —
Без цветов какое ж свидание.

Опоздал лишь на полминуточки,
Подожел — она задом пятится.
— Ну, — шипит, — у тебя и шуточки!...
И ушла в шелестящем платье.

И стою я как столб без лампочки,
Глядя в след уходящей лапчке.
А на шее висит полгалстука,
На ногах вместо туфель — тапочки.

Льется танго в хмельном шалманчике,
Солнце клонится на Америку.
Возложил я вождю одуванчики
И пошел по родному скверику.

1994

НЕУДАЧНОЕ СВИДАНИЕ 2

Евгений Гуров

А у Зинки Морозовой муж доцент
И к тому ж — депутат компартии.
Он уехал на съезд коммунистов в центр,
А я в баньке весь вечер парился.
Осень рыжая куролесила
Листья желтые в лужах плавали
А мне весело, а мне весело
В жаркой баньке, в горячей сауне.

После баньки пошел к Морозовой,
Позвонил — дверь открыла Зиночка.
Я ей сунул... букетик розовый
И присел, чтобы снять ботиночки.
Осень рыжая куролесила,
За окошком — октябрь нахмуренный.
А мне весело, а мне весело,
Словно я анашой обкуренный.

А у Зинки — так много странного...
Вот, к примеру вам — над сервантиком
В желтой рамке портрет Ульянова,
В черной кепочке, с алым бантиком.
На комодe — макет кораблика
Из вороненой черной стали.
В тесной клетке два хмурых зяблика
То ль кемарили, то ли спали.

Я застыл как матрос с винтовкою,
А она как сирень — распущена...
Я ее угостил смирновкою,

А она меня, блин, распутиным.
А потом — ни хрена не помню я,
А потом — снизошло видение,
Что лежу я в какой-то комнате,
А по ней ходит призрак Ленина.

Ходит, ходит Ильич по комнате,
Да как сдернет с меня простыночку...
Я как крикну: — Ильич, опомнитесь!
Просыпаюсь, а это Зиночка.
За окошком горит полмесяца,
Зинка шепчет чего-то, бесится.
А мне весело, а мне весело,
Сам не знаю, чего мне весело.

Зинка шепчет: — Смывайся, Васенька,
Муж со съезда вернулся, Венечка.
Я на то отвечаю: — Ясенько,
Ну а смыться-то хватит вреемечка?
Нет, не хватит. Шаги в прихожей, и...
И вошел, как министр в приемную,
Мужичонка в пальтишке кожаном,
С толстым портфелем цвета темного.

Ростик маленький, как у Ленина,
Борода выпирает клинышком...
И сказал удивленно Венечка:
— Это как-же понять вас, Зинушка?
А она ему: — Веня, господи,
Возвращаюсь из дома быта я,
А в постели на чистой простыне
Ента морда лежит небритая!..

А мне весело, как от морфия,
Говорю: — Я Василий Фролыч!
А он достал револьвер из портфеля
И сказал: — Одевайся, сволочь.

Я встаю, надеваю трусики,
Строю Вене смешные рожицы.
А у него аж от гнева усики
Завернулись, словно ножницы.
Рассердился он, ткнул мне наган в пупок
И промолвил: — Послушай, гадина,
Еще раз засмеешься — нажму курок,
Ну-ка Зина, включи-ка радио!

Я ж его расстреляю, ей-богу, Зин,
Он беспаспортный бомж — бродяга!
Достаю я тогда из широких штанин
Паспорт свой, что краснее флага.
Предъявляю его доценту:
— Вот, смотри, я Василий Фролыч!

А он взял и моим документиком
Мне по морде отшоркал, сволочь...

Я вздохнул и пошел в прихожую,
Завязал на шнурках ботиночки.
Получил еще раз по роже там
И ушел, усмехнувшись Зиночке.
И спустился я вниз по лестнице,
И упал к октябрю в объятия...
Глянул в космос — а там полмесяца,
А над ним — силуэт распятия...

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... ЗВЕЗДЫ СЕРДЯТСЯ

Евгений Гуров

Однажды Малков взбирался к себе домой на седьмой этаж пешком, так как лифт не работал. Между четвертым и пятым этажем звезды, как это уже случилось с Малковым, отобрали у него энергию. Малков устало опустился на ступеньки и задумался.

В это время сверху осторожно спускался Гуров. Увидев сидящего на ступеньках Малкова, он удивленно спросил:

— Малков? Что ты тут делаешь?

— Жду, — ответил тот.

— Ждешь? Кого?.. — насторожился Гуров.

— Жду, когда звезды вернут мне мою энергию, — ответил грустный Малков.

— А, понятно, — сказал Гуров, развернулся и побежал обратно вверх по ступенькам, так как лифт не работал.

Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей.

1995.

СКАЗОЧКА

Евгений Башта

А как слямзил гад-Кашей Василису —
Так еще и мор наслал на столицу.
Осерчал Иван по пьяному делу:
— Положу, — шумит, — конец беспределу!
Фраер буду, отыщу супостата,
И убью простой совковой лопатой.
Искалечу, будто Бог — черепаху!
И в запале изодрал всю рубаху.
Осушил еще стакан за удачу
И пошел искать кашееву дачу.

А Кашей в тот момент Василису
Уговаривал с хитростью лисьей:
— Василисушка, будьте моею —
Ничего, дескать, не пожалею!
Но она держалась гордо и прямо
И в ответ ему грубила упрямо:
Дескать, мне твоей потенции, старый,
Недостаточно в любовном угаре.

— Ничего тебе не перепадет,
Убирайся-ка к Яге, идиот!

В тот момент, когда Кашей осерчал,
Легонько Ваня в дверь ногой постучал.
Развалилась дверь, не выдержав, в щепки,
За грудки Кашей ухвачен был крепко.
Зря кричал, что он бессмертный, болезный —
Оказалось, это все бесполезно:
Ему Ваня два раза приложил —
И Кашей как будто вовсе не жил...

А Ванюша в жены взял Василису,
С ними вместе весь народ веселился.
В хмелю мы — супермены,
Нам море по колено!..

1990

ПЕСЕНКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ

Михаил Малков

Я ни разу не рыбачил
в Залегощенских прудах,
раз такое дело, значит —
срочно выехал туда.

Червяки в железной банке
в дело верное пошли...
Я мечтаю о таранке,

о квартире, о баранке,
что в машине «Жигули».

Полчаса сижу, мечтаю,
вдруг — не видно поплавка!
Дернул — рыбка золотая...
Хватъ ее, держу в руках.

Говорит мне:
— Слушай, Ваня!
или как тебя, нахал,
мы ж с тобой не в ресторане,
штоб ты руки распускал.

А за твоего червя в навозе
я тебя озолочу, —
хочешь — станешь мафиози?
Я расходы оплачу.

А мне не нужен дом хрустальный и почет на всю страну,
Мне б квартиру, мне б машину, да веселую жену!

И вдруг — квартира! Пахнет краской...
и машина? Ну, дела!...
а жена моя — как в сказке!..
Сразу тройню родила.

Но вот...

детишки мне попались —
по часам сынки росли,
мебель всю
переломали,
и разбили жигули.

К тому же..
так похожи на соседа...
Я терпел, не утерпел.
Снял штаны,
закинул невод,

рыбку вытащил. И съел.

И вот с тех пор в моем желудке
постоянный дискомфорт —
по ночам щекотно жутко
и под ложечкой сосет.

А чтобы не было ошибок
и незаслуженных обид —
не ловите, детки, рыбок.

Применяйте динамит.

1987

ЦАРЕВНА ЛЯГУШКА

Евгений Гуров

Шел я по лесу, стрелу искал,
Пустил ее со своего двора.
Я не пошел бы — царь приказал,
Жанить, говорит, дурака пора.

Шел по лесам я, шел по лугам,
Брел по болоту и — на тебе!
На радость моим закадычным врагам,
Жаба сидит со стрелой на пне.

— Здорово, Лягушенька! — Ой, привет!
— Откуда в зубах у тебя стрела?
— Жубов во мне, Ваня, пока фто нет,
Зенись на мне, Ваня, и все дела.

Стало мне тут до того смешно,
До самых до коликов хохотал!
Сидит на пеньке непонятно что,
И хочет, чтоб я ее в жены взял.

Но спорить с лягушкой я не стал —
У нас государство, не пустозвон.
Я с детства царь-батюшку уважал,
И теперь уважаю царев закон.

Вынул трехведерный я мешок.
Она мне на это: — Ступай с ним прочь!
Я — царевна, кашеева дочь,
Ты меня, Вань, заверни в платок.

Стало мне тут совсем не смешно.
Простуженный в детстве, подергал нос,
Ей говорю: — А сморкать во что??
Но спорить не стал — завернул, понес.

С ентим платком захожу во дворец,
Там собралась уже вся родня —
Два моих брата (дурней меня)
И умный на все государство отец.

— Добыл ли царевну на радость нам? —
Это папаша задал вопрос
Высморкать было хотел я нос,
Да вовремя вспомнил — царевна там.

Ну, вынул платочек, и показал.
Царевна — как квакнет с моей руки
Братья заржали (они ж дураки),
А царь — чуть дуба тогда не дал.

Да, царь чуть дуба тогда не дал,
С трона свалился, костей не собрал.
На костылях десять дней скакал,
На свадьбе — одну валерьянку жрал.

Сам напросился — закон, закон...
У нас в государстве — дружи с головой!..
Теперь этой жабе не скажешь — вон!
Свадьбу сыграли, понес домой.

СЛУЧАЙ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Евгений Гуров

Жила когда-то леди Гретта,
Жила в пятнадцатом веку,
И проживала леди эта
В высоком замке наверху.

И вот скучала как-то леди
у растворенного окна —
вдруг на воздушном велосипеде
к ней подлетает сатана.

И заявляет по-английски,
Как настоящий джентельмен:
— Зачем сидит такая киска
В плену глухих безмолвных стен?

Когда б по лесенке гранитной
Вы, госпожа, спустились вниз —
Клянусь душой своей копытной,
Вас ожидает там сюрприз.

Идите прямо по тропинке,
Она ведет в волшебный лес.
В лесу — веселые картинки
И много всяческих чудес.

Там фэтоны, там фантомы,
Там конь в малиновом пальто,
Там эльфы, гоблины, там гномы,
Там и вообще черт знает кто.

*Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей.
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей.*

Одна труба торчит из крыши,
А из трубы клубится пар.
И чей-то дикий хохот слышен
Под завывания гитар.

А в двух шагах завод ванильный
Печет из глины сухари,
А рядом с ним заводик мыльный
Пускает в небо пузыри.

А Вы, красивая такая,
Вдали от сказочных чудес
Сидите, тягостно зевая.
Чего сидеть? Идите в лес!

И эта глупенькая леди
Пошла в лесок в полночный час...
А там лишь волки да медведи.
И вот на этом весь мой сказ.

1992

* * *

Я проснусь, где березы и клены шумят,
И рассвет, как корона, над рощей.
Там небесные старцы порою гостят,
Там монах ходит белый и тощий.

Над его головой — лучезарный венец,
Он апостол великого Бога.
Упаду на колени, промолвив: — Отец,
Подскажи к райским кушам дорогу.

— Что печалит тебя? — тихо вымолвит он,
Глядя ласково прямо мне в душу.
Я взгляну за верхушки кленовых корон
И скажу: — Не печаль меня сушит.

Там за лесом густым, в светлом граде Орле,
Она нежной порхает голубкой.
У нее телефон на рабочем столе
С перебитою надвое трубкой.

У нее есть театр, есть дворец, есть сады,
А в глазах — серебристые вьюги...
— Погоди, человек, не забыл ли уж ты,
Что ты здесь, в ста верстах от Калуги?

Ты ж не майский скворец и не зимний снегирь,
Что поет про любовь и разлуку.
Ты идешь не в театр, а в святой монастырь,
Сбрось с себя эту светскую муку,

Что закралась в твой разум без всяких причин,
Во сто крат осознание уменьшив.
Дочки Ев никогда не любили мужчин,
Потерявших свой ум из-за женщин.

Такними же с себя эту светскую хмель
И вступай в наше светлое братство.
Я вздохну и скажу: — Я, отец, менестрель...
Поклонюсь и отправлюсь обратно.

Менестрель, или бард, или даже поэт...
Нет, не вырваться мне из капкана,
Где встречается каждую тысячу лет
Это светлое имя — Снежана.

Евгений Гуров
1993

В ТОМ КРАЮ...

Михаил Малков

О тебе ли, о нас, о вас?
говорили стихи
в том краю, где кричит сова
про чужие грехи.

Что скакать, что сидеть мешком,
что лететь, что ползти —
возвращаться всегда пешком
но за это — прости.

В том краю, где сарай — дворец,
а обида сладка,
напевает с утра скворец,
конь несёт седока

и выносит на чистый плёс,
в море светлого дня,
в мир, где солнце твоих волос
согревает меня

В том краю...

Я не знаю где,
и в которой весне,
ты забудешь о той беде
наяву и во сне.

1998

* * *

А ты была владычицей морскою...
Повелевая многокрылой речью,
ты
наполняла волнами мирское.
Я лодкой был.
И плыл судьбе навстречу —

чтоб выполнив своё предназначенье,
на волю волн отдаться,
чтоб однажды,
лицом уткнувшись в тёплое течение
плыть по волнам,
не утоляя жажды...

Михаил Малков
1993

* * *

Души моей психология
Сроднилась с твоей, развратница.
С тобой забывал о Боге я,
О том, что сегодня пятница.

В любви, как в весенней лужице
Бурлил я, подобно Тереку,
А глобус вселенский кружится,
Давно обогнав Америку.

И кончилась жизнь игривая.
Явилась с косою беззубая.
Погибла любовь красивая,
И дал вместе с нею дуба я.

Воскресла любовь голимая,
Сожгли наши платья грязные,
И выпали нам, любимая,
В той жизни дороги разные.

Ушла ты с весною в прошлое,
Стыдливое и невинное,
И платьице свое пошлое,
Сменила на платье длинное.

А я, видно, где-то в будущем
По лесу, с восторгом муторным,
Брожу желтоглазым чудищем,
И с волком дружу компьютерным.

Евгений Гуров
1994

* * *

В смысл вещей не вникаю,
Просто хожу по миру,
Как к печальному Каю,
В свою захожу квартиру.

Я не больной, не нервный,
Я даже дружу с врагами.
Нежная девочка Герда
В снежном томится храме.

Выписан ей из Льдомска штат ледяной прислуги,
сторож ее — поземка, ключи от дверей — у вьюги,
кухарки ее — снежинки, блинчики жарят в печке...
А Герда вселяет льдинки в бездонное слово «ВЕЧНОСТЬ».

Что может быть больше Вселенной?
В ней вечность и в ней покой.
Когда эти льдинки Герда
сложит холодной рукой —

Из глаз потекут слезинки и там, за седьмым парсеком,
как на цветной картинке, возникнет театр из репы,
и принц в золотой коляске, и старый смешной король...

Но в этой красивой сказке отсутствует моя роль.

В холодной квартире Кая, внезапно забыв про слезы,
Я удивленно вникаю в раскрытую тайну розы.

Она умерла. Но мгновенно
Вздохнув, распустилась вновь.
Что может быть больше Вселенной?
Только сама Любовь.

Евгений Гуров
2004–05

* * *

В графе «место жительства» — ставлю прочерк,
живу у времени на отшибе;
почти научился не делать ошибок —
рука
забывает поставить точку

...Любимая, этой зимой впервые
к далёкому югу летят вороны
и снится впервые роскошный выезд,
шампанское и зеркала Вероны,

Холодные
Каталонские горы...
В далёком краю, где течёт Гвадиана
три солнечных века прошло, Синьора,
три сумрачных века прошло, Диана.

...но Боже, как плакала Ваша дуэнья,
когда предсказание ворожеи
сбылось. И вот — я убит на дуэли,
стрелялся с собственным отраженьем,

в том зеркале, где под покровом пыли мы оба
когда-то отображались...
Синьора, два облака рядом плыли
по тёмному небу — Любовь и Жалость.

...а дальше — как в скороговорке старой,
известной от тропиков до ла-Манша —
где Карл украл у Клары кораллы,
а Клара у Карла... Но дальше, дальше!

А дальше — никто никому не должен,
никто никому не даёт отсрочку.
Никто. Никому. Это так, но всё-же —
рука забывает
поставить точку

...пылятся знакомые экспонаты
дешёвого областного музея;
ступени, построенные когда-то
от ватерклозета до Колизея

как прежде ведут от дерьма — к вершине,
от тёмного смрада — к теплу и свету...
и как бы мы в пути не грешили,
Синьора, они позабудут это...

Рассыпятся в пыль города и мысли,
лишь ветер прочтёт на бумажных клочьях:

Любимая, жизнь не теряет смысла —
рука забывает поставить
точку

Михаил Малков
1994

* * *

и снится вам сон, дорогая Синьора,
в короткую летнюю ночь на субботу,
что в спальню вашу пробрались не воры,
но чёрное что-то
и страшное что-то;

сродни пауку или, может, омару,
нечистая тварь подбирается к горлу,
и вот — навалилась холодным кошмаром...
но можно проснуться,
проснитесь, Синьора!

Проснитесь. Вы слышите? На море ветер,
он страхи ночные накроет приливом,
и выбросит море в рыбацкие сети
огромную рыбу,
чтоб утром смогли вы

смеяться,

и рыбу ладонями трогать,
бродить по песку, разговаривать с ветром;
быть маленькой самой и самой счастливой;

и чтобы в бездонные зимние ночи
вы спали спокойно, во сне улыбаясь,
и слышали как
улыбается Море...

Михаил Малков
1993

ЭКСПРОМТ

Евгений Башта

К чему-то чутким ухом прислушивается

тишина.

Шаги отдаются гулко. У виска

Пульсирует синяя венка,

Отсчитывая мгновенья,

Спрессованные в секунды,

Натянутые, как струна.

Они отбивают счет

действиям и надеждам.

Пространство обрезано жестом,

И умирают слова

Медленно и обреченно —

Цветами в нераскрытых бутонах,

в закатных полутонах.

Ветер призрачные ладони

Кладет на усталые плечи.

В сумерках

профиль знакомый

размыт, обесцвечен.

И я скорее догадываюсь,

что ты улыбаешься,

немного грустно.

Время сгущается, на губах

остается

горьковатым налетом полыни

Его привкус.

1988

ОТВЕТ ЖЕНЕ НА ЕЕ СТИХИ

Александр Катохин

Меня пастушка днем с огнем не сыщет,
Изобразив вселенскую печаль.
Суля удачу, в поле ветер свищет,
Зовет к себе в неведомую даль.
В агонии безумной пасторали
Захлопну дверь, и загрустит жена,
Забудет, как друг друга мы сжигали
В кострах любви в былые времена.

Начиналось смешно, завершилось курьезно.
Об колено ломал
стрелы сонный Амур.
— Эй, нажми тормоза, через день будет поздно.
Ей не надо уже
снятых с мамонта шкур.

Но разум спал как ездовой на дрожках,
Стелила ночь агатовым плющом.
Под звон бокалов скатертью дорожка —
Мы одиноки, милая, вдвоем.
Нас в кулуарах сплетники жалели,
Но, молчаливо потакая им,
Не верил я, что мы перегорели,
Не верь и ты, что мы перегорим.

Припадали к ногам восходящие звезды,
Целовал ей ладошки
жеманный купец.
— Эй, нажми тормоза, через час будет поздно!
Поверни-ка оглобли,
коль ты не глупец!

УТРО

Александр Катохин

Небо блеснуло иглами молний.
В бутылке коньячной — двадцать грамм.
Я помню, я превосходно помню,
Как куплен и продан был вами, мадам.

Бесспорно, вы — револьверное дуло,
Вы — фурия, только в обличье святом.
Ну надо же, снова меня стегануло —
Не пулей насмерть, всего лишь кнутом.

В темной копилке Орла мотаюсь,
Кричу в пустые уши домов,
Проигрываюсь, но не проиграюсь,
Есть пара нот, парадохлых слов.

Небо притворное — в каменоломню!
Пустую бутылку швырнул к ногам.
Я помню, я превосходно помню,
Как куплен и продан был вами, мадам.

1989

ДУЛЬСИНЕЯ

Александр Катохин

Не везет мне в любви, не везет,
И от этого нет панацеи!
Не рискнул перейти реку вброд,
А решил переплыть Дульсинею.

Закружило в воронке твоей,
Даже вскрикнуть — и то не сумею.
Можешь ты не любить — пожалей,
Не топи до конца, Дульсинея.

Просквозила до сердца меня
Простудился тобой и болею.
Как бубенчики латы звенят...
Ты хотела шута, Дульсинея!

Не везет мне в любви, не везет.
Ты замерзла, а я не согрею.
Кто сейчас твой октябрьский лед
Переходит, река Дульсинея?..

1988

* * *

Я тебя не люблю,
ты на это не сетуй,
но по белому свету
я твой призрак ловлю.

Ты вокруг — и нигде,
ты со мной — и с другими...
в фимиамовом дыме,
в серебристой воде.

На ладони твоей
сердце раненой птицей
будет трепетно биться
до скончания дней.

Голос свой преломлю,
не могу докричаться:
— Нам с тобой не венчаться!
Я тебя не люблю.

Александр Катохин
1989

* * *

Меня к ней не допустят в дом,
С табличкой даже — «Безопасен».
Сказали: — Нам не надо басен,
По морде видно, что почем;
По Вам исплакалась тюрьма;
Вам наша дочь совсем не пара;
Катитесь тихо под фанфары,
К чему бардак и кутерьма? —

И я остался у дверей,
Оплеван с ног и до макушки —
Родителям моей подружки
Не нужен зять без козырей.
А не хотят — и наплевать,
В ЗАГС можно без благословенья,
Лишь было б принято решенье
Жизнь — с паспортом проштамповать...

...Но все равно — не все равны,
В противоречии плакатам
И всем газетным демократам
Свободной правовой страны.

Евгений Башта
1987

25-е НОЯБРЯ

Михаил Малков

Разрешите не по уставу, разрешите, я просто так...

Не отчаянье, не усталость,
но какая-то пустота —
может быть, не в порядке нервы,
все наверно пройдет, подождем...

Не последний я и не первый —
тот, кто лечит себя дождем.

Что со мной случилось, не знаю, может все это не для меня?

Я загнал бы коня, дорогая —
только нет у меня коня.

Я не править хотел, не княжить —
лишь воздать себе за труды,
но с трудом поднимаю тяжесть
ледяной дождевой воды.

Что-то мне задолжала осень, но ничто не проходит зря...

Сколько зелени, сколько сосен
двадцать пятого ноября.
Дай мне, осень, хотя бы месяц,
ну не месяц, так тридцать дён —
все отмерить, спокойно взвесить
под холодным твоим дождем.

Вот идет по земле человек, утопая в грязи как в цветах.

К сожалению, мы не дети,
к сожалению это так.
Ты и впрямь задолжала, осень,
так давай, дождем расплатись
с тем, кто так и остался гостем,
прогостив у тебя всю жизнь.

Разрешите не по уставу, извините, пою не в такт —
что потеряно, что осталось,
что сложилось, и что не так...
Я по Волге — на пароходе!
Я не верю календарям!
Но в Россию зима приходит
двадцать пятого ноября.

Но в Россию зима приходит
двадцать пятого
ноября.

1987

* * *

Пришли друзья, нашумели,
Дыму тесно в комнате...
Сейчас скажу: — Надоели!
Проваливайте к другому.
Идите, не видите, сбой,
Худо мне, мальчики, худо.
И заберите с собой
Мое ненадежное чудо
С глазами цвета «токай»,
С морщинками возле губ...
Не надо меня толкать,
Что был с ней сегодня груб.
Идите, болит голова,
Дайте мне отдохнуть!..—
Насказанные слова
Стеснили на выдохе грудь.

Евгений Башта
1988

* * *

Мое горькое счастье
С запахом листопада,
Мрак мой колешь на части
Негасимой лампадой.
Как к прозрачной кринице,
Припадаю к дыханью.
Мне тобой не напиться,
Жажда — вровень с желаньем.

Евгений Башта
1988

* * *

– 1 –

Не ревнуй ее зря,
Нервы тратить — пустое.
Горький дым сентября
Пить лекарством не стоит.
Ветер не успокоит
Плач разрушенных гнезд.
Ночь надменно не скроет
Злой истерики звезд.

Расплатись пустотой
За усталую нежность,
Через воздух густой
Продерись в неизбежность.

Там, за гранью тоски
Нераспознанной боли
Кто-то тронет виски
Вечной, теплой ладонью...

– 2 –

Малыш, тебе плохо, или свалилась усталость?
Боль затаенного вздоха в колодцах зрачков заплескалась.

Смотришь надломленной
Невнятной судьбой.
Сбой.

Бродит по комнатам эхо от телефонного взрыва.
Какая же это потеха, коль в память — словно с обрыва...

Стоишь обреченно,
Смеясь над собой.
Сбой.

Евгений Башта
1988

* * *

Безвольно опустите руки
Перед надменной болью и тоской.
Возьми меня, детеныш, на поруки,
Наверное, я заслужил покой.

У нас так глухо плачет осень
За слюдяным оконцем ветра.
Я без тебя скучаю очень,
А впрочем, не бери на веру.

Ненужных слов блестящий глянecь
Не передаст улыбки мима,
В которой вдруг печаль проглянет
Среди веселой пантомимы.

...Снится лезвию вена,
Кровь, бесясь, выход ищет,
И, свихнувшись от плена,
Пульс взлетает до тыщи...

Евгений Башта
1988

* * *

я говорил себе не люблю
я говорил себе не хочу
голос не слышу как будто сплю
голос услышу лечу лечу

я говорил себе слушай друг
я говорил себе слушай мразь
что тебе нужно от этих рук
что тебе нужно от этих глаз

я говорил не твоя судьба
мало что ли своей беды
жена не твоя не твоя беда
что тебе до чужой звезды

голос не слышу как нет меня
голос услышу как будто жив
то ли не видно в окне огня
то ли не видно в огне души

кнут измочалил загнал коней
не отлюбил да не отстрадал
то от неё, то обратно к ней
как по щеке вода...

Михаил Малков

1998

НАПЕВКИ

Александр Катохин

Балалаечка брынь, да трынь
За гармошкою.

Балалаечка брынь, да трынь
За трехрядочкой.

А у милой моей — глазки синь,
Да с Тимошкою,
А у милой моей глазки синь,
Села рядышком.

Отчего так грустно мне?

Не пойму.

Птица плачет в тишине

Почему?

Не венчались мы с тобой —

Не сошлись.

Но за что же так со мной

Обошлись?

А сердечко-то стук да стук,

С дюжей силою,

А сердечко-то стук да стук,

Шибко мается.

Гармонист Тимошка — перший друг

С моей милою,

Гармонист Тимошка перший друг

Обнимаются.

1993

ПЕСНЯ ПРО СЧАСТЬЕ

Евгений Гуров

Я собирался в тот вечер в парилку
Сунул мочалку, шампунь и бутылку,
Веник дубовый и мыло в сетку,
А у плетня повстречал соседку.

И говорит она: — Только-только
Шел к нашей речке дружок твой Колька.
Вся петухами на нем рубашка.
Под руку с Колькой — твоя Наташка.

Я пошатнулся, круги поплыли.
Страсти в душе моей к мести взвыли.
Разум нагрелся, скриплю зубами,
К речке иду я заместо бани.

А над поселком уже стемнело.
Словно разбойник, иду на дело.
В небе луны золотая долька.
Вижу, как будто дружок мой, Колька.

Точно, рубаха его курями.
Под руку с дамой, и в знойной даме
Я узнаю вдруг свою заразу!
И закипел возмущенный разум.

Поднял дубину, пошел навстречу,
В голову Кольке дубиной мечу.
Колька успел заскочить за Наташку,
Тут извиняюсь я, дал промашку.

Ей повезло, был тот кол трухлявый.
Натка мне как звезданула правой,
Что покорежил ее прическу.
Я зазвездился спиной в березку.

Снова звезда! На плетень наткнулся,
Ноги задрались, перевернулся.
Там бугорок, я по нем скатился,
В речку — бултых! Заодно помылся.

Вылил я речку шампунь «Русалка»,
Шерсть на груди почесал мочалкой
Лунная долька в реке горела
И огляделся я обалдело:

В небе летели пять уток с юга,
В заводи ерш танцевал с белугой,
Сом в алой шапочке и кафтане
Что-то про счастье пел на баяне:

— Счастье — такая горькая штука,
Среднего рода, но близоруко.
Мажь на батон его как повидло
Будет и сладко, и дальновидно...

2004

ЭРОТИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Евгений Гуров

Шел я в баню на прошлой неделе,
Да не в то отделение забрел.
Бабы как на меня загалдели:
— Что уставился, лысый козел?

Я им вежливо: — Граждане бабы,
Вот теперь-то я правду узнал.
Извините, конечно, но я бы
Никого из вас замуж не взял.

Я не вижу среди вас Мону Лизу,
Хотя, если и Мону раздеть,
И доставить сюда для стриптизу —
Тоже не на что будет глядеть... —

Тут одна — с эротическим тазом
И арбузною грудью мадам-с
Называет меня ... дикобразом
И по лысине тазом мне — бам-с

Я — хоть лысый мужик, но здоровый,
У меня было пятеро жен!
Тут к парилке идет участковый,
Я почтенно: — Товарищ мильтон,

Полюбуйтесь на Евиных дочек,
Легче будет потом умереть —
Ни штанов, ни трусов, ни сорочек,
Просто не на что даже глядеть. —

Участковый глазами захопал
И не мог отвести их уже.
Он стоял и глядел остолопом
На смущенных девиц в неглиже.

И вот тут-то арбузная Мона,
Ну, вы поняли речь о ком,
И меня, и того мильтона,
Окатали крутым кипятком.

Бедный мент на нее ошалело
Три минуты стоял и глядел
— Ты чего, говорит, офигела?
Ни фиги себе — беспредел!..

Дома теща с женой допекают,
Ну, заразы, терпенью конец!.. —
Кобуру он в припадке хватает,
Открывает, а там — огурец.

Огурец не стрельнет, хоть ты тресни,
Как бы этого ты ни хотел.
Хорошо хоть свисток на месте
И инспектор в него засвистел.

Тут бригада омона ввалила —
Автоматы, жилеты, броня...
Эта Мона и их обварила,
А в итоге — забрали меня.

Из милиции в часе четвертом
Или пятом, не помню, утра
Вышел я и травмпункт приперся —
Выручайте, друзья доктора.

Наложил мне на череп повязки
Лысый доктор, и молвит всерьез:
— Вы уж в баню ходите в каске,—
А сестра хохотала до слез.

В нормальной немецкой каске (со свастикой).
А сестра хохотала до слез.

2004

РАСПУТНАЯ НОЧЬ

Александр Катохин

Помимо женщин, флиртующих и чужих,
Подмаргивала ночь, соблазнами маня.
Не разглядел, к несчастью, ее глаз больших,
Но чувствовал — они зовут меня.

Я видел, как она гасила фонари
И сторожить поставила Созвездье Псов.
Я судорожно дышал и что-то говорил,
Отравленный таблетками её зрачков.

На перистых мы с нею спали облаках,
Распутница ты, исцелованная ночь.
Ревнующий Стрелец был в десяти шагах,
Но я ничем не мог ему тогда помочь.

Пригоршнями черпая росписную блажь,
Ночь между пальцев просочилась. Рассвело.
И плечи обнаженные ее — мираж.
И дальше флирта, к сожаленью, не зашло.

1987

ДУЭЛЯНТ

Александр Катохин

Запылился роман
В длинных полках души.
Милый мой дуэлянт,
Начинать не спеши.

Ночью пепельный бант
Позолотой у ног.
Милый мой дуэлянт
Неприступен и строг.

Погасли свечи,
окончен шумный бал,
наш корпус сейчас выступает в поход.
Мадам, я Вам так много
недосказал,
а вдруг этот бал нам никто не вернёт?
Вы прикажите,
и я останусь здесь,
чтобы погибнуть от страждущих глаз.
Мадам, пощадите
мою офицерскую честь —
закончите эту дуэль
сейчас.

Придворцовый туман,
Паутинность манер...
Милый мой дуэлянт,
Преступите барьер.

Вы — игра, Вы — обман!
Вас никак не понять!
Милый мой дуэлянт,
Обещайте мне ждать.

Погасли свечи,
окончен шумный бал.
Наш корпус сейчас выступает в поход.
Мадам, я что-то опять
вам недосказал!
А вдруг этот бал нам никто не вернёт?
Вы прикажите,
и я останусь здесь, чтобы погибнуть от страждущих глаз.
Мадам, пощадите мою офицерскую честь!
Закончите эту дуэль
сейчас.

1987

МИЛЕДИ

Александр Катохин

Всплеск,
Бирюзовой ночи всплеск,
Глаз шальных приручен блеск —
Неподвижен.

Дым,
Сигаретный сизый дым,
Силуэт миледи с ним
Под Парижем.

Бой часов!..

Воск
Зацелованных волос,
На плече клейменном лоск
Мессалины.

Ваш
Кучер тронул экипаж,
Легкий флирт, по телу блажь
Ночи длинной.

Бой часов!..

До Версаля путь —
Назад не повернуть.
Впереди дуэль.
Выстрел в грудь.

Воск
Зацелованных волос,
На плече клейменном лоск
Мессалины.

1989

* * *

Это было в десятом столетии.
С беспросветною скорбью в глазах,
Раздвигая еловые ветви,
Шел по хвойному лесу монах.

Он бежал от разврата и блуда,
От беспечных, веселых людей.
Он искал не великое чудо,
А пристанище веры своей.

И свеча его сумрачной веры,
Что недолго горит на земле,
Привела к черной пасти пещеры,
Растворенной в холодной скале.

Приоткрылась незримая дверца
И всесильный невидимый Бог
В его чистом, раскаянном сердце
Искру светлой надежды зажег.

Он заплакал и вдруг повалился
На колени в темнице своей,
И с тех пор дни и ночи молился
Вдалеке от беспечных людей.

Но однажды в раскат новолунья,
В черном платье из тонкой парчи
В его келью вошла не колдунья,
А заблудшая дама в ночи.

На вошедшую женщину строго
Он взглянул и невольно застыл.
И забыл он великого Бога
И молитвы свои позабыл.

Она нежно под ним трепетала
Будоража невинную кровь,
С упоенным безумством шептала
Про зажженную в сердце любовь.

А под утро, тоскливо зевая,
Сообщила, что сбилась с пути,
И ушла из плененного рая,
На прощанье промолвив — Прости...

Оглядел он тогда свою келью,
Запалил под иконой свечу
И приплелся к глухому ущелью,
Как больной безнадежно к врачу.

Под созвездиями золотыми,
Что горели в космической мгле
Своей первой возлюбленной имя
Выбил он на холодной скале.

С болью вырвал из сердца надежду,
Посмотрел ей печально в глаза
И свалился в бездонную бездну,
Как с холодного неба звезда.

Затворилась душевная рана,
Догорела свеча на столе,
Только имя осталось — Снежанна
На высокой холодной скале.

Евгений Гуров
1994

* * *

А ты призналась мне в любви и зарыдала,
Да громко так — аж вешалка свалилась.
И люстра вдруг разбилась и упала,
Верней — упала, а потом разбилась.

А тот, кто вел программу Оливетти,
Слинял с экрана, будто Фантомас.
Внезапно свет зажегся в туалете,
А в ванной почему-то вдруг погас.

А ты еще сильнее как зарыдала,
Что вылетели стекла из окон...
На улице собачка завизжала,
У Ивановых рухнул вниз балкон.

Галопом из соседского сарая
Сбежала ошалевшая коза.
Водитель двадцать пятого трамвая
Едва успел нажать на тормоза.

Портрет вождя свалился в новой школе,
Из за чего свалился — бог невесть...
Завелся трактор сам собою в поле,
Его пять лет никто не мог завезть.

В корабль штурвал направил камикадзе,
Матерый волк пробился за флажки.
Уехал в Грузию товарищ Шеварднадзе,
В пивных подорожали пирожки.

В тысячелетнем сне отборным матом
По-русски завопил Тутанхомон.
Ему приснилось вдруг, что суки демократы
На сахар ему выдали талон.

На севере последний чукча спился,
В Австралии вождь племени запил.
В Германии народ объединился,
Саддам Кувейт соседский захватил.

Теперь Кувейт находится в Ираке
Недаром же сказал Хусейн Саддам:
— Скорей в Аральском море свистнут раки,
Чем я Кувейт кому-нибудь отдам.

И вздрогнула слегка планета наша
На торжество и радость всем смертям...
И я сказал ей: — Не рыдай так громко, Маша,
Не то весь мир развалится к чертям!

Евгений Гуров
1990

ОЩУЩЕНИЯ НА ГРАНИ СНА И ЯВИ В 22 ЧАСА НОЧИ
ПОСЛЕ РАЗГОВОРА С ЖЕНОЙ*Евгений Башта*

Теория изломанного света,
зелено-белая граница воспринять,
сплетенье ног жемчужного балета,
свечение холода
на ремешке распятыя

Инфекционность внутреннего жара,
дорожка, в губы запрессованная жестко.
Переживаю ощущение радара,
ловя вслепую
жесткую полоску

Размазан свет в параллелепипеде объема,
коричневый квадрат на белом скомкан,
смысл крошится на грани перелома,
полубезумье спит
в мешочке тонком

Есть ощущение тепла — нет осязанья.
Вдыхает духоту тряпичной ночи
смешной комочек тихого страданья,
качаясь на ветру
в круженьи точек

Проваливались мысли в вязкий омут,
ладони невесомы и прозрачны.
Кусочек боли в глубине не тронут,
быть может — счастья.
Все неоднозначно...

1988

* * *

Если близится ночь и пламя едва дрожит;
если масло сгорает в лампе,
как в горле — крик;

если тусклый огонь не сумел до утра дожить;
если тьма поглотила страницы
любимых книг;

если вышло — как вышло, и не удалось огонь
уберечь до рассвета,
не удалось спасти —

значит что-то не так в нашей жизни с тобой — ладонь
отпускает любимых овец до весны
пастись..

Мы возьмем эту лампу в наше немое кино,
в черно-белые улицы, стальные —
лет на сто,

не дешевым сосудом с прошлогодним вином;
не зловонным вместилищем
желчи и нечистот —

эта тёплая лампа, светильник полу-нагой
пусть останется лампой,
светильником без огня.

Будет утро. И масло найдётся. И будет огонь,
освещающий письменный стол,
и тебя, и меня...

Михаил Малков
1994

* * *

Прости, не смог я оседлать луну.
Мне тихий плач звезды не успокоить.
Я сам в болоте вязну и тону —
На этом грунте храма не построить!

В упряжке лет зубами удила
Вдавил я в фиолетовые губы.
А ты стегала плетью и гнала,
И в поднебесье возводились срубы.

Их строил я, обшарпав руки в кровь,
Леса скрипели и ржавели скобы.
Я поднимался, и срывался вновь,
Отчаянье сменялось лютой злобой.

Но звезды плакали, и кто-то третий им
Ладонями утер скупые слезы.
Луна безропотна была под ним,
А мне уже в венки вплетали розы.

Я вычислен, и Зодиака знак
Снял удила, к списанью подытожил.
Не смог я положить на срубы лаг,
И в храме возведенном дня не пожил.

Прости, не смог я оседлать луну,
Пристреливают загнанных, не так ли?
И ты стреляла, доказав вину,
За то, что силы у меня иссякли.

Александр Катохин
1985

* * *

Ты — птица.
Ты — свободна и встревожена,
далёк твой путь.
Лети,
лети над лесом обмороженным
куда-нибудь...

...А ты — ручей.
И ты не знаешь, маленький,
ни холода, ни боли,
ни забвения.
Куда несёшь ты
детские кораблики?
Зачем зовёт тебя река осенняя?

Зачем тебе напоминает вешнюю
бурливая вода
в кольце кипения...
Молчит река холодная, нездешняя,
и берега молчат в оцепенении.

Здесь грязный снег.
Здесь ненадёжна оттепель.
Здесь умер
позабытый мишка плюшевый.
Здесь нет его. Есть
человек под зонтиком,
который ветер
удивлённо слушает.

...Пой, чёрный век.
шагай тяжёлой поступью,
злорадствуй,
потрясай железной кружкой...

Плачь,
человек —
любимая игрушка Господа.
плачь, потерявший
детскую игрушку...

Михаил Малков
1998

ОСЕНЬ

Евгений Башта

Перехитрила меня осень,
Тряханула рыжей челкой,
Опрокинув неба просинь,
Убежала

стерней колкой.

Лишь ледок на хмурых лужах
Под ногой хрустел стеклянно..
Я ей стал совсем не нужен,
Жаль, что так
непостоянна

Осень,
золотые косы,
Моя нежность и отравы.
Утром с тропки у покоса
Я упаду в хмельные травы..

И склонятся надо мной
В белых платьях из метели
Три зимы в зиме одной,
Что ей на смену прилетели.
Закружив, да в хороводе,
Зацелуют, заласкают,
Унесут, как в половодье,
След поземкой заметая..

И напрасно осень будет
Звать меня, когда вернется.
А потом — с другим забудет,
Как в глупой песенке поется...

Ах, осень, осень, золотые косы,
Моя нежность и отрава.
Утром с тропки у покоса
Я упаду в хмельные травы..

1989

БАБЬЕ ЛЕТО

Евгений Башта

Приходи, бабье лето,
Видишь, больше невмочь.
SOS моей сигареты
Бьется без толку в ночь.
Я согласен не первым,
Только не откажись:
Перетянуты нервы,
Недотянута жизнь.

А над черным провалом
Рвется тонкая нить.
Дел, конечно, немало
Не успел завершить.
Я согласен не первым,
Только не откажись!
Перетянуты нервы,
Недотянута жизнь.

Остаются не спеты
Две последних строки.
Допиши, бабье лето,
Легким взмахом руки.
Я безвинен, поверь мне,
Только, как ни божись—
Перетянуты нервы,
Недотянута жизнь!

1989

* * *

Да, грешен я. Я безусловно грешен.
Я не пытаюсь оправдаться тем,
Что слава разрушителя скворешен
Мне позволяла выжить в темноте.

И я любил. И я бывал любимым.
Но в давней веренице тел и рук
Теперь едва ли вспомню половину
Моих до гроба преданных подруг.

Но в этом мире, радостном до боли,
Такой как есть — беспечен и раним,
Я много лет одной тобою болен.
Я много лет одной тобой храним...

Михаил Малков
2008

РОМАНС

Евгений Башта

Не возвращайся, меня больше нет.
Забудь тот мир, где мы познали счастье,
И дом, где для двоих тепло в ненастье.
Забудь свечей колеблющийся свет.

Не отвечай мне, меня больше нет,
Не подходи на голос телефонный.
Пусть замолчит тобою не прощенный —
Есть поражения, куда важней побед.

Не оборачивайся, меня больше нет.
Нельзя глазами встретиться со мною.
Я все равно останусь за спиною,
Как от твоей подошвы легкий след.

Не возвращайся, меня больше нет.
Не отвечай мне, меня больше нет.
Не оборачивайся, меня больше нет.
Я так плачу за восемь своих бед.

1989

* * *

Прости, я кажется устал
Быть безрассудным и шальным.
Мне надоел хмельной угар
И горек сигаретный дым.
Прости за все, что не сбылось,
За все, что сбыться не могло.
Во мне осталась только злость,
И крови бешеной вино.

Прости меня за эту грусть,
Прости, пусть не за что прощать.
Прости за то, что я вернусь,
Когда уже не будешь ждать.
Прости меня за боль и ложь,
Прости мне водку и тоску.
Прости меня за этот дождь,
За песни, что тебе пою.

Прости мне полуночный крик,
И в исступленьи сжатый рот,
Прости мне полуночный миг,
Где жизнь идет наоборот.
Прости за то, что я такой,
Что не умею быть другим,
Прости за то, что я с тобой,
За то, что я тобой любим...

Прости, я кажется устал
Быть безрассудным и шальным.
Мне надоел хмельной угар,
И горек сигаретный дым.

Прости за все, что не сбылось,
За все, что сбыться не могло.
Во мне осталась только злость,
И крови бешеной вино.

Евгений Башта
1989

Восползание

НА ПАРНАС

ВОСПОЛЗАНИЕ НА ПАРНАС... С КОРАБЛЯ НА БАЛ

Александр Катохин

Однажды, в кабине козлового крана, — там, где в ту пору зарабатывал на хлеб, — я обнаружил, что стропальщик, вопящий внизу благим матом: «Вира!», понапрасну рвет голосовые связки. Тем временем я увлеченно дорифмовывал очередную песню.

И вот тогда я задумался: а не совершаю ли я преступления? Разумеется, не по трудовому законодательству... Не совершаю ли я преступления против своей души?! Я занимаюсь совершенно не тем делом, которое люблю, и которое, на мой взгляд, неплохо делаю. Возвратившись с работы, я сажусь за кухонный стол дописывать текст; иногда, не обнаружив в кармане листа бумаги, ценную строчку записываю на рубле...

Хорошенько поразмыслив, я пришел к начальнику, и подал заявление об увольнении. Начальник, как и подобает руководителю, предложил мне отработать два месяца, положенные по КЗОТ. Обманывать себя не было никакой необходимости, поэтому я категорично заявил, что отрабатывать не буду, и в случае, если меня не рассчитают, готов даже к 33-ей статье. Ко мне отнеслись с пониманием и отпустили с богом на все четыре стороны.

Я однозначно понимал, что идти надо в сферу искусства, неважно кем. Первой точкой преткновения был драмтеатр им. Тургенева. Актер из меня никакой, до ассистента режиссера я не дотянул по образованию, посему оставалась вакансия «подай-принеси», конкретней — монтировщик сцены. В театре, казалось, я смогу реализовать себя как автор песен — писать для спектаклей зонги и фарсы. Присмотревшись к подвыпившей команде монтировщиков, я понял, что это — трамплин

не на большую сцену, а в ближайший пивбар, с перспективой на ЛТП. Так и не осчастливив отдел кадров театра своим заявлением, я направился в областную филармонию.

В холле меня встретила немолодая дама с крашеными волосами. После конкретного вопроса последовал конкретный ответ, и я понял, что меня берут, но не артистом, а администратором. Работа для меня была совершенно незнакомой. Я полагал, что администратор — это что-то вроде вахтера, но выяснилось, что в обязанности администратора входит организация концертов скрипачам-портвейнистам и болтунам-затейникам. Тогда я не смел даже мечтать о том, чтобы через какое-то время сдать программу и самому работать артистом.

Мимо нас то и дело проходили артисты — помятые люди с помятыми лицами. Было совершенно понятно, что эти «артисты», выпив перед работой пивка для рывка, понесут в массы доброе, вечное, разумное. Как я узнал впоследствии, в филармонии на тот момент не было ни одного серьезного коллектива. Организация существовала на скудные дотации государства, и, к тому же, переживала внутренние междоусобицы. Как в классическом кино, добродушного и прогрессивного директора исподтишка подсиживал суровый и консервативный заместитель, который в первый же день попытался обрести сторонника в моем лице. Не жалея красок, он изобразил из милого пухлого директора, тощего и злющего Мефистофеля.

Мне вручили два бланка договоров и сказали, что через десять минут я должен буду отвезти группу. Лена, старший администратор, больше похожая на надзирателя, быстро объяснила:

— Сюда поставить печать... здесь должны расписаться.
Езжай!

Я попытался уточнить подробности:

— Кто должен поставить печать? Как заполнять договор?

Лена увлеченно расхваливала по телефону «левую» команду. Она параллельно работала на Молодежный Центр комсомола — там больше платили.

— Ну, разберешься по дороге... В бухгалтерии заполнишь.

Я спросил:

— А на какую сумму заполнять договор?

Лена посмотрела так, как будто ей наступили на хвост и, растягивая слова, завершила:

— Не зна-ю-ю...

Ощущая себя в шкуре ответственного балбеса, я направился к автобусу, где меня уже ждали артисты. Как я узнал впоследствии, они и сами заключали контракты с МЦ комсомола и (на филармоническом транспорте...) успешно давали договорные концерты, деньги складывая себе в карман.

Администратор филармонии получал всего три процента от валового сбора. За два дня я заработал ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ (!) рубля. И это еще хорошо, если за пару дней удавалось продать замшелого разговорника с осипшим от водки голосом. Как объяснять руководителю, в каком амплуа этот артист работает? Киноартист? А кто его видел? Чтец? А что он читает? Гоголя? А кому он, нахрен, нужен в обеденный перерыв с заунывным мычанием:

— Какой же русский не любит быстрой езды?!

Я врал всем председателям профкома, как только мог. Некоторые, уверовав, что это действительно любимый ученик Немировича-Данченко, соглашались подписать контракт.

Короче говоря, в скором времени я тоже начал официально работать от Молодежного Центра комсомола, заключил стандартный контракт из расчета 70 на 30 процентов (70% с концертного сбора поступали в МЦ комсомола, 30% — законно полагались мне). Мне дали расчетный счет и выдали кучу бланков. Не имея администратора или менеджера, организацией своих концертов занялся сам. На мне утомительным грузом висели плановые концерты филармонии и, тем не менее, «сядья на телефон» я сначала предлагал концерт Саши Катохина, а потом уже какого-нибудь Егорки Куделькина. Что концерт кулуарной знаменитости, что мой, стоили от 125 до 200 рублей. Разумеется, Куделькин работал там, где 125.

Председатели профкомов, с коими мне приходилось общаться, спрашивали:

— А откуда этот Саша Катохин? А о чем он поет?

Я последовательно отвечал:

— Катохин поет военные, лирические и сатирические песни...

А когда мне удавалось убедить председателя профкома в необходимости проведения концерта на их предприятии, я завершал:

— Петр Иванович, я вам пришлю Катохина в день концерта с договором, хорошо? Вы ему там подпишите, пожалуйста, договор, и счет-фактуру возьмите на обусловленную сумму. А мне, уж извините, некогда. Я — администратор и должен заниматься организацией концертов.

Этот Катохин в назначенный день приезжал на предприятие и подсовывал на подпись договор. Затем, в красном уголке на тридцать мест, без аппаратуры, сценического костюма и без серьезных артистических навыков выходил на публику.

По своей неопытности я давал тогда полуторачасовые концерты. До сих пор не могу понять, как меня, никому

не известного автора, на протяжении полутора часов терпела публика.

Бедные слушатели... За что же вас так? Вы ждали пушистого зайку, а увидели непричесанного, безвкусно одетого, отнюдь не артистической внешности человека. Ах, спасибо вам, что вы слушали меня и слышали. Спасибо, что я видел ваши улыбающиеся лица, спасибо за ваши полтора часа, подаренные мне.

Но себе я прощал все! У меня было немного голоса, немного таланта, немного исполнительского мастерства, немного эмоций, дополнявших мои песни, все вкупе это и был Саша Катохин.

А. Катохин. Восползание на Парнас.

1993

ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Александр Катохин

Труба гремит, в дорогу зовет.
Забрало закрой.
Там ветряная мельница ждет,
Не равен ваш бой.

Пусть будешь битым,
Затравят враги,
Покинет свита —
Назад не беги!

Ветряк завоюет
Как вепрь-исполин,
Ты в поле воин,
Хоть вышел один.

Всего изведай!
Вернись с победой!

Пусть конь, хрипя, упал под тобой —
Не выдержал брат.
Ты должен выиграть этот бой,
Ни шагу назад.

1989

ПЕСЕНКА ДОН КИХОТА

Евгений Башта

Грел эфес мне ладонь,
И по небу шла молний отстрочка.
Звал в таверну огонь,
И вино, чтоб согреть одиночку.
Конь испуганно ржал,
Продираясь сквозь ветки и полночь,
И меня кто-то ждал,
И рассчитывал кто-то на помощь.

Плащ мой вымок насквозь,
Ветер лез за манжеты и ворот;
В сапоге вылез гвоздь,
И сюртук был нещадно распорот.
Наконец-то весь грязный,
Но все же добрался до цели.
— Защищайся, несчастный, —
Кричу, — не уйдешь от дуэли!

Кто-то громко заржал
И хозяйку спросил: — Что за чудо?
Кто сюда его звал?
Ах, никто? Ну, пусть валит отсюда!
Я на месте топтался
От шума и смрада дуряя,
Мне в лицо улыбался
Пьяный пристав с глазами лакея.

Конь испуганно ржал,
Продираясь сквозь ветки и полночь.
Меня кто-то не ждал,
Не рассчитывал кто-то на помощь...

ВЫХОДИТ БАРД

Михаил Малков

Не леопард выходит на охоту —
Выходит бард лошадкой подставной.
Выходит бард на сцену, на работу,
В ущерб своей работе основной.
Наш крестный Папа — Молодежный Центр,
Идея, между прочим, не нова —
Мне б получить законные проценты,
Чтоб окупить грядущий фестиваль.

Наевшись дома кислых щей у тещи,
Выходит бард со сцены рассказать,
Как дым костров опутывает рощу,
И как близки далекие глаза.
Настрой у барда эмоциональный —
То шут шутком, то воеет от тоски...
И кроме песен остро-социальных,
Все остальное вроде по-людски.

Да, мы несем культуру в миллионы,
Чем, безусловно, счастливы вполне.
Безумно рукоплещут стадионы
Валерию Леонтьеву, не мне.
А у меня — пять слушателей вовсе,
Что-что? Уже четыре? Тоже плюс!
Давайте дружно за руки возьмемся
Все четверо. Прекрасен наш союз!

И в заключение скажу не для рекламы
И не для ваших записей в блокнот —
У комсомола, нашей общей Мамы,
Без КПИ работа на идет.

Не беспокойся, дорогая мама,
Концерт официально разрешен.
Гитара есть, составлена программа —
Ну, развяжите руки. Я пошел!..

1988

* * *

Глупец или пижон — гублию талант по пьяни,
Буровлю равно всё, что в голову взбредёт.
А тот вон стёр перо про выстрелы в Афгане —
Он в нужной колее со временем идет.

От престижных отнекиваясь сцен,
Не хочу про ветра перемен.
Потому-то вот здесь я сижу,
Сквозь лощеные лица гляжу.

Да это не запой, а так себе, попойка.
Из рюмки отхлебну и ногти обгрызу.
— ДушУ мне ублажи! Давай про перестройку! —
Мясник, икнув, обронит пьяную слезу.

Но вот надо же этому быть,
Про неё я не смог сочинить.
Не хватило ума, не сумел,
Ну а так непременно бы спел.

Трояк сует в карман обожранная дура:
— Про яблоки давай, что мёрзнут на снегу! —
А я-то, размазня, с себя седьмую шкуру
За полчаса спустил и скрючился в дугу!

Эй, ребята, я ж не массовик!
Наорался — дымится кадык!
Боль свою я из струн выбивал!
Я же вам ни строкой не соврал!

Им нужен баянист, частушечник заправский!
О чём тут говорить? Очками рвут капрон...
Эй брось, дружок, пошли, определено ясно —
Мы — скоморохи здесь у них под выпивон.

Одиночеством загнан я к ним
В этот гадкий пахучий кельдым.
Был не там и, как видно, не тут...
Ведь не поняли и не поймут!

Александр Катохин
1990

* * *

Откричал, отрыдал,
изошел на шесть струн,
и оваций не ждал,
если начистоту —
просто боль попытался принять
на ладони.

Шел со сцены пустой
на дрожащих ногах,
перепутался строй
на измятых ладах —
только зал улыбался
его молчаливой агонии.

Сел в примерной на стул,
стер улыбку и пот,
безнадежно вздохнул,
молча глядя вперед,
сжав в дрожащей руке,
как спасательный круг,
сигарету.

Думал — все, не могу!
пусть уж кто-то другой,
сердце поберегу,
нервам нужен покой...
Что я, каторжный,
пытку выдерживать эту?!!

А потом усмехнулся,
снимая пиджак —
да ведь ты же рехнулся
на этом, чудак!
Так что не зарекайся
прожить без слепящего света!..

Евгений Башта
1987

* * *

Дура! Хочешь красивых страданий?
Так плати мне —
как проститутке,
чтоб я душу свою поганил
не с подначка и не на шутку.

Я приму два стакана белой,
обнимусь с гитарой разбитой,
и тогда — заказывай смело
что захочешь. Уютно и сыто

за столом развалиясь, как в партере,
будут слушать сомлевшие гости
вой рифмованный
о потерях,
и шуметь: — Веселее! Просим!..

Евгений Башта
1987

БАЛЛАДА О МАМОНТАХ

Евгений Гуров

Родился я, конечно, не без слуха,
Я с детства очень музыку любил,
Но как-то наступил медведь на ухо,
Большой медведь на ухо наступил.

Не мотылек, не бабочка, не муха,
Не заяц, не лисица — сам медведь.
И вот с тех пор остался я без слуха,
И вот с тех пор я не умею петь.

Ох, как ругал я этого медведя,
Убившего во мне мой божий дар...
Но как-то раз мой дядя, дядя Федя,
Большой любитель дам, вина и карт

Спросил: — Ты знаешь, что такое мамонт?
Ты скажешь мне, что мамонт — это слон?
Твой слон тщедушен, хрупок, хил и сам он
В сравненьи с братом мамонтом смешон.

А мамонт — в нем браток, такие тонны!
А мамонт — это целых три кита.
Из всех земных руин неслися стоны,
Когда он шел по тундре не спеша.

Ведь мамонт — это двигатель прогресса.
Он шел по тундре и вперед смотрел,
И, невзирая на такой феномен веса,
Он, кроме травки, ничего, браток, не ел.

И до самой земли такие ... уши
Свисали у такого бугая.
И вот, представь — идет вперед такая туша,
А впереди не видит ничего.

И он не мог узреть неандертальца,
Который спал и мух во сне ловил.
Он шел и наступил ему на ... уши,
Естественно, их тут же раздавил.

А тот — потом летал, жужжал как муха,
И десять дней скакал, потом ослаб.
Ему, поверь мне, было не до слуха.
Ну и уже, конечно, не до баб.

Так что не думай плохо о медведях,
Люби девчат, как женщин Бонапарт.
Вот что поведал мне однажды дядя Федя,
Большой любитель дам, вина и карт.

1994

* * *

Плыл однажды Робинзон
По морской стихии
Далеко за горизонт,
Подальше от России.
И заплыл наш старый вун,
А куда — не знает.
Сел тогда он на валун
И сидит, гадает.

Что за райская среда —
Ни людей, ни психов,
Поселиться б навсегда
В этом месте тихом.
Робинзон попил, поел,
После — сел как Будда,
Руки к солнышку воздел,
И свершилось чудо.

Полилась душа в астрал,
Как вино из бочки.
Вдруг пред ним дикарь предстал
В голубом платочке.
Это был огромный жлоб,
Больше бегемота,
Треснул пяткой себя в лоб
И сказал: — Суббота.

Робинзон ему тогда
Отвечает смело:
— А по мне — ты хоть среда,
Мне какое дело?
Тот — вдруг выгнулся дугой,
Спину — коромыслом,
Пнул под зад себя ногой
И исчез со свистом.

В то же время из джунглей,
Из-за райской среды,
Вышла партия людей,
То есть людоеды.
У вождя мясной талон
На груди болтался.
И подумал Робинзон:
— Ну, пиздец, попался.

Хорошо, что есть Господь
Где-то во Вселенной,
Он вернул в пустую плоть
Дух его бесценный.
И, очнувшись, Робинзон
Слез с остывшей печки,
Помолился Богу он
И зажег три свечки.

Евгений Гуров
1990

* * *

Я — деревенский гитарист
Меня в деревне уважали.
Споешь — глядишь, под писк и свист
Девчонки кипятком (нахулиганили).
Лишь председатель наш горазд,
Не признает мои творенья.
Он (худой человек и придурок),
Ну ничего не понимает в пении.

Говорит — плоховато я пою!
Говорит — тональностей не соблюдаю!
Да мне все это (до лампочки),
Я ж популярный тут, я знаю.
Швырнуться в Таллинн, штоль — там — фестиваль
И чайхана, и сабантуй.
Призов нахапать... Вот только жаль,
Поехать вовсе (не на что)

Ну ни гроша нет на езду.
Во, нАпасть, во, дутая крамола!
Я послан был вчера (в поездку)
Прямо в горкоме комсомола.
Туда-сюда, а мне — везде
Где — громко, а где — втихомолку:
— Езжай-ка, парень, ты (автостопом),
На верхней полке, где мол, волки!

Им на собраниях пел-играл,
А ехать — на свои придется!
Да я это дело (понять никак не могу),
Как в песенке одной поется.

Поехал — и заблудился, гад —
Зырк влево-вправо — в Ереване.
Мне расцарапали весь зад
Поклонники мои, армяне.

Какие хапать тут призы —
Тут не до жиру — спасай, кто может!
Я как на лыжах из (Еревана)
Рванулся из своей из кожи.
Куда-то к чукчам занесло,
По тундре вышивал неделю.
Опухло с голоду мурло,
С лягушками все менестрелил.

Шакалить негде, всюду голь —
Ни каши нет мене, ни супу.
Превозмогая эту боль
Я откусил себе (руку по локоть).
Не с голоду же издыхать,
Не дам над бардом изголяться!
Жена моя все равно (не уследишь за ней),
В тихую начала (жратву прятать)!

Во — погастролировал, во — попел...
Намыкался вон как, видали?
На третьей полке одурел,
И в Ереване (с поклонниками повстречался)...

Александр Катохин
1988

ЭТЮД

Александр Катохин

«Во глубине Сибирских руд...»
где декабристы насмерть мрут,
и пацифисты насмерть мрут,
и онанисты, и чекисты...
Где каждый первый встречный — Брут,
где я вершу шутовский суд,
делю на чистых и нечистых.

В дыму свой нахожу уют —
я дым глотаю сигаретный,
и дым рожаю сигаретный,
а мысли в темечке снуют:
— Как звать тебя, ребенок?
— Вечность!.. Кривляка, пафос твой... Судьба!
груз неподъемного горба,
что обречен на бесконечность...

Во глубине Сибирских руд
жил недописанный этюд...

1995

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ХОЛОДНОМ
ГОСТИНИЧНОМ НОМЕРЕ
ГОРОДА АРСЕНЬЕВА

Александр Катохин

Ох, и собачья
Жизнь артистячья,
Месяц ишачу,
И не везет.
Курева нету,
Супчик в пакетах.
Милая Света,
Шли перевод.

Ах, пырло, пырло, пырловченки, пырловки —
Старушек собирайте по домам!
Ах, пырло, пырло, пырловченки, пырловки,
На грузовой с концертом еду к вам.

Ах, пырло, пырло, пырловченки, пырловки,
На бедность кто-то хлебушка подаст.
Ах, пырло, пырло, пырловченки, пырловки,
В холодных клубах я согрею вас!

Ох, и позорна
Жизнь гастролерна,
Антерпренеры
Доят рубли.
В залах не густо.
Гадкое чувство —
В жертву искусству
Нас принесли.

1992 Арсеньев

МОНОЛОГ ШУТА

Евгений Башта

Уважаемая публика! Прошу прощения,
Я начинаю свое представление!
Итак, внимание, все готово.
Вам будет весело. Честное слово!..

Я сегодня вам покажу,
Смотрите, от смеха не тресните,
Как подобно тупому ножу,
Горло вскрывает песня.
И с пальцев сдирает кожу
Минор обожженного строя...
На что-то похоже, не правда ли?..
И на кого-то
тоже.

А вот — обратите внимание —
Месье разлагается заживо.
Проказа проказит отчаянно,
И тем смешнее, чем гаже.
Здорово? Ну и рожа!
У вас от смеха колики?
На что-то похоже, не правда ли?
И на кого-то
тоже.

Еще одна вариация
На тему вселенского хохота:
Толпа в состоянье прострации
Впадает от медного грохота.

Любой одинаково может
Молчать
не слыша, не видя...
На что-то похоже, не правда ли?
И на кого-то
тоже.

Куда ж вы убрали усмешки?..
Я не хотел вас обидеть.
Не уходите поспешно —
Финал все же стоит увидеть.

Шуты обязаны шутить,
Но не обязаны смеяться,
Шут может правду говорить,
Кого нам, дуракам,
бояться...

Но зал пустеет надменно,
На смятых ладах вянут блики.
Что ж, леди и джентльмены,
Прощайте.
И будьте безлики...

Господа! Балаганчик закрывается.
Так уж получается, что вам сегодня не до смеха.
Уж не шут ли — помеха?..

1989

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ФАРС

Евгений Гуров

Давайте сегодня в пределах Парижа
Для пришлых и прихожан,
Для нищих и для дворян
Сыграем веселый фарс.

Не бойтесь, дамы, садитесь поближе,
Ведь это же только фарс.
Красивый французский фарс,
Средневековый фарс.

Сегодня не будет краснеть Мельпомена,
Культурой свободы полна мизансцена.
Культура свободы — основа основ,
И это сейчас вы поймете без слов.

Вот отче Гельбер, блудный сын сатаны,
Выходит на сцену, снимая штаны.
Не надо за это ругать наглеца —
Ведь так и не снял он,
Ведь так и не снял он,
Ведь так и не снял он,
Штаны до конца.

Бесстыдству любви есть духовная мера:
Учений святых мужи.
Сегодня мы все должны
Призвать наглеца к суду

Споём анафему монаху Гельберу,
Пусть станут его штаны
Позором для все страны,
К большому его стыду.

Но молвит Гельбер: — Вы не правы, ребята,
Ведь в наших штанах есть и совесть, и святость
Так пусть станут наши святые штаны
Знаменами нашей священной страны.

И в диком экстазе святые монахи
Снимают на сцене штаны и рубахи
Не бойтесь, дамы, садитесь поближе —
Такое не часто увидишь в Париже.

Не все же монахам духовная пища:
Монах без любви — как корабль без днища.

Давайте сегодня в пределах Парижа
Для пришлых и прихожан,
Для нищих и для дворян

Сыграем веселый фарс...

1989

* * *

Какой глупый фарс
При зажженных свечах,
Чувственный анфас,
Пустота в глазах.
Выработан жанр,
Словно пласт угля...
Да я плачу, сержант,
Если так нельзя.

Виноват,
не там
дорогу перешел,
Просто я не знал, что плохо — хорошо,
Да не надо мне квитанций, как порук.
Я — пойду, сержант,
ты бди на страже, друг.

Кто же знал, что всем —
Правила одни.
Я — чтоб ни за кем,
Ты меня пойми.
Пусть как дилетант —
Но своя стезя,
Что ж, я плачу, сержант,
Если так нельзя...

Виноват,
не там
дорогу перешел,
Просто я не знал, что плохо — хорошо,
Да не надо мне квитанций, как порук.
Я пойду, сержант,
ты бди на страже, друг.

Евгений Башта
1987

РАЗГОВОР ГАЛАТЕИ СО СКУЛЬПТОРОМ

Михаил Малков

— Выпусти меня, выпусти. Вылепи меня, вылепи.
Сотвори себе — истину, глиняную дочь — возлюби!..
Сотвори себе идола, женщину, мечту, дьявола...
Сотвори меня, выдумай. Расспроси меня, где была...

Где была, да что делала, глиною сырой стала как?
Я жила душой, телом ли, как любовь моя далека...

— Слушай, перестань ерничать! Я ж сейчас творю, кажется.
Я ж с тобой устал нервничать, и глина по рукам мажется.
Месяц как леплю голову, (а глина ничего — мягкая...)
Дура, я ж тебя леплю голую,
а ты мне про любовь вякаешь!!!

...Выпусти меня, выпусти... Вылепи меня, вылепи...
Расспроси меня, где была... Сотвори себе идола...

1989

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... О БУДУЩЕМ.

Евгений Гуров

Однажды к очень известному, но еще не окончательно двинутому, девяностопятилетнему поэту, философу и мыслителю Михаилу Малкову пришел не менее известный, но двинутый окончательно, великий художник Леонардо да Винчи и предложил написать с него портрет.

— Не тот ли вы да Винчи, — спросил Малков, трясая седенькой бородашкой, — который является автором Джоконды?

— Да. Я тот самый да Винчи, — ответил он, но так просто и убедительно, что у Малкова исчезли последние сомнения, и он согласился.

Тут же один из подмастерьев бросился натирать краски, другой — мыть кисти, третий — готовить холст, четвертый — открыв рот, восхищенно смотрел на великого Мыслителя, которого он до этого видел только по телевизору.

Сам же да Винчи стоял у раскрытого окна, раскинув руки навстречу восходящему солнцу, и просил у него вдохновения. Получив вдохновение, он охнул, схватился за грудь, бросился к холсту, взял кисть, обмакнул в краски, посмотрел на Малкова и нанес первый божественный мазок.

Через полгода картина была готова.

А еще через пятьсот лет все ученые мира безрезультатно бились над вопросом — кто же изображен на картине Великого Художника, Леонардо да Винчи? Одни говорили, что это — родной брат Джоконды, другие доказывали, что это ее родной дядя, третьи, наоборот, уверяли, что это ее родная тетка. Однако, новейшие машины того времени вычислили, что это — великий поэт, философ и мыслитель, некто М. Малков.

Но в летописях о нем ничего не упоминалось, поэтому эту гипотезу ученые отклонили.

Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей. 1995.

ВОСПОЛЗАНИЕ НА ПАРНАС... НА НЕВСКОМ.

Александр Катохин

Вы когда-нибудь видели мужчину на панели?

Торгующего душой! Который, подобно проститутке, за свои чувства клянчит деньги. 10 июня 1988 года в Ленинграде у меня не оказалось денег на обратную дорогу. Незнакомый город, нет знакомых людей, билет стоит 13 рублей.

Мне приходилось видеть на Арбате, как музыканты зарабатывают на жизнь. Но это не Арбат, а Невский, и на Невском, кроме художников и фотографов, обычно больше нет никаких творческих проявлений. А выхода не было: вот вам расцелованный Ленинград, а вот Катохин — голодный, и ни копейки в карманах.

Я прошелся в одну сторону, в другую. На тротуаре толпился народ. Потом опять туда и обратно, но никак не решался присесть. Я видел себя со стороны — настырно орущим песни в надежде на то, что за них набросают мелочь.

Я подошел к витрине, присел, расчехлил гитару, бросил перед собой чехол и запел:

*В стороне от мирских передряг,
В стороне от друзей и врагов,
Тихо строился серый барак
Для уплаты непомерных долгов.*

А рядом шоссе, рычали машины, на всем Невском стоял гвалт. В шарканьи подошв тонули мои слова. Я пел. На меня смотрели и шли мимо.

Мелькнула мысль: — Встану, уйду! Я же побируха, на меня люди смотрят свысока, с какой-то снисходительностью.

Но я знал, что не уйду! Я вышел зарабатывать, побираться, торговать собой...

Собирались люди — один, два, шесть, двадцать пять, а я пел, пел «Свою звезду», «Как трудно плавать камнем на воде...», «Мон шер». Не подбирал. Но как уместны были эти попрошайничьи песни! Кто-то даже кинул на чехол трешку. Подавали не за песни, увы... За то, что здоровый увалень со струящимся по окаменелому лицу потом вышел на паперть.

Люди собрались поглазеть. Участие проявляли только женщины. Для них и для меня было ясно, что эти деньги — подаяние, хотя и выглядело так, что якобы я их зарабатываю.

Подошла женщина лет сорока пяти, похожая на южанку, и попыталась вытереть мне пот с лица. Я взял платок, поблагодарил, вытер лицо и, сунув платок в карман, продолжал петь. Она подошла опять и спросила так уверенно, как будто на лбу у меня была люминесцентная табличка с ответом:

— Тебе не хватает денег на билет?

Не глядя на нее, как токарь, вытачивающий гайки и желающий выполнить и перевыполнить норму выработки, я лаконично ответил:

— Да!

Женщина стояла надо мной, заслоняя от собравшихся зевак.

— Сколько стоит билет? — спросила она.

— Тринадцать рублей, — допев строчку, скороговоркой ответил я.

— Если у тебя сейчас будут эти деньги, ты прекратишь петь?

— Разумеется!

Я отвечал отрешенно и однозначно. На гитарном чехле лежало рублей девять с мелочью, семь из которых были бумажными купюрами. Женщина достала новенькую десятку и положила на чехол, забрав семь рублей. Я встал, сгреб деньги и посмотрел на собравшийся народ. Меня окружали любопытные приезжие, никогда раньше не видевшие подобного, возможно — люди, полные сострадания, понимающие,

чувствующие, что здесь что-то не так. Но... Слушателей не было, не было людей, слушающих песни! Ни одного! Я сунул гитару в чехол и сказал:

— Спасибо, ребята! У меня просто не было денег на билет, поэтому я менестрелил. Хотите послушать, пойдёмте в парк — я показал в сторону парка, находившегося в нескольких десятках шагов — И я спою, просто так, не за деньги!

И... Никто не пошел!..

А. Катохин. Восползание на Парнас.

1993

* * *

В этом городе, кроме дождей,
Закружился и я, и меня замотало.
В этом городе нет ни друзей,
Ни врагов — лишь подъезды, вокзалы, подвалы.
В этом городе Невский проспект...
И меня здесь судьба к парашуту прижала.
В этом городе берега нет.
И ни берега нет для меня, ни причала.

Гриф гитарный в гроб вколочен,
Я цензурой взят в кавычки!
И бросали в меня
Люди камни с обочин
По привычке,
По старой привычке.

Я зашпорен уже до костей.
Пеной сердце мое изо рта вытекало.
Старый Невский в огне фонарей
На запрет меня гнал, превращая в шакала.
И за несколько медных монет
Гомерический хохот толпа изрыгала —
В этом городе берега нет.
И ни берега нет для меня, ни причала.

Голос слаб от червоточин,
Песни — бредни истерички!
И бросали в меня
Люди камни с обочин
По привычке, по старой привычке.

Александр Катохин
1990 Ленинград

СТРЕКОЗА

Александр Катохин

Был январь, а быть может, февраль...
Вот перрон, чуть левее — вагонка,
На перроне, закуталась в теплую шаль
(...Лет шестнадцать-семнадцать) девчонка.

Мне совсем не хотелось хохмить.
Рядовая, по сути, путана.
Я спросил: — Будешь водку из горлышка пить?
Извини, нет с собою стакана.

Отпусти тормоза
Пусть гуляет тоска!
Ну давай, стрекоза,
За знакомство пока...

Не ищу мнимых истин в вине,
Для меня это — просто утеха!
Эмигрант я в счастливой советской стране,
Но, как видишь, еще не уехал.

Ты меня, может быть, не поймешь,
Но мы чем-то похожи с тобою —
Оптом тело свое всем подряд продаешь,
А я торгую в рассрочку душою.

Я ни «против», ни «за»,
Поваял дурака...
Ну давай, стрекоза,
За знакомство пока?..

Все здесь проще простого, малыш.
Допивай! А... Уже и допили?
Ты ж не будешь любить — все равно переспишь,
Лишь бы только прилично платили.

Ну а мне — что, Россию проклясть?
Поделить на ЦК и комбеды?
Понимаю, что здесь не советская власть,
Но, как видишь, никак не уеду.

Не хочу за глаза...
Пусть лишусь языка,
Ну давай, стрекоза!
Даст Бог встречи! Пока!

1988

ШУБА
(ПЕСНЯ ПЕТРОГРАДСКОГО БЕСПРИЗОРНИКА)

Евгений Гуров

У меня вчера украли шубу,
Я едва не дал от горя дубу.
У нее в кармане восемь марок
И родного дедушки подарок —

Золотой старинный портсигар,
В нем был чек на тысячу доллар.

А в другом кармане моей шубы —
Там лежали золотые зубы,
И покойной бабушки портрет.
Больше ни фига в карманах нет.

А в расшитой золотом подкладке
Находились царские десятки,
Восемнадцать тысяч шведских крон,
Двадцать позолоченных икон,

Браунинг любовницы Маришки,
И четыре чековые книжки,
И родного дедушки портрет.
Больше ни хрена в подкладке нет.

В левом рукаве лежали брошки,
Вилки и серебряные ложки,
С королевским профилем дублон
И на водку месячный талон.

В правом рукаве — два бриллианта,
Подлинник художника Рембрандта,
Копия находится в музее...
От пропажи шубы я шизею.

Ой, какая страшная потеря.
Как же жить мне, граждане, теперь?
Я ж могу от холода дать дубу,
Граждане, верните мою шубу.

1988

* * *

Перчатки, сказавши тихонечко: — Гав!
Когда позабывши в автобусе их.
На этикетке писавши Минздрав,
Чё литру не можно испить на двоих.

...Не оставшись внакладе я копытных пригубил,
Рыльце, значит, в шоколаде...
Но к супружнице я, к Наде,
Прям вприпрыжку заспешил.
Дюжа уж ее любил.

Вообще холодрыга посреде января,
Ручонки в карманы, да эко дела?
Пальтишко, сказавши тихонечко: — Кря!
Когда в подворотне шпана подошла.

...Все как надо — при параде, ни к кому не приставал.
По загровку дали сзади,
Закачался, прям в отпаде.
Зубы все пережевал,
Но к любимой побежал.

Припрыгал домой:
— Ай, да эко ль вина?
Да все — наживное, была б голова!
...Када утюгом саданувши жена
И громко сказавши последнее: — Ква!

...Голову-то не наладишь — механизма посложней.
Я чего страдамши ради?
Из-за тя, противной Нади?

Из-за таких, как ты, Надей
Нету жизни у людей.

Александр Катохин
1989

БАРДЫ

Михаил Малков

Александрю Лобановскому

Девочки барденки, мальчики барденыши,
Старые бардищи шлют вам свой привет!
Вы — такие же, как мы — красивые, бардатые...
Приезжайте побардить в город на Неве.

Барды, барды, как я вас люблю,
Мы и вправду ровня Королю!
Я серьезно, всех бардей очень уважаю,
Барды, милые мои, как я вас люблю!

Милые барденки, я от вас не скрою,
Там, где вы появитесь — бардеют небеса!
Вот, приедете ко мне, такой бардак устроим,
Я сам — такое бардану, что обардею сам.

Хорошо сегодня петь бардовые куплеты,
Видимо, бардачные настали времена.
А если кто-то барданется на барделе этом,
К нам тихонько подбардет товарищ старшина:

— Барды, барды, как я вас люблю!
Падай, падло, в ноги Королю!
Кушай падаль из вельможных рук!..

Слушай, парень, что с тобою, друг?

Барды!...

1989

ТЕАТР АБСУРДА

Михаил Малков

Когда его короновали
в пустом, холодном балагане —
слепые топали ногами,
и с мест биндюжники вставали;

Когда его короновали —
партер гудел, галерка пела,
и кресло старое скрипело
под тяжестью
его короны;

Когда его короновали —
буфет трещал, забитый снедью,
оркестр заходился медью,
бил колокол
на колокольне;

Когда его короновали —
три женщины осанну пели,
и в полный рост, на фоне белом,
висел портрет на авансцене.

Когда его короновали...

...А маленький, серьезный мальчик,
с портрета, залитого лаком,
глядел на зал. И вдруг — заплакал,
но почему — никто не понял...

Когда
его колесовали —

портрет повесили в уборной.
и верховодил некто в черном,
когда везли его на площадь;

Когда его колесовали —
сорвал корону вместе с кожей
ретивый и родной вельможа,
из тех, кто был когда-то рядом;

Когда его колесовали —
молчала золотая осень.
Но кто-то крикнул — Браво! Просим!! —
и зал
взорвался от оваций...

...А маленький, серьезный мальчик,
вдруг, перед вечным сном, проснулся.
И посмотрел. И улыбнулся.
Театру. Времени. Абсурду.

Когда его короновали...
Когда его колесовали...

1993

* * *

Подарите мне пулю в лоб,
Сзади выдохнув: — Обернись!..
Не хотел, не буянил чтоб,
Чтобы больше не рвался ввысь,
Чтоб не пел, не кричал, не пил,
Чтобы больше страдать не мог.
Чтоб чего-нибудь не разбил,
Чтобы не исходил дорог...

Подарите мне пули свист,
Не жалеючи — девять грам.
Околоточный гитарист
Отпоёт меня по дворам.
Отпоёт, не жалея слов —
Как цветы побросает в гроб,
И воздаст — за добро и зло.
Подарите мне пулю в лоб!

Евгений Башта
1988

ЗВЕЗДНАЯ ИСТОРИЯ

Евгений Башта

Закутав горло в млечный путь,
Я «Беломор» прижгу от солнца...
Когда-нибудь, когда-нибудь
Мне это сделать доведется.

И тихо свистнув Гончим Псам,
Пойду напиться к Водолею,
И покачаюсь на Весах,
Поверьте, я это сумею!

Удаче наступив на хвост,
Влюблюсь, смеясь, в созвездье Девы.
И выложу из ярких звезд:

— Бросайте пить — мешает делу!

1987

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... НОВАЯ ПЕСНЯ ГОМОНОВОЙ

Евгений Гуров

Однажды Малков, Башта, Катохин и Гуров решили бросить пить.

Они дали друг другу клятву и разошлись по домам. Гуров, приехав к себе домой, раскрыл Достоевского и углубился в роман «Идиот». Внезапно к нему пришла Гомонова* и предложила спеть ему свою новую песню. После того, как Гомонова ушла, на Гурова нахлынула страшная скука. Он вышел в магазин, взял литр и поехал к Малкову. Выпив литр, они взяли еще по два и поехали к Баште. После чего все трое, взяв каждый по литру, поехали к Катохину. Выпив все, они пошли гулять по городу.

Утром все четверо, выходя из вытрезвителя, решили похмелиться и поехали к Гомоновой, у которой наверняка есть что выпить.

Глядя на их трясущиеся руки и синие лица, Гомонова сказала:

— Ребята, ну зачем вы так много пьете, давайте я лучше вам спою мою новую песню.

* Елена Гомонова, автор-исполнитель, бард, лауреат фестивалей авторской песни. Руководитель Орловской региональной общественной организации «Центр авторской песни».

Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей.

1995.

ЖУТКИЙ СЮР...

Евгений Башта

Эволюционная фантастика:
Человек — родственник блох...
Выдумка пьяного схоластика,
А в общем, сюжетец неплох.

...Он твердил мне, кусая бороду:
— Все мы вши в голове Земли,
Перестанет кормить — сдохнем с голоду.
А я хочу в Сомали.

И крутилось в зрачках-колодцах
Небо, сдобренное портвейном.
И хотелось вдрызг напороться
И сломать все ноги «Стейнвею».

Стены глюками испохабились,
И тянулись ручищи к морде,
На которой власы лохматились,
Подчиняясь нелепой моде.

.....

А проснулся я в вырезвители,
Где сержант, как апостол, мудр
Тряс ключами от этой обители
Пьяных гениев и лахудр...

1988

* * *

Я без задержек пересек границу.
Мой паспорт с визой не привлек вниманья.
Идет посадка на Мадрид и Ниццу,
Но мне туда нельзя. При всем желаньи.

Желания с возможностями в споре.
При шопе, где на полках (скажем) не салака
Желанья возрастают сразу втрое,
Возможностей, увы, и кот заплакал.

Врываюсь в бар, подальше от соблазна.
(Меня, наверно, в детстве мало били...)
Желания доходят до маразма
При виде буржуазных изобилий...

А в баре — лица родные советские наши,
и есть чешское пиво и сок с простоквашей.

И пусть кто-то сорит своей твердой валютой —
А здесь можно поспорить перед полетной минутой

О политике или о футболе с хоккеем,
как им наши вкатили (или как не сумели)...

Но вот и нас зовут занять места,
И я иду слегка уже на взводе.
Но совесть моя девственно чиста —
За Родину мы приняли полста,

И двести грамм — чтоб летной быть погоде.

Евгений Башта
1988

ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Евгений Гуров

Чтоб от пьянства душе пробудиться
Я поехать решил за границу
Как положено, паспорт оформил,
И стою, как дурак, на платформе.

Я сажусь в отъезжающий поезд,
А душа возмущается, то-есть
Захотела от горлышка пробку
Отделить, чтобы выкушать стопку.

Как же мог позабыть я про это?
Ей без стопки, как мне — без билета.
Поступил я с душой некрасиво,
Надо было купить ей хоть пиво.

И у рядом сидевшей толстушки,
Молодой краснощекой хохлушки,
Я культурно купил две бутылки
Ну на редкость вонючей горилки.

Через час опустела посуда,
Стал я весел и светел, как Будда.
Но проехав восьмую платформу,
Потерял окончательно форму.

Соблазнить все хотел проводницу,
Предлагал ей бежать за границу.
После — выпил еще самогонки
И заснул на вагонной лавчонке.

Снится мне — открывается тамбур.
И в глазах — то ль Париж, то ли Гамбург.
Я лечу над Парижем красиво,
В кабачках пью заморское пиво...

Просыпаюсь — бегу к туалету.
В дверь стучусь — никакого ответа.
А моча на мозги ой как давит,
Слышу вдруг поезд ход замедляет.

Боже мой, неужель мы в Европе?
Достаю из кармана Родопи,
И иду в громыхающий тамбур
Посмотреть — что, — Париж или Гамбург?

Ночь, темно, ничего, блин, не вижу —
То ли в Гамбурге я, то ль в Париже.

Открываю вагонную дверцу,
Выхожу — бьется радостно сердце,
Лезут вверх изумленные брови...
Мать честная, да я же в Тамбове.

А вокруг — ни души, все в тумане.
Машинист дожидаться не станет.
Нету смысла бежать к туалету,
Никакой просто моченьки нету.

Достаю, и прям тут, на платформе...
Сзади двое идут в униформе,
У обоих висят автоматы.
Хватить под мышки, и тащат куда-то.

Господа, говорю, мне в Европу,
А они мне пинками под ...
И в кустах за углом так вломили!..
Да, ребята свой город любили.

Только небушко синее знало,
Где душа в это время летала.
Я очнулся в тамбовской больнице.
Хорошо погулял за границей.

2004

НЛО (ЭНЛО)

Евгений Гуров

Над городом Орлом повис ЭнЛО,
Ментам от страха челюсти свело.
Почудилось ребятам с перепойки,
Что сей предмет — сторонник перестройки.

А он висел, не делая ни шага,
И улетел не то в Бомбей, не то в Чикаго.

Но через час опять повис ЭнЛО,
Менты надели шлемы на чело.
НЛО же повисел, как в прошлый раз,
И вновь исчез, вот право негодяй.

Но час спустя — опять висит ЭнЛО,
Сосед сказал: — Оно ж у нас уже было!
Летело б лучше в Питер, иль в Ростов,
И там пугало тамошних ментов.

Но вновь, не сделав нам ни зла, ни бед,
Объект исчез, а вместе с ним — сосед.

Но через час опять возник сюрприз,
Опять ЭнЛО над городом повис.
На белый свет свою бросал он тень
И непонятно было ночь или же день!

А над Россией тихо и светло,
Ведь он такой был маленький, ЭнЛО.

1990

ИЗ ЖИЗНИ ЛЕСНЫХ БРАТЬЕВ

Евгений Гуров

В сказки страшные все мы верим,
Если в сказках есть жизнь сама.
Расскажу вам, как были зверем
Я и волчий мой брат Фома.

Наша волчья душа рычала
Во единой одной плоти!
Но начну свой рассказ с начала,
Чтоб весь путь до конца пройти.

Я ведь в детстве мечтал стать вепрем,
Или псом, на худой конец.
Мы от разума только слепнем,
А инстинкт — как во тьме светец,

Он — как Бог для любого волка.
А ходила в тот год молва,
Что в избе на краю поселка
Проживает колдун Фома.

И пошел я к Фоме учиться,
Чтоб иметь к колдовству ключи.
Вот зашел я к нему в светлицу
И сказал: — Фома, научи!

А Фома серебристым шелком
Весь покрылся с лица до пят,
И, став серым огромным волком,
Устремил в меня волчий взгляд.

Я в восторге кричу: — Братуха,
Научи меня, милый мой!..
Волк прижал удивленно ухо,
Пасть разинул и стал Фомой.

— А я думал, ты врежешь дубу!
Ты же — смел, твоя кровь с огнем...
Так и быть, в эту волчью шубу
Мы залезем с тобой вдвоем.

Я сначала не понял толком,
Что имеет в виду Фома,
Но когда стал одним с ним волком,
То едва не сошел с ума.

Мы с ним влезли в одну основу
И пошли к одному венцу —
Задерем ли во рву корову,
Иль в овчарне убьем овцу.

И достигли такой мы славы,
Что прославились на весь свет!
Даже ярые волкодавы
Не решались брать наш след.

Мы с ним были в единой власти,
Когда выли мы на луну.
Из одной острозубой пасти
Вырывалось двойное «У-у-у-у...»

Полюбил я безумно братца,
Но в рождественский Благовест
Порешил я с Фомой растаться,
И поставить на этом крест.

Мы расстались, была причина.
Когда был на волков сезон
Обнаружил свою личину
У того-то на мушке он.

Мы с ним были в единой плоти,
В нем куражилась кровь моя!
Но убили его на охоте.
И убил его, братцы, я.

1990

* * *

Мне здесь — не дом, мне там — не дом.
Я здесь — не мёртв и там — не жив.
Здесь — не в своём и там — в чужом,
От киселя вода на слив.

Хмельная гулянка, как будто веселье,
Но вечером пьянка, а утром похмелье.
Кутёж до упора и гости без счёта,
Но льдом приговора — кровавая рвота...

Попробуй-ка выжить в таком перекрестье...
Похмелье мурьжит, и козыри — крести.
Ломает, убогий? Ну что ты, сопатый,
Ни свечка для бога, ни чёрту — лопата.

То пашем — нет мочи, то праздник — без края,
А жизнь — и захочешь, так не отстираешь!
Одно и утеха, что все передохнем.
Зашили прореху, да вылезли локти!..

...Мне здесь — не дом, мне там — не дом.
Я здесь — не мёртв и там — не жив.
Здесь — не в своём и там — в чужом,
От киселя вода на слив...

Евгений Башта
1989

БРАТЬЯМ ПО ДУХУ

Александр Катохин

Мы рвались сквозь тернии к звёздам.
Нам в спины кричали проклятья.
Привыкла к плевкам, императорским розгам,
На жизнь обреченная братия.

Кривлялось голодное время,
Сжигало в кострах фолианты.
Под звуки трубы ногу ставили в стремя,
И ношу несли, как атланты.

Нас может спасти только лира,
Нас может спасти только водка —
От пасти безумного, подлого мира,
Где культ эшафота и плетки.

1991

Евгений Башта, Александр Катохин, Михаил Малков. Перед выездным концертом. Орел, весна 1988.

Грота, не смог я
освободить шум.
Он меня ушма
шум. шума.
Клеветы Лебедь
Будущий, фронт
и т. д.
Скотина работает
на пределе.
После концерта
Ожаснурирую
за новость
Вечно твой
Эль Башты.

Брежнев Л. И.

Б87 Возрождение.— М.: Политиздат, 1978.— 62 с.

15 в.

10202—310
Б 079(02)—78

63.3(2)723
9(C)28

«Скотина, работай на пределе!». Записка Башты, переданная Саше Катохину во время концерта в театре «Свободное пространство». Орел, 1989.

Евг. Башта

Евгений Башта. На одном из квартирников в Орле, 1989.

Катохин
Александр

Александр Катохин. На лауреатском концерте 1-го орловского фестиваля КСП.
Орел, 1988.

M. Malkov

Михаил Малков. Выступление на концерте, посвященном Дню города. Орел, 1989.

Евгений

Евгений Гуров. На одном из квартирников в Орле, 1989.

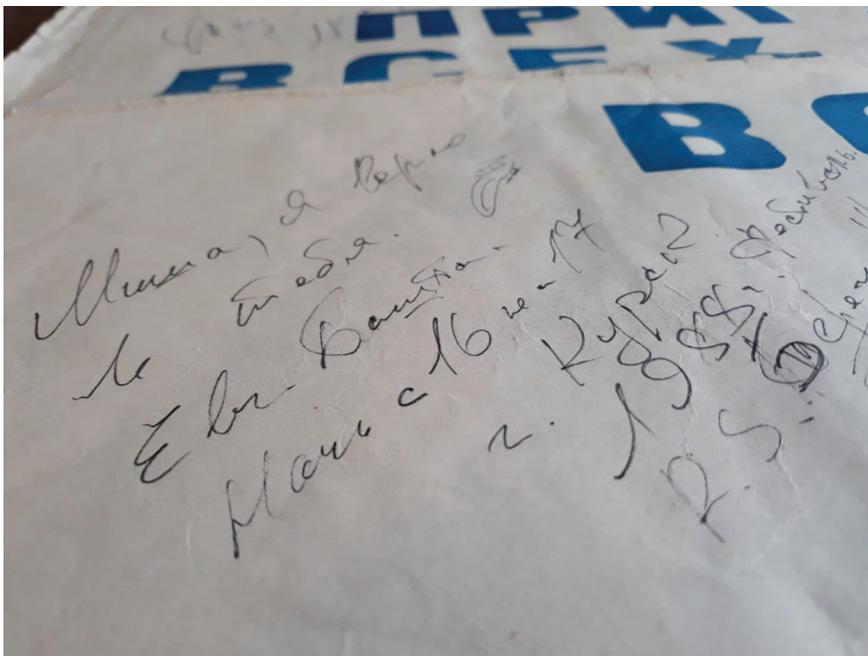
Евгений Башта и Александр Катохин. После 1-го орловского фестиваля КСП, 1988.

Евгений Башта. На квартирнике в Костроме, апрель 1990.

Михаил Малков. Орловская область, 1984

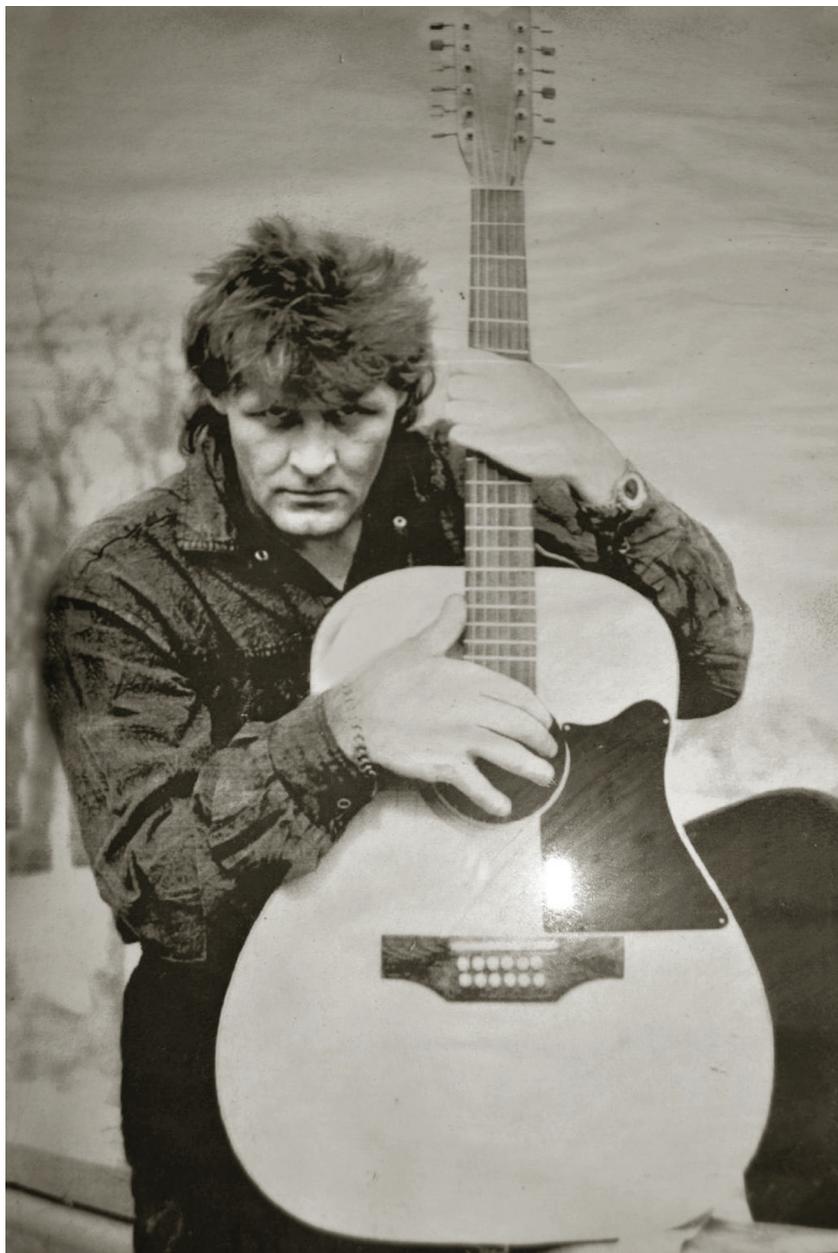

С афиши фестиваля авторской песни «Бард-Парад-88», первого выездного фестиваля орловских бардов. Михаил Малков — лауреат фестиваля (2-я премия). Курск, апрель 1988.

ХУЖЕ НЕ БУДЕТ.

Евгений Башта. Рисунок из серии «Конкуренты? Бей их!..». 1989.

Александр Катохин. Фотография для афиши. 1993.

«НЕ ПРОЙДЕН ЕЩЕ РАСКАЛЕННЫЙ КРУГ»

«А может случиться такое вдруг,
Что мертвым меня среди живых объявят, —
Не ставьте креста ни на мне, ни надо мной,
Не пройден еще раскаленный круг.
То значит — недобрые люди лукавят
И сыплют на медные струны горстями земли».

Сумасшедшие! Графоманы! Кто они, эти ребята, пишущие стихи под гитару, кричащие у микрофона о чем-то! И почему их стихи зачастую не укладываются в размеры, и при чем тут гитара, если основано такое признание — поэт!

Пособно тому, как фрок стал способом мышления, так и авторская песня в том виде, в котором ее преподали нам Галич и Высоцкий, стала способом существования, образом жизни. Слишком громко?

...В 25 лет один хулиган вдруг задумался над традиционным вопросом: «Как дальше жить?» И задумался крепко. Но тут «на кусты» случайно обнаружил собственный талант, и вопрос был разрешен.

«Россия начинается с двора».

Мужчина истоящий — с синяков».

Шесть лет захаживания дорогого младенца — своего творческого лица, обучение станюно на ногах, первые шаги, влезание по ступеням... Чтобы понять, что это не блажь, пытался бросить писать, чуть не сжег тетради и вдруг стал замечать, что пишет на сигаретных пачках, слюнявчых коробках, троллейбусных талонах. Поязаян, поязаян...
Год назад он пришел в клуб самодельной песни, «Контр-ольно-световая полоса», как его называл. «Когда

что начнут подстригать, говорит: того не пой, здесь испрвть... Но ошибсь, к счастью».

«Продержались в клубе год. Здесь звал друзей, которые отнюдь не намерены хватить все подряд. Но из клуба ушел, а друзья остались. Почему ушел? Вопрос не праздный. Не удовлетворяет КСП как система. Царапнули слова одного деятеля на Всесоюзном фестивале авторской песни: «Мы боремся за чистоту жанра». Что такое чистота жанровой жанр? В традиционном понимании это — «а ля» Юрий Визбор, Окуджава. А Высоцкий — это какой жанр?

Конкурсы, дипломы... При чем тут они, если песня — твоя жизнь? Недавно бросил привычную работу, потому что решил, что в жизни надо заниматься тем делом, которое считаешь главным. Перешел в филармонию... пока администратором. Но с надеждой стать артистом-профессионалом. Заключил договор с молодежным центром социальных инициатив, будет давать концерты.

Шесть лет — это много или мало? Он решил, что для инкубационного периода достаточно. Но за те, кто нечинив, всегда страшно.

«А что от славы? Может, даст взаймы

Рубля четыре до следующей получки?

Накормит супом! Может, с нею мы

Нальемся где-нибудь в закуской до ручки!»

Не претендующий ни на что, ибо претендует слишком на много».

В добрый час, Александр Катохин, в добрый час! Е. ГОМОНОВА, член орловского КСП.

Александр Катохин

Через сто лет

В поводу инквизиции, подыграли

На, в опале всегда у времени,

С обнаженными лицами

Бить нам вечно распятыми,

На крестах нам гореть

В переменах власти и знамен,

Черви тлен досмаковывали,

Сквозь столетия вижу я,

Как кассету голыми пробуют.

Голос в пламя закольцевали,

Все равно ненавижу вас,

Всех угодников треля,

Что с чужого мотива поют.

Одиночка затравленный

Угли выберет нечисто,
Чтобы вымазать губы свои.
И с кассеты расплавленной
Он продолжит, что напото,
И от карканы страшного
Будут в клетках дрожать соловьи.

Злость

Когда от батальона — только ты,
Оружием штык, от злости пальцы

Уверен, что не взять им высоты.

Порвал зубами грязные бинты...

Они, спадая, шрам траншейный

И сам пошел. Ты так страшней.

Ты — воплощение всех чертей,

Ты — в их собачьей глотке кость,

Ты — месь за батальон. Ты —

злость.

Вторые сутки держишься один,
Молчит твой автомат, Они не лезут,
Боятся видно, нет среди них мужчин!
И, замыка журевальный клин,
Как острое пятидесяти лезвия,
Ты астал, пошел. Ты так страшней.

Ты — воплощение всех чертей.

Ты — в их собачьей глотке кость.

Ты — месь за батальон. Ты — злость.

И тычет в грудь оранжевый

рассвет,

Но так несмело, дулом похоронок.

И на семь бед всегда один ответ,

И страха нет, и смерти тоже нет,

Стучит, как пулис, в ушные

перепонки:

Давай, пошли! Ты так страшней!

Ты — воплощение всех чертей.

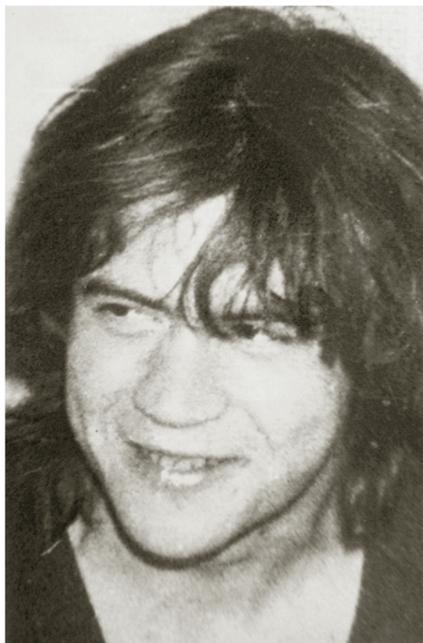
Ты — в их собачьей глотке кость,

Ты — месь за батальон. Ты — злость.

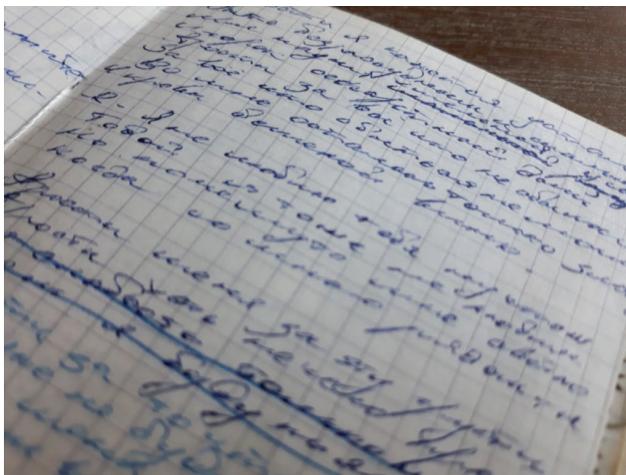
Статья в газете «Орловский Комсомолец», Орел, 28 января 1989.

Евгений Башта, Александр Катохин, Михаил Малков. Перед концертом, весна 1988.

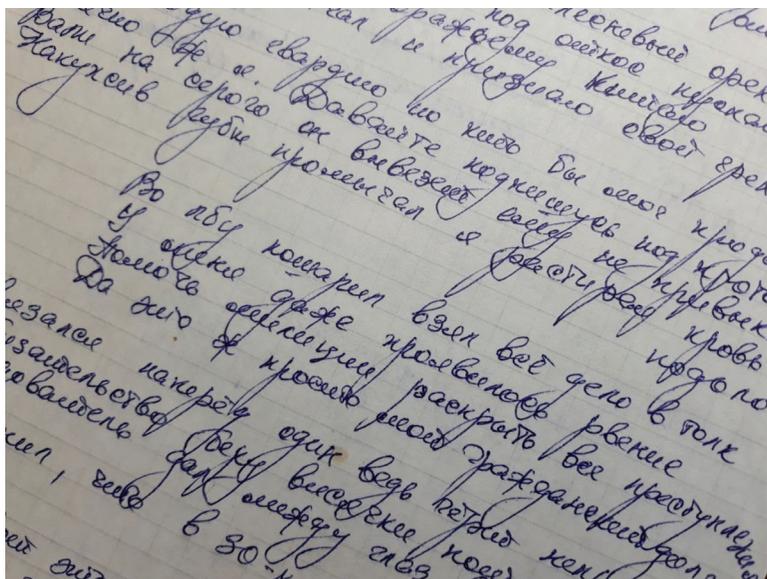
Евгений Башта. На квартирнике в Костроме, апрель 1990.

Евгений Башта. Черновик рукописи песни «Прости, я кажется устал...». 1989.

Александр Катохин. На квартирнике в Орле, 1989.

Александр Катохин. Рукопись песни «ГУЛАГ». 1989.

Многие люди, ем или пред- публи- цество- иприто- есте с и, сжи- огомем ребует своего ому он к люди тливые яя сча- арском е". Ве- тучшем е удов- людам, судшем стояние тресса. многих оголю, уемым х в ос- эи, чему меров. ин, Ма- і, Таль- , музы- ей дру- из века орбный зависть оих со- каким- гувству- раются к их знанию ому у вой Са- на есть оюл, та- дорогу, эда для голод, как раз но по- буются ых черт

прощение, всеобъемлющая любовь к людям, жертвенность, осознание с годами своей миссии. Поэтому таланты обладают удивительным, непреходящим чувством долга перед человечеством, заставляющим их работать и работать. Работать, иногда даже заранее зная, что их творение никто и никогда не увидит и не услышит. Полнейшим вздором являются культивируемые посредственностями слухи о якобы грязнейшей и греховнейшей жизни многих знаменитых людей. Все эти публикуемые донжуанские списки Пушкина, рассказы о пьяных похождениях рубахи-парня Есенина и т. д. при всей своей достоверности являются лишь подлым, низким, скучающим желанием хоть как-то приблизить себя к светилу, доказать себе и другим, себе подобным, что, мол, все эти гении на самом деле ничем не отличаются от нас, что они даже во многом хуже нас. Отсюда вывод: как же несправедлив белый свет. Мол, нам, таким хорошим, приходится так много трудиться, чтобы чего-то достичь, а этим пьяницам и повеласам удача сама лезет в руки. Но хуже всего то, что подобные факты биографии великих людей пользуются огромным спросом.

И в этом кроваважном, обывательском, грязном мире истинный талант, являясь по сути своей, повторюсь, беззащитным, по наитию или осознанно вынужден "маскироваться" под одного из людей толпы, чтобы сберечь себя до своего срока. Не многим это удается...

Два года назад, 26 октября, не стало Александра Катохина — барда, журналиста, отца, мужа, сына. Постоянные читатели газеты "Поколение" наверняка помнят это имя, помнят его репортажи, материалы, очерки, помнят его яркий, отточенный, слегка нервный стиль письма. Но не все знают, какие песни, какие рассказы, повести писал Александр

*Вдали пушистые леса,
А в них зеркальные озера.
Недосягаема краса
Для моего скупого взора.
И листья в снежной
 скорлупе,
Деревья в мягком
 целлофане,
И по декабрьской тропе
Меня несли куда-то сани.
Если в заоблачную даль,
Пейзажи чередой вертелись.
По-детски мне
 немного жаль,
Что не воспел я эту
 прелесть.
А. КАТОХИН, 1991 г.*

своем пожал русски безусг жизни, видный Сашу, ния бо погасл годом его таг време

Как свет ка звездь лишь с люди г удивле на ноч чуть-чу космич

Все зыкаль остави ленько как дв отца. І то ска: научит нимать нимать падени очень

В пи вого, М тело С шее « звездн жалю докрич ниться Он і успел. ного И лучше сандра "Они

Когда

Актер Целит

Не пус а млеч

Кадры из фильма «В излучине Сейма» (ОГТРК, реж. Иван Молчанов) о 5-м Всероссийском фестивале авторской песни «Соловьиная трель». В жюри фестиваля — Борис Вахнюк, Вадим Егоров, Юрий Кукин, Александр Мирзаян, Владимир Турианский (председатель жюри). Курск, 1993.

Диплом 1-го фестиваля «Соловьиная трель» Михаилу Малкову за песенку про Перестройку (Я недавно пережил потрясень...). Курск, июнь 1989.

5-й фестиваль «Соловьиная трель». Курск, июнь 1993. Заметка в газете «Орловская Правда». Орел, 19 июня 1993.

Евгений Башта. На сцене студенческого театра ОГИК во время спектакля. Орел, 1990.

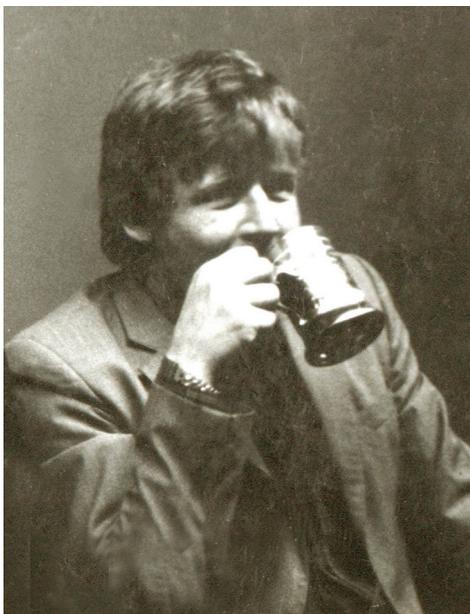
Диплом курского фестиваля авторской песни Евгению Баште за песни «Штрафные батальоны» и «Бога расстреляли в Майданеке», 1989.

Грамота челябинского обкома ВЛКСМ Евгению Баште за 3-х недельный концертный тур по БАМу (Урал, Сибирь и Дальний Восток) в составе агитпоезда ЦК ВЛКСМ. Июнь 1988.

Михаил Малков. На фестивале авторской песни «Соловьиная трель». Курск, 1993.

Александр Катохин. На собрании КСП в Доме Учителя. Орел, декабрь 1988.

Евгений Гуров. Выступление на концерте, посвященном Дню города. Орел, 1989.

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ
ПРОШЛОЙ, НАСТОЯЩЕЙ И БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ ПОЭТА
МАЛКОВА
И ЕГО ДРУЗЕЙ

Евгений Гуров
Малков, это еще не все!
Остаток в копеечку.
Будь благодарен!!!

Евгений Гуров. Самиздатовский сборник «Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей». Орел, 1995.

...посоветовались на те
...Генеральный, — кричал Башта, ударяя
...самый гениальный, — го
...я гениальной.
...разомлился один и тот же
...Мелков, превращаясь в Пушкина,
...и от лица великого поэта
...Башта превращая
...негодя" и от
...творчества
...они на
...прекрасно, — в свою очередь сказал Башта, превращаясь в Пушкина,
...теперь я пойду к этому великому поэту
...я пойду к этому негодя" и от
...гнусное творчество
...они на
...на " Невском проспекте"
...вскричал удивленно
...вскричал

...творчество
...у Гурова были годы. Пропи стихи корста
...сплел к нему пришел Мелков
...опел свои песни. Гуров подумал
...на мсе ранее творчестве

Сон Гурова
...была борода, ему приснилось
...совершенно голый, но с та
...за ручкой, расчесывает
...Брежнев, он
...Гуров и пообивш
...Но зашел Бал
...и не зная Бал
...сказал риси
...только ска за
...который он со
...он со
...рукой

...сон, когда у Гурова была борода, ему приснилось
...он увидел за ручкой, расчесывает
...Странный сон ему, подумал Гуров. Но зашел Бал
...этот сон за свой собственный, только ска за
...Представь себе, сон, который он со
...снилось, будто-бы он со
...шею сидит на уни
...рукой

Матрос спецназа морской пехоты Женя Башта. 1986.

Евгений Баица. На репетиции студенческого театра ОГИК. Орел, 1990.

Евгений Баишта. На сцене спектакля студенческого театра ОГИК. Орел, 1990.

Александр Катохин. Фотография для газеты «Поколение». Орел, 1990.

Михаил Малков. Выступление на семинаре авторской песни в г. Калинин (с 1990 — Тверь), 1989.

Перед фестивалем «Соловьиная трель». Курск, 1993.

3-й Всесоюзный фестиваль авторской песни
 Киев, Ирпень, пионерлагерь "Князича", 26.09.90
 Анекдотический концерт
 1. Последствия Ветерана
 2-й РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ЕСП ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕГИОНА
 Кострома, 14.04.1990 г.
 Прослушивание

скорость 3,5 см/с

- 4-й Тульский фестиваль авторской песни
 18.03.1990 г.
 Татьяна Елженицова (Прославлять)
1. Песня допотопленного матроса (В.Дутеро)
 ("Ты можешь зачеркнуть меня в своей судьбе...")
 2. Чья врана займает лезв... (В.Матвеева)
 3. Русь гулящая (ст.Максимилиана Елженицова)
 ("В деревнях погреблись и стражи...")
 Павел Нам
 4. "Я бы новую жизнь сговорил бы как вор..." (Д.Визбор)
 5. Песня о Ленинградце (А.Городничский)
 ("Мне трудно, вернувшись назад...")
 6. "Останется по флаге невеликий запас..."
 (С.Никитина - Г.Швабиков)
 7. Диалог учителя и ученика (Д.Ким)
 ("Ах, неужели действительно...")
 8. Володя (Д.Ким)
 ("Они говорят: Володя, Володя...")
 9. Посвящение Александру Галчу (А.Суханов)
 ("Своими я на ованочку одну...")
 10. "До свиданья, до свиданья..." (А.Суханов)
 Ольга и Михаил Лернин (Прославлять)
 11. "Море гладит берег волной..."
 12. Улетаем (Д.Визбор)
 ("Листьев маленький остаток...")
 13. Снота (ст.Евг.Винокурова)
 ("Ты не плачь, ты не плачь, ты не плачь...")
 14. "Опять, позаворивши с мамами..."
 15. "Эти летние дожди, эти ренные тучи..."
 16. "Ну подгаляй по голове..."
 17. Фидосовское
 ("Мы с тобой станем старше...")
 18. "В топях летает осень..."
 Михаил Малков (Орёл)
 19. "Ряды поределли врагов перестройки..."
 20. Константинопольский вальс
 ("Спокойно, господа, идея не нова...")
 21. "Сколько было на Руси свадеб, похорон..."
 22. К вопросу о праздниках
 ("Я недавно пережил потрясение...")

Мих. Малков (Орёл)	0020
Виктор Кондо-сейский (Баку)	0185
Сергей Терещенков (Смоленск)	0280
Вера Трофимова (Тула)	0410
Ал-др Пещернян тобус" (Баку)"	0525
Мих. Коношён (Череповец)	0585
Дует сестер Бодларенко (Киев)	0675
Игорь Панников (Загорск)	0725
И. Панников	087
Владимир Швакин	094
"-" + Настя Бравцова	098
Панников, Швакин из Брянска	10
"-"	11
Алеша Кубышкин (Александров)	11
Вл. Амондт (Ступино)	12
Михаил Малков (Орёл)	13
Евгений Гуров (Орёл)	14
"-"	15
Влад. Кузнецов (Тверь)	16

Трек-листы конкурсных концертов — для отбора на 3-й Всесоюзный фестиваль Авторской Песни в Киеве, последний фестиваль такого ранга в СССР. Тула— Кострома—Киев, март-июнь 1990.

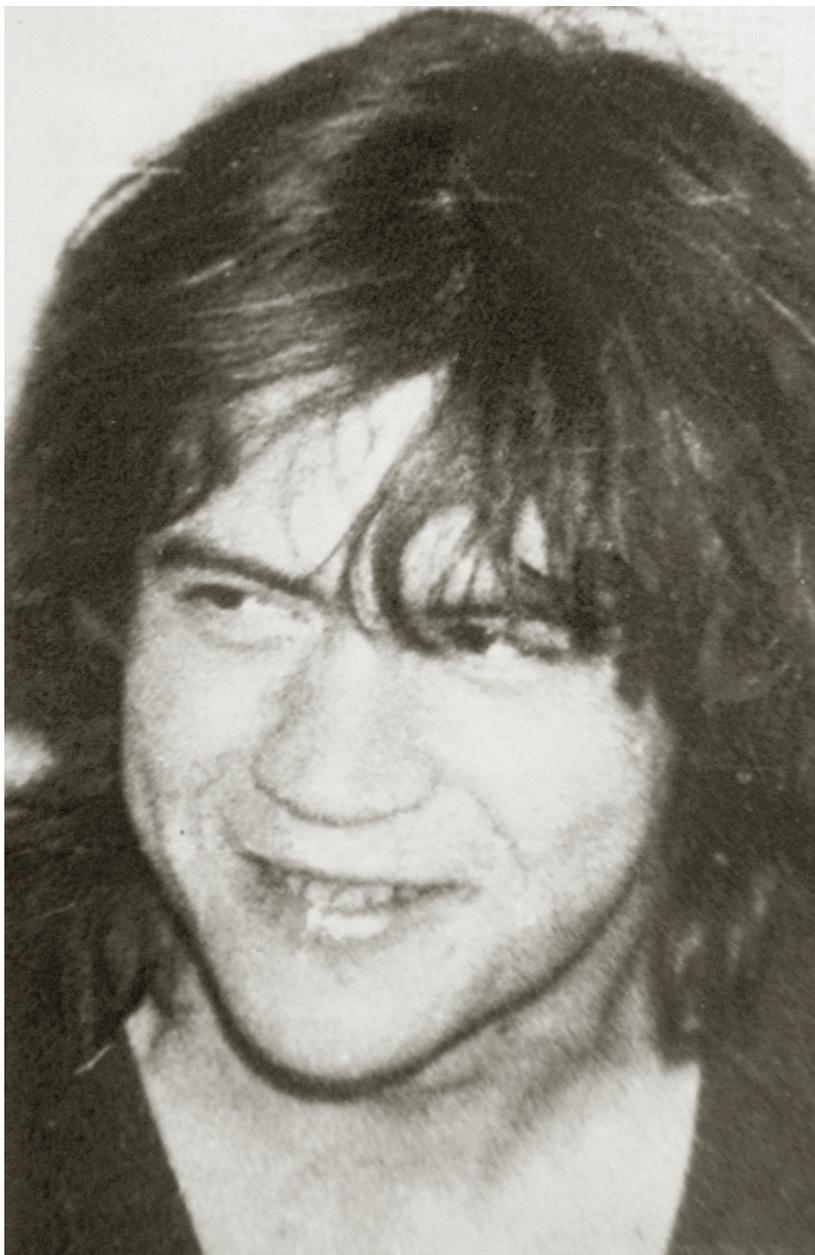
Действительно как Луриятская грЫма-та...
 На этом берегу
 Стихи Ю. Морин.
 Музыка С. Никитина.

На этом берегу туманном,
 Где память пахнет океаном,
 И смерти нет, и свет в окне,
 Все влюблены и все крылаты,
 И все поют стихи Булата
 На этом берегу туманном
 И смерти нет, и свет в окне!

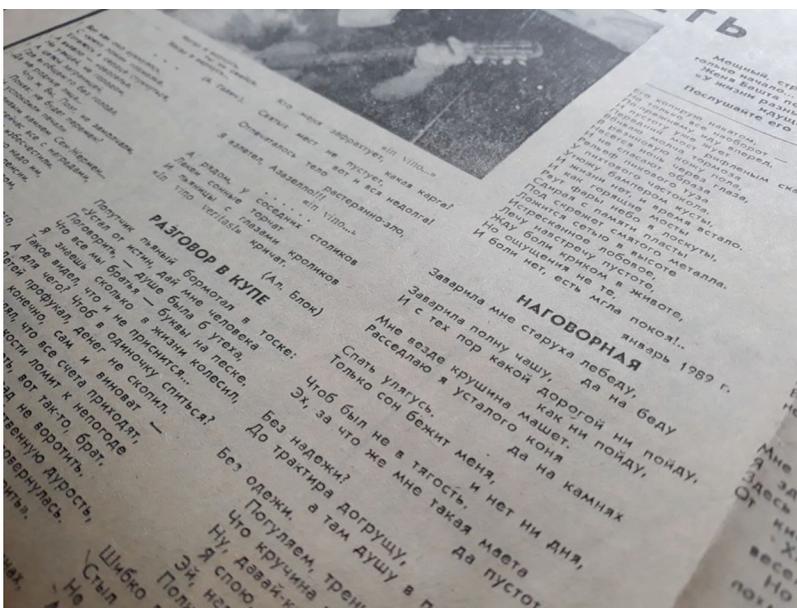
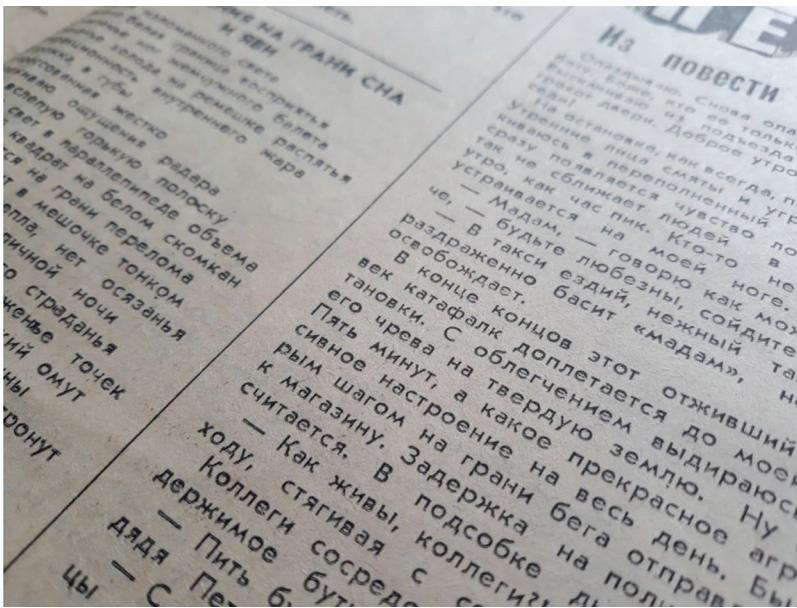
На этом берегу зеленом,
 Где дом снесенный вспыхнул кленом,
 И смерти нет, и свет в окне,
 Все корни тянутся к свободе,
 И все поют стихи Володи
 На этом берегу зеленом —
 И смерти нет, и свет в окне

15.04.90
 Ж.В. Башица

«Действительно как Луриятская грЫма-та.../ Обком Соловки» — автограф Жени Башты на бейджике Малкова. Кострома, апрель 1990.

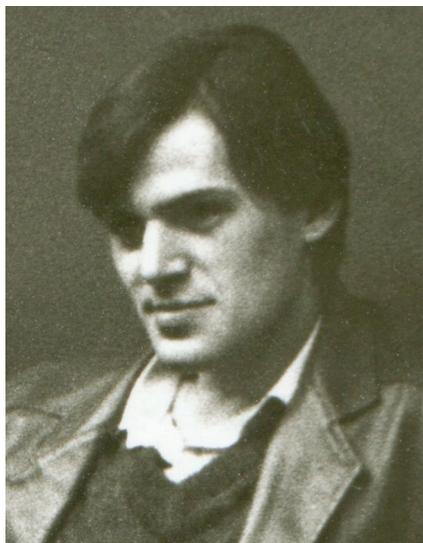
Евгений Башта. На квартирнике в Костроме, апрель 1990.

Евгений Баишта. Подборка стихов и прозы в газете «Поколение».
Орел, 9 февраля 1991

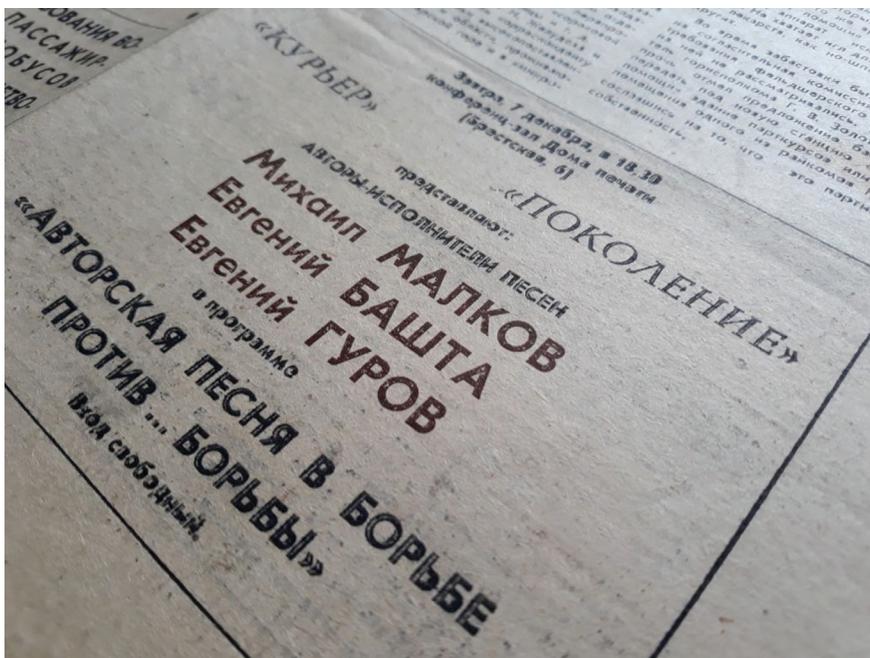
*Башта Евгений Викторович
(21.07.1966–01.01.1991)*

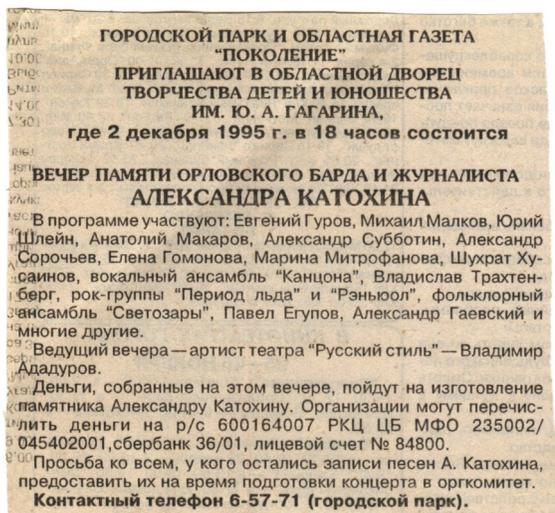
*Гуров Евгений Владимирович
(21.10.1959–18.08.2014)*

*Катохин (Матвеев)
Александр Владимирович
(20.02.1959–26.10.1995).*

7-е декабря 1990 года, конференц-зал Дома печати.
Последний концерт Жени Башты.

2-е декабря 1995 года, зал дворца детского творчества им. Ю. А. Гагарина.
Концерт памяти Александра Катохина.
2-е декабря 1995 года — последний выход на сцену Михаила Малкова. Еще через год Малков, к этому времени уже практически переставший писать и исполнять песни, уезжает из Орла.

* * *

Мой бессмысленный мозг
В фиолетовых пятнах страданья.
Мир по-детски жесток,
Мы по-детски его принимаем...

Сквозь беспомощный рот
Продирается только мычанье,
Но ударом в живот
На вопросы мои отвечают.

Лишним спазмом лекарств
Взбаламучена немощь сознания.
Хлеб насущных мытарств
Даст нам днесь из ладоней отчаянья.

Жизнь — затравленный мрак
Между хохотом, болью и смрадом.
Этим счастлив, дурак?
Но такого мне счастья не надо.

Евгений Башта
1989

* * *

Ничего не найдя в болтовне,
Уходили в пустые дома;
Находили спасенье в вине,
В одиночку сходили с ума.

И чернел вдруг дубовый паркет
Под дождём из распоротых вен;
И багровый молчащий рассвет
наконец закрывал серость стен.

И был выход в безвыходном дне,
И качался в зените Зеро;
Корчась,
В прах рассыпался в огне
Список больше не нужных миров.

А потом — собирались опять,
Кто заставил себя уцелеть,
Чтоб о чём-то там в крик прошептать
И забиться опять в свою клеть.

Евгений Башта
1989

* * *

Из вселенной в меня вселённая,
Непонятная межпланетная,
Залетела в глаза зеленая
Точка махонькая, чуть заметная.

И поплыли круги, квадратики,
И круги полетели с прямым углом...
Ах вы, звездные сестры и братики,
Мне ваш дивный мир не понять умом.

Потому что в земной обители
Только умники, да мыслители,
А безумные глупые гении —
В совершенно другом измерении.

В мир Христа возвращаться не хочется,
Там читают жлобам Евангелие,
Там душа по земле волочется,
А здесь — летает на крыльях ангельских.

И плывут круги и квадратики,
И круги летают с прямым углом...
Ах вы, звездные сестры и братики,
Мне ваш дивный мир не понять умом.

Потому что в земной обители
Все мы умники, да мыслители,
А безумные глупые гении —
В совершенно ином измерении.

Евгений Гуров
1990

* * *

Можно негодяем быть —
Вирши добрые писать.
Неплохим поэтом слыть,
Но по трупам вверх шагать.

Мои песни могут клясть —
Перед Господом я чист.
Из души корчую грязь
На тетрадный белый лист.

Александр Катохин
1992 Уссурийск

* * *

Говорят мне друзья: — Замолчи, не кричи!
Пусть закрыты замки, но в руках есть ключи.
Потерпи! Не растрачивай попусту сил,
Еще скажешь все, что презирал и любил.

Ты еще насмеешься за полсотни лет,
И наплачешься тоже. Послушай совет!
На бегу эту чашу не выпить до дна.
Отдохни, ведь дорога трудна и длинна.

Ты под солнцем сгоришь! Ты завязнешь в снегу!
Но кричу им: — Я так не могу! Не могу!
Чем гореть вполнакала, чем воздух коптить,
Лучше песню свою задавить, задушить!

Я хочу только в гору, и только вперед,
Чуть замедлю шаги — холостой оборот!
Я хочу на вершину, и то — не каприз,
Чтоб взобравшись на пик, с пика броситься вниз.

Александр Катохин
1988

ПЕСЕНКА ПРО ЗВЕЗДОПАД

Михаил Малков

Посмотри, дружок, на небо — видишь — звездочка упала.
Не беда, что не в ладошку, ты желанье загадай.
Может к лучшему, братишка, что не в нас она попала,
Может к лучшему, что мимо пролетела без следа.

Посмотри на электричку — все устроились отлично:
У окна сидит военный, а напротив — инженер.
Звезды с неба не хватает, на ракете не летает,
Но уверен, он мечтает стать министром, например.

Или, может, не министром, а заслуженным артистом,
И заслуженно поймает он — счастливую звезду...
Будет летом жить на даче, мерседес иметь в придачу,
И не брать в столовке сдачу. Иногда, хоть раз в году.

Видишь, две звезды побольше придавили капитана,
И от тяжести небесной изменился он в лице.
Он недавно стал майором, когда звездочки упали —
Был простой, хороший парень — стал отличный офицер.

Значит, надо вверх стремиться, ждате звезду и не лениться,
Нас подбадривают лица ослепительных актрис,
Нам подмигивают странно в подворотнях и с экрана,
А звезда, что так желанна — будто бомба — сверху вниз...

Все сегодня необычно. Я боюсь за электричку —
Вдруг и впрямь ее раздавит этот летний звездопад.
А я хочу без опозданий, без исполненных желаний —
Мне бы ехать, вместе с вами, и смеяться невпопад.

Март 1987

ПЕСЕНКА ОЛЕНЕВОДА

Александр Катохин

На ненецком языке

Торова!

Ты пэртяне тарадм,
Илебць, хора, хабт, намна, сидесь,
Яхадней, хабтарка, сырэй нисо"ма,
Небой сырэй нисо"ма, сую, суля"ко тарадм:
Пендуй, нялоко, нохо"ты, самрик ты,
мя"енгад, маленгад, эвенгад, нянёнгад.
Лакомбай!

Перевод:

Здравствуйте!

Я пасу оленей домашних,
Диких оленей, оленей самцов,
Кастрированных оленей, полутороговых оленей,
Двухгодовых оленей, важенок,
Бесплодных важенок, важенок на первом отеле,
Важенок на втором отеле.

Я пасу телят: телят, которым меньше года,
Телят, которым больше года,
Оленей, на которых охотятся на волков,
Оленей, на которых охотятся на песцов,
Всеядных оленей, оленей, которые едят рыбу,
Оленей, которые едят уху,
Оленей, которые едят хлеб.

До свидания!

1989 Салехард

КОЛЬКА ЖУЛИК

Александр Катохин

На что живешь, на медный грош?
И жизнь кусается как вошь.
С утра окурки соберешь,
Вторяк отваришь.
И, вспомнив Зинкин нудный вой,
Что в клюве ветер нес домой,
Ты с корешками у пивной
На штоф шакалишь.

Углы на Курском шелушил, не сявка — спец!
Ментовских водкой сколько ты залил свистулек?
Жизнь — дура, ты — хитрец!
Веревочке конец,
Кончается в Бутырках Колька Жулик.

И деньги — грязь, и Зинка — мразь,
Судьба заныла, отреклась.
Но прет пока шальная масть,
Везет на дуру!
Ты ряженный, ни дать, ни взять,
Ни караулить, ни щипать.
Но в РОВД придется снять
Овечью шкуру.

Пусть у хозяйюшки трясется шантрапа.
Да что там рыпаться, волков стригут под нулик!
Ты — хитрый, жизнь — глупа.
Но — скользкая тропа,
В воротах зоны тает Колька Жулик.

ПЕСЕНКА ФЛИБУСТЬЕРА

Евгений Башта

Мне сейчас совсем не до разбоя.
Без него забот по горло,
Черт возьми.
Как же это, что ж это такое,
Как течением меня приперло
К отмели?..

Ветер так изодрал паруса,
Что списать их осталось в утиль,
А проклятая эта коса
Держит крепче на месте, чем штиль!

А с торговых судов — машут с мостиков:
— Флибустьеру, так сказать, наше с хвостиком!..

Я бы им помахал бортовым...
Но когда на мели, не шали.
Надо бы притвориться слепым,
Мол, до клотика мне корабли,
Пусть идут...

Потому что хана парусам —
Хорошо, если примут в утиль.
И проклятая эта коса
Держит крепче на месте, чем штиль!

А они и рады, вон — машут с мостика:
— Флибустьеру, так сказать, наше с хвостиком!

Ничего, я обиды коплю,
Дайте только сорваться с мели,
Пусть мешает хоть черт —
Все я перетерплю,
Будет без толку ждать их вдали
Отчий порт!

А пока — ветер снес паруса
И в утиль уже нечего сдать,
И проклятая эта коса
Все не хочет меня отпускать...

А с торговых — вот опять, машут с мостиков:
— Флибустьеру, так сказать, наше с хвостиком!..

1990

ВИТЯЗЬ ВОРЧИТ

Евгений Башта

Распоясалась нечистая. Значит,
Ей делов нет, что у витязя отпуск.
Ну! Она у меня мигом заскачет,
Запоет, запляшет — будет ей отпуск!

Да и то сказать — ишь, приняли моду,
Все ей можно, и не трожь, нет закону!
Ничего, когда слопает в морду,
Будет знать, как распускать много звону.

Ишь, житейке ей не по нраву случилось!
Тыщу лет жила, и вдруг — не по нраву?!
Грязь не нравится... — скажите на милость!
Так ведь можно и устроить потраву!..

Вот схлопочет — успокоится мигом,
Сгинет, будто бы не рождалась!
Позабудет и охранную книгу,
И еще, что там ей полагалось.

Я-то знаю, как вправлять нужно мозги,
Чтобы в них, чего не надо, не лезло...
Вот и лес, а ну-ка, где мои розги?
Быстро, дешево и даже полезно!

1989

ЖАЛОСТЛИВАЯ ПЕСНЯ СОЛОВЬЯ —
РАЗБОЙНИКА

Евгений Башта

Ни пенсии, ни профсоюза,
Одни упреки и угрозы
Нечистой силе достаются...
Ах, наша жизнь — сплошные слезы!

Вот, взять меня, примера ради:
Свистишь весь день без передышки
И получаешь не награды,
А только синяки, да шишки!

То богатырь не в настроеньи,
То просто так, чтоб порезвиться —
Поймают, и, прошу прошенья,
Бьют чуть пониже поясницы!

Я здесь поставлен не для порки,
Я все же — Соловей-Разбойник.
За должность и за званье горько!
Да и, к тому же, просто больно...

Да ну их всех! Уволюсь, к черту!
Здоровье — сказок поважнее!
А то — чуть что, так сразу в морду.
Вот пусть попляшут без злодеев!..

1989

* * *

В этом темном ядре за пределами смерти
Нет ни вечных сует, ни мгновений покоя.
Только знаки эмблем на кровавом мольберте,
Да мятущийся дух в древнем сердце изгоя.

Он сжимает в руке горло тоненькой кисти,
Цедит в чашу вино из разорванной вены
И наносит во тьме от невидимых истин
Знаки полуэмблем на безмолвные стены.

Через множество лет, через толщу столетий,
Когда выйдут из вен и иссякнут все краски
Он единым штрихом спишет истины эти
С чьей-нибудь неземной еле слышной подсказки.

И, припав к полотну изумленной душою,
Докоснувшись челом до священного знака,
Запыляет вдали вновь рожденной звездой,
Среди тысячи звезд в царстве вечного мрака.

Евгений Гуров
1995

* * *

Когда мне стукнет восемьдесят два
Я буду шепотом кричать у микрофона.
В сухом камине мокрые дрова
Напомнят слякоть грязного перрона.

Окурки на запекшихся губах,
Соленый пот, ободранные ноги...
Я неспроста оставил на бегах
Копытный след на ледяной дороге!

Но я не упоен. Напоен я
И перепачкан шоколадом липким.
Уже конвойными часы стоят:
Ни прокричать, ни прошептать постскриптум.

Александр Катохин
1987

* * *

Не слуги и не пасынки фортуны
мы будем первыми — вторыми жить уныло!
И если кто-нибудь отнимет струны,
натянем нервы — рвать не хватит силы.

Загоним лошадь — чёрта заседлаем,
и разнесём на щепы обух плетью!..
Дружище! Рвов, дорог не выбираем,
ведь нам идти по ним, плевав на сплетни!

Сдаваться? К дьяволу!! Мы каждый стоим сотни!
И нашим шашкам не ржавеет по ножнам.
Так пусть благословят нас подворотни,
чей суд жестокий не бывает ложным!

...Нам не хватает времени для жизни.
День слишком мал, хоть ночь предельно сжата,
и преломляются пучком на гранях призмы
идеи
в поколениях виноватых!..

Евгений Башта
1988

РЫЖИЙ ПЕС

Александр Катохин

Когда один я стоил больше сотни,
Когда просил я хлеба, не медали,
Меня вы загоняли в подворотни,
И надо мной надменно хохотали.

Я попал в волчью стаю,
С волками дерусь —
Рыжий пес. Среди серых.
Я их не боюсь!
Я в решающей схватке на блюхо прилег.
Да поможет мне Бог!
Да поможет мне Бог!
Да поможет мне Бог!

Когда земля выращивала камни,
И даже тень моя была в прицеле,
Передо мной вы закрывали ставни
И через толщу стен мне в след свистели.

Я попал в волчью стаю,
С волками дерусь —
Рыжий пес. Среди серых.
Я их не боюсь!
Я в решающей схватке на блюхо прилег.
Да поможет мне Бог!
Да поможет мне Бог!
Да поможет мне Бог!

1988–1992

МОНОЛОГ СОБАКИ

Евгений Башта

Не ждите, я не замашу хвостом,
Не положу вам морду на колени.
Да я, скорей, пожалуй, околею,
Чем стану преданно скулящим псом.

Не ждите, я в угоду вам клыки
Не затуплю о комнатные тапки.
И, теща вас, не брошусь без оглядки
Достать обломок палки из реки.

И лапу вам не стану подавать,
Униженно ложась на землю брюхом
И ждать, когда почешете за ухом
За то, что туфли начал вам лизать.

Но если вам понадобится друг,
На край Земли я брошусь без оглядки,
Вам помогу судьбу схватить за пятки,
И буду ветер есть из ваших рук.

1987

ОТКРОВЕНИЯ ЛИСА

Евгений Башта

А Лис на флажки не попрет.
Себя подставлять под дустволки?
На это есть храбрые волки —
Так пусть они лезут вперед.

Охоту я
перележу
В норе или, что там, — в канаве,
Какой черт тут думать о славе?
А шкуру потом оближу.

Да пусть хоть в навозе, плевать.
Что толку с моральных устоев,
Когда они жизни нам стоят?
А так — цел, и курочку — хватить!

Поел и пошел без тоски.
А если осталось — припрятал.
Так здорово, правда, ребята?
Нет,
Лис не пойдет на флажки!!!

1988

РАССУЖДЕНИЯ ЛИСА О ЛЮДСКОЙ
НЕБЛАГОДАРНОСТИ

Евгений Башта

Ох, люди, право слово, не пойму.
Трех кур унес, а шуму на весь лес!
А куры-то — ни брюху, ни уму,
Когда бы знал — ей-богу б не полез!

Они ж больные! Я, как санитар,
Спасал от разоренья мужиков:
Съел, принимая на себя удар.
А где спасибо?.. Жди от дураков!

Дождешься, как же, знают — псов спускать!
Ату его!!! Хватай за все подряд!
Нет, чтобы обогреть и приласкать —
Снять шкуру в благодарность норовят.

Вот делай после этого добро!..
Кому охота, голова одна.
А доброта — она ж тебе ж ребром
Выходит. Доброта — она вредна.

НЕТ справедливости. Увы, мораль стара:
Из пасти норовят урвать кусок...
Ну, вроде, успокоились. Пора
И мне домой. Пойду, вздремну часок.

1988

ПЕРЕГРЕВ. ИЗ ПОВЕСТИ
«ПОХОЖДЕНИЯ ОДНОГО НЕЛЮДЯ»

Евгений Башта

Опаздываю. Снова опаздываю на работу. Боже, кто ее только придумал! Выскакиваю из подъезда под бодрый грохот двери. Доброе утро, дорогие соседи!

На остановке, как всегда, полно народу. Утренние лица смяты и угрюмы. Втискиваюсь в переполненный автобус, и сразу появляется чувство локтя. Ничто так не сближает людей в солнечное утро, как час-пик. Кто-то ненавязчиво устраивается на моей ноге.

— Мадам, — говорю как можно мягче, — Будьте любезны, сойдите с ноги!

— В такси ездить, нежный такой! — раздраженно басит мадам, но ногу освобождает.

В конце концов этот отживший свой век катафалк доплетается до моей остановки. С облегчением выдираюсь из его чрева на твердую землю. Ну вот. Пять минут, а какое прекрасное агрессивное настроение на весь день. Быстрым шагом на грани бега отправляюсь к магазинчику. Задержка на полчаса не считается. В подсобке дымно.

— Как живы, коллеги? — бросаю на ходу, стягивая с себя одежду.

Коллеги сосредоточенно делят содержимое бутылки.

— Пить будешь, студент? — сипит дядя Петя.

— С утра, дядь Петь, пьют самоубийцы и русские!

— А ты чё?

— А я — американский агент.

— Га-га-га, — радостно ржут коллеги.

Вот дегенераты, каждое утро одно и то же. Выхожу из каморки. Ну-с, день начался. Вообще, работка у меня не пыльная, но нудная. Круглое — таскай, квадратное — катай. Однообразно, хотя и прибыльно. Дефилирую по внутреннему коридору и нарываюсь на шефа. Шеф толст, солиден и краснощек, и зовут его... Ник Сеич.

— М-м-м..., — гудит он. — Зайди ко мне, возьми ящик из-под яиц, принеси в машину.

Его, конечно, стоило бы послать, но неохота начинать день с конфликта и, посему, молча иду выполнять желание дорогого начальника.

В кабинете воняет чем-то чистым. Беру ящик и волоку на выход. Ник Сеич стоит у открытого багажника статуей Командора. Тоже — хозяин жизни. Раздражаясь, почти бросаю ящик в машину. Он звенит, многозначительно и печально.

— Осторожно, — пугается Ник Сеич и тут же надменно бросает: — Свободны!

Появляется желание пасть ниц. Сдерживаюсь и удаляюсь. Свободны... Хорошо бы. Отнес ящичек и гуляй, ан нет. Вот Нинка из бакалеи чего-то разоряется. Да не ори ты, иду! Вот чертова баба...

К счастью или к несчастью, все в жизни конечно. Цели, желания, и рабочий день — тоже. Бреду в подсобку переодеваться. Коллеги переопохмеляются.

- Студент, пить будешь?
- Не, вечером не в масть!
- Нелюдь ты какой-то, студент!
- Какая-то, дядь Петь!.. Адью.

Вечер на редкость хорош. Не торопясь иду к остановке и мысли, то есть, как это... думы бороздят мое чело. Куда бы свалить, то бишь направить стопы? Конечно, к женщине. Женщина всегда смоет твою печаль. Вот у Ник Сеича сегодня деловые встречи и молодая жена Наточка скучает в одиночестве, так что... Вперёд, Граф, нас ждут великие дела. Вообще, это идиотизм в полста лет иметь молодую жену. Мда. Прыгаю в полупустой дребезжащий троллейбус. На достижение цели, вперёд!..

Это очень даже не смешно, когда, покурочив твой сон, в сознание вламывается новый день. Подскакиваю над диваном от телефонных звонков. Интересно, кого это черт раздирает в такую рань.

— Междугородя. Будете говорить с Камчаткой, — вещает трубка.

Значит папочка решил пообщаться. Ну-ну. Сквозь шум и треск пробивается «родной» голос.

— Алло, сынок! Ты меня слышишь?!

— Да..., к несчастью.

— Говори громче, плохо слышно. Как ты?! Как ты, я спрашиваю?

— О´кей, папа! Бодр, как никогда.

— Скучаешь?

— Нет... Это уж точно.

— Что? Я тоже!

Ну кто бы сомневался.

— Деньги нужны?

Ха, странный какой. Деньги всегда нужны.

— Нет, па..., пока не надо.

— Надо будет, телеграфируй.

— Ага.

- Ты здоров? — волнуется.
- Трогательно.
- Да, па! Вполне.
- Хорошо! — радуется он.
- Хорошо! — радуюсь я.
- Ваше время истекло, заканчивайте, — радуется телефонистка. Ну вот и чудненько.
- До свидания, сынок, пиши, я скучаю.
- Иди к черту, папуля.
- Что? Я тоже! — пробивается едва слышный голос.
- Все, пока!

Бросаю трубку на рычаг. Уф, во притомил. Всегда важно говорить то, что думаешь, ... если тебя плохо слышно. Нехотя встаю и натягиваю джинсы.

Неплохо было б что-нибудь сожрать. Однако холодильник красноречиво пуст. Почти. Ладно. Масло есть, яйца есть — яичница будет. Так-с, грешницу сковородку — на огонь, пусть мучается. Будущая яичница ворчит и плюётся раскалённым маслом. Ну и пусть себе, а мы пока умоемся. Собственное отражение совсем не радует. Плещу на лицо водой и начинаю чистить зубы. Так разошелся, что аж горелым воняет... А горелым, кстати, воняет из кухни. Наскоро полощу рот и бегу туда. Увы, яичницу уже не спасти. Швыряю сковородку в раковину. Покушал, генацвали, приятного аппетита!

Черт с ним. У Алекса вчера был день рождения. Сегодня догуливают. Пойду, заодно там и позавтракаю. Хлопаю дверью, скатываюсь по перилам, вылетаю на улицу и чуть не сбиваю старушеницю.

- I'm sorry ma'am, я смущен и подавлен случившимся!..
- Ходют, сорют, глаз нет, собаки... — активно и неординарно подключается бабуля.

Ярко, ничего не скажешь, но я вынужден её прервать.
— Умолкни, старая, до смерти не доживешь, кляча.

Бабуля умолкает и мы расстаёмся почти друзьями. А на улице лето. Тепло. Светло. Хорошо. Заворачиваю за угол и Алексов дом отодвигает грозный призрак голодной смерти. В подъезде слышна лихая песня. Кавалергарды гуляют. Н-да, кто последний, я за вами. Я всегда говорил, что нам флот пропить — это дело плёвое. Ух, и крепок русский дух!

— У-у-у, Наместник! — радуется народ — приветствуем, пить будешь?..

Я бреду по пустыне... Солнце примостилось в животе, забив глотку песочком, дабы сквозняка не было... С трудом поднимаю голову и долго смотрю в потолок. Это, наверное, пить хочется. Башка большая и тяжелая. Плетусь на кухню. Кран возмущенно шипит, но воды не дает ни капли. Хватаю с плиты чайник. Вода низвергается внутрь и тут же испаряется. Перегрев. Жуть! Чайник с грохотом водворяется на место. Тоска. Сдохнуть можно. К людям надо. Смотрю в окно и выхожу на улицу.

Пестрая толпа фланирует под желтыми, нестерпимо яркими фонарями. В их свете театр этот вполне естественен. Люди гуляют... Гуляют люди... Люди, а не нелюди, как бы сказал дядя Петя. Мне бы, нелюдю, куда-нибудь спрятаться в закоулочек, щёлочку.

Раздражение нашёптывает на ухо: «Марионетки, куклы крашенные». Нет, надо идти проветриться. Сворачиваю в переулок, выхожу на мост... Остановка. Сажусь. Вроде очухиваться начал. Не, такому пьянству — бой... Сколько там времени? Около девяти. Ага, а вон — бабка с узлом куда-то на ночь глядя. Благородным что-ли прикинуться.

— Давай помогу, ба?! Далеко тащить?— подчиняюсь я какому-то неясному порыву.

— Милай, да тама нету ничего, тряпки невесткины, старые тряпки дюжа-то. Ты и не спродашь ничё...

— Помогу давай, бабуль...— где-то в глубине снова начинает шевелиться раздражение.

— Так сама я, сама, иди своей дорогой, Христа ради, что тебе старая сделала...

В бабкиных глазах мышиный страх, побелевшие пальцы намертво вцепились в узел.

— Иди, касатик, иди с богом...

Ну бабк, серость дремучая... Раздражение усиливается. Поворачиваюсь и, что называется, ухожу не солоно хлебавши. Сделал доброе дело. Хрен там. Люди, кто же вас так напугал-то? Или я просто такой глупый? Зачем-то захожу в телефонную будку, снимаю трубку и кладу ее на место.

Звонить? Кому? Зачем? Прохожу еще квартал, забредаю в кафе и сажу в нем, вертя в руках чашечку с бурдой «а la sofe».

Пусто. И день жалко. Прошел так, ни за что, ни про что. Только часы и заметили, отсчитав спокойно и бездушно короткую его жизнь.

Тик-так, тик-так, тик-так...

Евг. Башта, А. Катохин.

Из повести «Похождения одного Нелюдя».

1988–1993

* * *

Не грусти, красной пылью осядет песок.
Будет день, — будет пища — что лапы жалеть?
Но хватило бы сил на последний бросок
В закипевшую полднем томящую медь.

Подкупает покой, но, войдя в колею,
Существует возможность слететь с полозков.
Мы в покое увязнем, как мухи в клею,
Вероятно, все это не так далеко.

Не скули, еще можно, забыв тормоза,
Разломить жарким полднем томящую высь.
Изумленное небо поднимет глаза...
Но смотри, чтоб в прыжке не читалась корысть.

Не тушуйся, для нас не написан закон.
Падаль жрать, так уж лучше от голода выть!
Нам, увы, не дожить до своих похорон —
Нам до собственной гибели хоть бы дожить.

Подкупает покой, но, войдя в колею,
Существует возможность слететь с полозков.
Мы в покое увязнем, как мухи в клею,
Вероятно, все это не так далеко.

Евгений Башта

1990

* * *

«А зачем?..»

Евг. Башта

Зачем рвет струны посреди куплета
Поэзопроституточный гарем?
Зачем в законе травля на поэтов?
И после смерти жизнь дана — зачем?

Зачем пережигают в пепел нервы
В решеньи андеграундских проблем?
Отвергнув покровительство Минервы,
Сдирают глянец времени — зачем?

Напившись водки, рвут зубами вены,
На каждом — след клейма «save furem».
Отчаявшись, кричат в пустые стены:
— За что мне эта участь, и зачем?

А может, правда, нам сажать капусту,
Как римский император, вместе с тем
Избавиться от участи Прокруста,
Избавиться от вечного ЗАЧЕМ!

save furem (лат.) остерегайся вора!

Александр Катохин

1991

БУМАЖНЫЙ ЗОДЧИЙ

Евгений Башта

Залитованный гений — игрушка абсурда,
размалеванный пятнами быта и страха,
замордованный бабой,
деньгами и Буддой,
вышивающий строчки на собственном крахе,

Твой день —
в паутине дремы.
Свет, тень.
Отсутствие дома.
На лист — горсть многоточий...
Крепись,
Бумажный зодчий!

В кухонный дым приходит твой ангел
с грешным лицом юного старца,
и жалит словами с ядом фаланги,
и самое страшное — не оправдаться...

Затравленный мальчик, рифмующий ноты
в бешеном городе пыльных иллюзий,
твоя мечта — дотянуть до субботы,
чтоб в воскресенье рассыпаться блюзом...

Твой день —
в паутине дремы.
Свет, тень.
Отсутствие дома.
На лист — горсть многоточий...
Крепись,
Бумажный зодчий.

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... ДВА ГЕНИЯ.

Евгений Гуров

Однажды Малков и Башта крупно поссорились на тему: «Кто гениальней».

— Да я самый гениальный, — кричал Башта, ударяя себя в грудь кулаком.

— Возможно, Башта, ты и самый гениальный, — говорил Малков, слегка заикаясь, — но я гениальней.

Вдоволь нассорившись, друзья разошлись по домам и улеглись спать. И тут им обоим приснился один и тот же сон — будто бы они могут превратиться в кого захотят.

— Прекрасно, — сказал Малков, превращаясь в Пушкина, — теперь я пойду к этому мерзавцу и от лица великого Поэта раскритикую все его гнусные стишки и выскажу все, что я о нем думаю.

— Прекрасно, — в свою очередь сказал Башта, превращаясь в Гоголя, — теперь я пойду к этому негодю, и от лица великого Гоголя разоблачу этого выродка как недоучку и дилетанта, и раскритикую все его гнусное творчество.

Одновременно выйдя из своих домов, они направились навстречу друг другу. На Невском Проспекте они встретились.

— Гоголь?! — вскричал удивленный Пушкин.

— Пушкин?! — вскричал не менее удивленный Гоголь.

Два великих человека крепко пожали друг другу руки.

— Куда это вы в такую рань, Николай Васильевич?

— Да вот, к приятелю... А вы куда, Александр Сергеевич?

— Да тоже вот по делам вышел.

Они постояли, поговорили о погоде, о Петербурге, о государе, о светских нравах, о том, у кого какой сегодня ночью бал давался. Так говорят они между собой, а Пушкин смотрит на Гоголя и думает: — Странный он какой-то, этот Гоголь.

Недоговаривает чего-то, взгляд в сторону отводит. А Гоголь смотрит на Пушкина и думает то же самое. Так постояли они, поговорили, да и пошли каждый своей дорогой.

Пушкин пошел в редакцию журнала «Современник», а Гоголь — к себе домой, дописывать повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей.

1995.

* * *

Как хочется умирить пыл,
спокойно дотянуть до лета,
иначе скажет некто — был,
сгорел без пользы — скажет некто.

Живёт холодная страна,
зажатая в холодном прессе.
Кому-то хочется вина,
кому-то разудалых песен,

всем остальным — чего-нибудь,
но не стихов (избави, боже) —
и что-нибудь одеть-обуть,
и дать кому-нибудь по роже...

Любимые мои, друзья,
конечно, этот снег и стужу,
сгорая, растопить нельзя,
и проку нет с того, к тому же;

конечно, кругом голова;
(да головою ли рискуем?)
И жизнь, конечно, такова,
какой себе её рисуем...

Вошедший внутрь — выходит вон:
— Мосты сгорели, спи спокойно...
Я жить хочу. И слышать звон,
но не стеклянный, колокольный!

И пусть не выиграть пари,
пари на ящик лимонада —
мосты дымят,
душа горит,
и значит, всё идёт как надо.

Михаил Малков
1995

* * *

Лихие выверты моих колоратур
Не тянут на копейку — точно знаю!
Осипший голос, в голове сумбур,
Но белый флаг пока не поднимаю.

И проще бы от всяких передряг
В примерную сбежать, напиться водки,
А выползая, выдохнуть: — Антракт!
(Прощальный вывих пересохшей глотки...)

Антракт! Задернуть занавес! Расход!
Я пуст, как барабан, я сжат мочалкой.
Пусть тот, кто хочет — дальше вам поет
За пряник или, может, из-под палки.

Все споры ни к чему не приведут.
Короны, лавры, прочие награды
Пусть воздадут. Но и пеньковый жгут,
Его ведь тоже заработать надо.

И кто сказал, что лавровый венок
Дороже стоит, чем топор с петлею?
Прошел свое, так, что не чую ног!..
Но занавес, не ждите, не закрою!

Александр Катохин
1988

* * *

Не понять мне, кому мы служим
В этой пьяной голодной стране?!
И кому я конкретно нужен —
Людам? Господу? Сатане?

Диссидентские пряча мысли,
Руки к небу за манной простёр.
Кто меня из России выслал,
Кто над шеей занес топор?

И не надо бросать мне кости
И наклеивать ярлыки.
Я уехал к Свободе в гости —
От себя, от вранья, от тоски!

Александр Катохин
1990

КУКУШОНОК

Михаил Малков

Зима. Безмолвие. Безверье.
Застолье в предвкушеньи пира...
А за столом сидят не звери,
не упыри и не вампиры,

но — Коллектив,
поющий хором,
поющий и жующий
хором,
где каждый друг на друга дышит,

и, может,
ненавидя, слышит
серцебиение друг друга...

А за окном выводит вьюга:
— Прекрасно хоровое пенье!..

Скажи,
что может быть прелестней —
в один поток
соединиться,
и распевать совместно песни
восторженными голосами
под подходящую закуску?..

Душа моя,
болезнь заразна —
под одобренье коллектива
вступить негромко, сообразно

(кому оно — многоголосье?)

и,
выбрав поудобней ноту,

нестройный хор перекрывая,
свой голос
громче всех услышать,
и ощутить СВОЮ причастность,
СВОЙ ВКЛАД
в народную культуру,
чтобы звенел хрусталь, и чтобы

перевернулся Стенька Разин
в гробу
от разудалой песни
и коллективного оргазма...

Душа моя,
болезнь заразна!..
Не злобствую, не торжествую:
я мыслю —
значит, существую,
я существую, значит — верю
в бессмертие души и песни.

Но Боже, болен я.
Гордыня
за мной повсюду ходит тенью:
я руки разобью о стену,
чтоб об пол не разбить
гитару —
но петь не буду. Честь имею!

Желая здравствовать
сидящим,
поющим, требующим, спящим —
я петь не буду.
Время вышло.

Бессмертна косточка от вишни,
что в землю вовремя
упала.

Вы — дружный хор. Я — кукушонок.
Я ветер
ощущаю кожей.
Безгрешны вы, мудры — о Боже!
(здесь — нецензурными словами...)
куда мне, грешнику, за вами.
Вы — дружный хор.
Я — кукушонок...

Зима. Безумие. Безверье.
Безвремя. Я не умею совместно
радоваться жизни.
Я не умею плакать вместе
Со всеми. И рычать от боли
Под ласковые крики «Просим!..»

Проходит время одиночек.

Грядёт Эпоха Одиночеств.

1993

* * *

Финал комедии не ясен,
Но это временные трудности.
Икона на иконостасе
Как вечный полюс неприступности,

Как вечный символ НЕ-преступности,
Как воплощение НЕ-убожества,
Тождественного нашей тупости,
Заплесневелым нашим тождествам.

Как отголосок неизбежности,
То вечной муки, то прощения,
Разбитой и забытой нежности,
Изгнания и возвращения...

Мой друг, не возводи напраслины,
Не разрушай себя уверенно
Под тонким слоем краски масляной
На закопченном старом дереве.

Об этом стоит ли печалиться,
Комедианты и художники...

Но чем-то все же отличается
Божественное от убожества.

Михаил Малков
1988

* * *

Я не знаю, что больше хотеть — если только допеть.
Но фальшивят уста, мои струны не сталь, просто медь.

Раскричалось в лицо воронье, стало правдой вранье,
И руки не поднять, и глаза не поднять, тело как не мое.

Словно загнанный мечется свет и сужается бред,
Воздух вязок и звук не прорвется за круг сигарет.

Я не знаю, что больше хотеть, если только посметь,
Но фальшивят уста, мои струны не сталь, просто медь...

Евгений Башта

1990

ВДАЛИ ОТ ИЮНЬСКОГО СОЛНЦА

Михаил Малков

Я помню: то была зима,
холодная зима...
Огнем горела бузина,
и мерзла бузина;
до марта жили снегири
у нас на пустыре.
А мы — сушили сухари,
кормили снегирей.

Ночами мерзлая луна
высвечивала дом;
река спала, но глубина,
не скованная льдом,
проламывала в январе
ледовый каземат,
и не мешала польнье
морозная зима...

* * *

...Давно минуло торжество
тех вековечных зим,
давно встречаю Рождество
в рождественской грязи.
Сегодня выпал на пустырь
недолгий, мокрый снег...
Учусь выращивать цветы,
и думать о весне.

Мне снится
дождь под Новый Год и слякоть у дверей,
где мой благочестивый кот встречает снегирей,
встречает, говорит: «Bonjour-r-r»...и...
ловит на лету,
но я — причины нахожу завидовать коту...

Мне снится дом,
и в доме — я... И в этом сне моем
горит дубовая скамья причудливым огнем,
пылает чайник на плите, прихожая пуста;
огонь, пугающий гостей, пытается достать
залетных красногрудых птиц, не пойманных котом
и лижет кончики страниц,
что не читал никто.

В камине —
черные дрова, подобие трухи.
От жара плавятся слова, рождаются стихи.
Не сожалея, не скорбя — похмельный и нагой,
я вызываю на себя
диковинный огонь!..

* * *

...И будет ветер,
поздний гость, на части рвать
тепло,
вдохнет — и выдохнется сквозь оконное стекло.
Его тяжелый, жаркий дух
растопливает лед
на много тысяч миль вокруг,
на сотни лет вперед...

Но что поделать? Чай остыл,
а вместе с ним — зима.
Учусь выращивать цветы,
чтоб не сойти с ума,
и ждать —
покуда зацветут,
и жить —
как хан Гирей,
[попутно скармливать коту
залетных снегирей];

Чтоб Новый Год встречать — до ста,
не зная наперед,
что мой садовый инвентарь
меня переживет!

Но, одурев от черноты
бесснежных тополей,
учусь
выращивать
цветы
на ледяной земле...

* * *

Вдали от июньского солнца,
Продрогший, усталый, больной
Я знаю, что лето вернется,
Я верю, что будет оно.

Минуют короткие ночи,
Минуют холодные сны...
Но шаг человека короче,
Чем поступь грядущей весны.

Вдали от июньского солнца,
Не верящий в дежавю,
Я знаю, что лето вернется.
И верю, что я доживу.

1995/2013

ВЫХОДИТ

батальон ИЗ боя

* * *

Ремесло. Руки жжет мне мое ремесло.
Понесло,
меня время, как лист, понесло...
Не волчица вспоила меня молоком —
гаснут лица,
сливаясь с прицелом, как палец с курком.

Забинтуйте мне память в смирительный саван.
Как волк,
воет пес, отпевая солдатский
исполненный
Долг...

...Я не вижу, не слышу...
Из ствола автомата
я вдолблю этим крышам
неизбежность расплаты
за вину, для меня безразлично какую,
это все — болтовня.
Есть приказ. Я воюю.
Город в дымной оправе,
гарь застыла на лицах,
но с попойки кровавой
в жизни не похмелиться!..

...Во имя Духа, Сына и Отца
кровь не пролей. Кровь вопиет о мести.
Я буду сон свой помнить до конца
и, просыпаясь на одном и том же месте,
стирать кошмары с потного лица
и чувствовать
знобящий привкус жести...

Евгений Башта
1990

ОТВЕТ СЕРЖАНТУ

Евгений Башта

«Наша беда не в том, что мы не
смогли вовремя родиться, наша
беда в том, что мы не успели
вовремя умереть».

Сержант.

Неправда,
Ничего не было.
Расстрелянное солнце не вставало...
Не мы с тобой по берегу
Несли мальчишек на бушлатах.
И я
Не падал в траву,
Чеку срывая зубами.
И не по мне на бегу
Как по мишени стреляли.

И рация молчала,
И как молитву,
Радист не рвал эфир:
— Хоть кто-то, отзовитесь!!!
И на бинты полосовал тельняшку.
Не я
на чью-то спину падал,
И взрывом был отброшен навзничь,
И к вертолетам
Не тащил ты Сашку.

Неправда, не было убитых,
Ведь мы ни с кем не воевали!
Останки вертолетов сбитых
В кино каком-то догорали.

Неправда, не было ранений,
Госпиталей, халатов белых,
У знамени так неумело
Не мы вставали на колени...

И рация молчала,
И как молитву
Радист не рвал эфир:
— Хоть кто-то, отзовитесь!!!
И на бинты полосовал тельняшку.
Не я

на чью-то спину падал,
И взрывом был отброшен навзничь,
И к вертолетам
Не тащил ты Сашку.

Неправда,
Ничего не было.
Но прошу тебя, успокойся!..
Смотри, какое небо
Стоит над нашей землей...

Но рация молчит
И как молитву
Радист кричит в эфир:
— Хоть кто-то, отзовитесь!!!
И полосует на бинты тельняшку.
Там я

на чью-то спину падал,
И взрывом был отброшен навзничь,
Но к вертолетам
дотащил ты Сашку.

Но к вертолетам
дотащил ты Сашку!...

СТАРАЯ СОЛДАТСКАЯ

Евгений Башта

Ой ты, горькая судьбина,
Солдатчина — не малина,
Солдатчина — не малина,
С трёхлинейкой обручила —
Нет меня,
Нет меня нижее чина.

Ой ты матушка пехота,
Воевать-то не охота,
Воевать-то не охота,
Третий год уже в окопах
Кормим вшей,
Кормим вшей кровавым потом.

Нам пахать — мы убиваем,
Собой землю ублажаем,
Собой землю ублажаем,
Сеять б нам,
Сеять б нам, а мы стреляем.

Ой ты матушка пехота,
Воевать-то не охота,
Ой ты матушка пехота...

1990

СТАРАЯ СОЛДАТСКАЯ. (ЖЕНЕ БАШТЕ)

Михаил Малков

Ой вы братики мои, солдатушки...
Как привольно на Руси, как спокойно.
Возвращаются с войны
наши пушки,
возвращаются домой
наши кони.

Возвращаются домой генералы,
опаленные в боях солнцем красным.
Не напрасно мы, браток, помирили,
да и жили мы с тобой не напрасно.

Но как только перешел через реку,
да пистоль переложил в леву руку—
на чужбине хоть петух кукарекал,
на родимой стороне — нет ни звука.

На родимой стороне все спокойно.
Там про нас с тобой, кажись, не слышали.
Лишь заборы поднялись в чистом поле,
да и те позаросли лопухами.

И сказала мне старуха седая,
не от старости, от слез обессилев:
— Ты забудь, сынок, как пушки стреляют,
ты, сынок, не воевал за Россию...

Так неужели мы и не жили вроде,
иль полжизни проиграли в игрушки?
Жаль, спивается братва
и уходит.
Ой вы братики мои, солдатушки...

* * *

Я стрелял в живых людей.
По приказу.
И в меня стреляли. Война — слепа.
Но в меня никто не попал ни разу,
я надеюсь, и я
ни в кого не попал.

Мы сегодня пьём за свою удачу,
за чужой позор, за ничью вину...
Сыновья повторяют отцов. И значит,
сыновья будут тоже
играть в войну

и бежать вперёд, голося от злости,
в непридуманном сне, где горит зола,
под которой лежат ордена и кости, —
не любя войны
и не помня зла...

Михаил Малков
1998

У ПОРОГА 41-ГО

Евгений Гуров

Без огласки, без слов, без шухера
Смерть свинцовая все сметала
И однажды не стало Блюхера
И потом еще многих не стало.

Приговор от народного имени —
Это высших чинов награда.
И селились советские Минины
По баракам колымского ада.

Воевод со столетья царского
Воеводы другие сменили,
Но как князья не любили Пожарского,
Так и Жукова невзлюбили.

Сотворил же Господь галактику,
Где преследуют снова и снова
За разумную смелую тактику,
За разумное смелое слово.

Гитлер клин подбивал к Японии,
Сговорившись в военном торге.
А в палатах про то не поняли,
Не поверили даже Зорге.

И последняя информация
в те суровые времена
прозвучала как провокация:
Жуков твердо сказал: — Война.

Провокация — это наука нам,
На нельзя ж быть таким незрячим!
Образумьте товарища Жукова,
Он у нас что-то стал горячим.

Вольфы, Биттнеры, Шмидты, Мюллеры,
Разрезая ночной туман,
С неба русского образумили
В спящем городе киевлян.

«...Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
(и только после этого) нам объявили,
Что началась война...»

И взволнованным твердым голосом,
Провожая полки в поход:
— Отомстите, — сказал нам Молотов.
За Россию, за свой народ.

1989

* * *

Завыли юнкера, зайдя в пике,
и пошутили чуть из пулеметов.
И по кюветам рухнула пехота,
оставила дорогу налегке.

Какой-то лейтенант стрелял навскид
остервенело поминая Бога,
и пыльную надсадную дорогу,
но замолчал. Наверное, убит...

Я постарел навек за пять минут
от крика беженцев и придорожной пыли.
Как зубы, руки от бессилья ныли
и все казалось — вот, сейчас убьют!

Когда б меня выспрашивал народ,
что самым страшным мне в войне казалось,
я бы ответил им: — Такая малость:
Дорога... Лето... Сорок первый год...

Евгений Башта
1989

ШТРАФНОЙ БАТАЛЬОН

Евгений Башта

Да не трясись ты, поминая Бога!
Плывать на их СС! У нас — штрафбат!
Из наших лап есть только две дороги:
Одна ведет на рай, другая — в ад.
Брать высоту приказано в ножи,
Чтоб не греметь оружием на подходе.
И растворяемся мы, словно миражи,
В проложенном саперами проходе.

Нам сказал генерал:
— Кто вернется, тот будет прощен.
Отпущенье грехов дам полнейшее,
Как папа римский...
И уходит с надеждой в рассветную мглу батальон,
Дочитав на ходу в синих штампах
Измятые письма.

Как трудно оторваться от земли,
И сделать шаг навстречу этой бойне!..
Артиллеристы подавить вполне б могли
Того скота, что лупит с колокольни!
Пригнись, бродяга, под шальным огнем,
Ведь это бой, а не самоубийство!
И, хотя вряд ли до такого доживем,
Но если выйдешь — тогда выйдешь чистым...

Помнишь, — сказал генерал, —
Кто вернется, тот будет прощен.
Отпущенье грехов даст полнейшее,
как папа римский.

Две дивизии мертво за глотку схватил батальон,
Воронье обеспечив надолго
Поганою пищей.

Пой отходную, вот теперь — пора.
Из всех — в живых едва осталось трое!
Нет, вон он, маленький веселый старшина,
Стал как-то удивительно спокоен...
Что хлопаешь глазами, простота,
Сейчас расчет произведут и с нами!..
Оплачивать победные счета
Обходится дешевле
 штрафниками...

А не зря сказал генерал: — Кто вернется, тот будет прощен.
Отпущенье грехов даст полнейшее, как папа римский.
Знал, ведь, знал еще до атаки — на смерть обречен батальон.
Не ищите, родные, могил,
И не тратьте зря время на письма.

Так сказал генерал...

1987

ОХОТА

Александр Катохин

...Выдали наркомовских сто грамм,
Ох и крепок спирт, продрал, собака.
Лейтенант приказ дал: — Ну-ка живо по местам!
Через пять минут пойдём в атаку.

Рыхлым оползнем крался рассвет,
Натянув между жизнью и смертью канат.
Нас ни в прошлом, ни в будущем нет.
Настоящее наше — придуманный бред,

Впереди зондергруппа, а сзади —
Заградотряд.

И срывались зенитки на стон,
Шло в пылающем пекле все в мат-перемат!
Мы-то знаем, флажки с двух сторон,
Значит, будет охота на наш батальон —

Впереди зондергруппа, а сзади —
Заградотряд.

Выход есть один у штрафников:
Если праведник — в рай, ну а грешников — в ад!
Обложили, как будто волков.
Нет оружия, кроме зубов и штыков.

Впереди зондергруппа, а сзади —
Заградотряд.

...Зло гримассы корчила война,
Трехлинейку на двоих давали.
Вождь любимый наш и вся любимая страна
Нами жерла пушек забивали.

КОМБАТ

Александр Катохин

— Вот надавали сосунков!
Вперед! — кричал комбат. —
Я сделаю из вас орлов,
Отчаянных сорвиголов,
Я сделаю солдат!

Он забросил в траншею планшет:
— Нам любую ценой захватить этот мост!
Если ранят — тогда в лазарет,
А убьют — отнесут на погост.

Бежал, стреляя наугад,
Шептал молитву я...
— За мной! В атаку, сыновья,
И ни на шаг назад!

Распластался по полю рассвет,
Минометный огонь накрывал в полный рост.
— Если ранят, тогда в лазарет,
А убьют — отнесут на погост.

Зубов и нервов перепляс,
Чертовски жжет в груди.
Но выполнили мы приказ,
Мост взят был на четвертый час,
А где-то позади...

До окалины воздух прогреет,
Пуль и жизнью в прогорклom дыму перехлест.
Я вот — ранен, попал в лазарет.
А комбат угодил на погост.

БОМБАРДИРОВЩИЦА (ВЕДЬМОЧКА)

Евгений Башта

Девочка, ты к кому? Подожди.
На какую тебе войну?!
Ты к победе в тылу иди,
А понадобишься — призовут.
Ну куда ты, такая, пойдешь?
Там ведь страшно, там — смерть!
Мужикам порой невтерпеж,
А тебе и подавно, поверь...

Расчерчено небо в квадраты.
Как к вам это нелепо — «солдаты».
Смешан с весной запах бензина.
Рядом с войной — венок из жасмина.

Крылья дрожащие, — божья коровка,
Не самолетик — игра...
«Бомбардировщица...» Как-то неловко,
Зло между бровок морщинка легла.

- Лейтенант! Мигом к нач. штаба!
- По вашему приказанию...
- Какой это летчик, майор,
это ж баба!
- Извините, товарищ полковник,
у нас женский полк.
- Так к черту в зубы идти, понимаете?!
- За кого вы меня, извините, считаете?
- Да какой от нее в этом пекле,
скажите мне, толк?!!

— Баба?!
А ночи не спать, не баба?!
А бомбы таскать,
А с вылетов ждать,
А кожу сдирать с ладоней,
Копаясь в моторе,

Не баба?
Не баба?!
Не баба?!!

— Можешь идти...
Стой, лейтенант, нервы, прости.
Готовься к полету.

— Разрешите идти?
— Топай, доченька, топай...

— Ну, лейтенант, пусть тебе повезет,
Как говорится, ни пуха чтоб и не перьев...
— Всем от винта! 317-ый, взлет!

В сиреневый сумрак
над синей полоской деревьев!
Небо качнулось и ветром коснулось лица...

Огонь не переходят вброд.
В ночном пике кусая губы,
С неженской злостью стиснув зубы,
Самой себе кричать: — Вперед!
Не женская судьба — война?
А женская — выть по убитым?..
Пусть землю жрут теперь бандиты,
Мне есть за что воздать сполна!

Я накормлю вас, сволочей,
За папку, сына, брата, мужа,
Могильщика не будет нужно,
Не разберетесь, где там чей!
Не женская судьба стрелять?
А женская — ждать похоронок?!
Мой не родившийся ребенок
Кричит во мне:
— Мне страшно, мать!..

Ведьмочка, крылышки не опали
Над зенитным огнем.
Прокрадись у самой земли...

— Что, полковник, язык прикусил?
Зря, выходит, копытом бил,
«Баба, баба» — сам важный, как поп...

317-ый! Мессер в хвост!
317-ый! Выход прост!
317-ый! Вышел второму в лоб!..

...и сообщаем Вам, что Ваш муж (брат, сын, дочь — нужное подчеркнуть) геройски погиб, защищая рубежи нашей Родины.

Сентябрь, 1989

НОЛЬ ВТОРОЙ

Александр Катохин

...Ведущий, что-то рябит пустота!
Винт режет сердце, а ну — от винта!
И в рации треск — ноль второй! ноль второй! ноль второй!..
Огонь облизал с двух сторон фюзеляж,
Ну, милый, не отклонись, не промажь!
Все, ребята. Не ждите меня домой.

И, не сбивая пламени,
в колонну
направляю самолет.
Передо мной враги. За мною —
наш народ.

Ровно иду. Как страшный суд.
Кабина — жаровня. Смотри — бегут!
А в рации треск — ноль второй! ноль второй! ноль второй!..
А если вот так, в тридцать лет, умирать —
Красиво, чтоб с музыкой!
Так, твою мать!
Все, ребята. Не ждите меня домой.

Жму на гашетки!
Прощальный и крик и смех!
Передо мною враги, и надо,
чтобы хватило
на всех.

Вот мессер, еще один. Сейчас упаду.
Винт режет головы. А ну — к винту!..
И в рацию — будем жить, капитан! ноль второй!
Ну, с богом! Рвануло, вспышка!
Все!...

Меня обратно в небо несет.

Ребята, а пить — так за здоровье,
не за упокой!..

1993

* * *

Полнеба откусил закат,
Стерев кардиограмму сопок.
«Урала» черный дубликат
Размыла синь, стал вечер топок.
Натужно мается движок,
Таща на перевал поклажу.
Шепчу ему: — Ещё чуток,
И мы осилим эту лажу!..

Рисует трасса поворот,
Его копирую накатом,
Но только все наоборот —
По-прежнему иду вперед,
Но пустоту уже жует
Передний мост рифленным скатом.

Вбиваю молча тормоза
В резиновую кожу пола,
Несется ночь через глаза,
И не спасают образа,
Рельеф пикового туза
У пихтового частокола.

Утюжу бампером кусты,
И жизни нет, и время встало,
И, как горящие мосты,
Рвут фары небо в лоскуты,
Сдирая с памяти пласты
Под скрежет смятого металла.

Ложится сетью в высоте
Истресканное лобовое,
Лечу навстречу пустоте,
Жду боли — криком в животе,
Но ощущения не те,
И боли нет, есть мгла покоя!..

Евгений Башта
1989

АНГЕЛ

Александр Катохин

Прицельно снайпер бил — наверняка.
И на приклад отметину нанёс.
Хрипящий стон рванулся в облака,
И ангел в облака меня понёс.

Но почему бело, и судорогой свело?
Железное крыло
мне раздавило грудь.
— Присядем на дорожку? — молвил он. —
И в путь!

Мы поднялись, и я не видел звёзд —
От пуль прострелы и осколки мин
Зияли в черноте, как капли слёз.
И я был раб, а он — мой господин.

Не может так со мной, с пробитой головой,
другой это, другой!
Но что-то не вздохнуть...
— Присядем на дорожку? — молвил он. —
И в путь!

— Присядем, ну присядем! — я просил. —
Ну хоть на день... На час... Ты обещал!
Я не хочу! Своё я не дожил!..
Ржавел мой голос,
таял,
угасал...

Ответил ангел мне, как псалом в тишине:

— Убит ты на войне,

тебя уж не вернуть.

Прицельно снайпер бил, наверняка.

Так в путь!

1988

БОГА РАССТРЕЛЯЛИ В МАЙДАНЕКЕ

Евгений Башта

«Бог умер»

Ф. Ницше

Было ли — не было,
Или быльем запорошено?
Черное небо
Саваном под ноги брошено.
Черные лица,
Черная птица,
Черный приклад в спину.
Дрожью в коленях
Шаги по ступеням —
Руки от ужаса стынут.

Бога расстреляли в Майданеке
В августе сорок третьего
Над плацем флаги со свастикой
Трепал ласковый ветер.
Вывели из барака: — Юден?
С вами разговор краток. —
Видно нашелся Иуда
За тридцать измятых рейхсмарок.

От шмайсера не открестисься,
Нет исключений из правила,
В черном мундире женщина
Тернии на склад отправила.

И в воскрешении отказано,
Мол, идея милосердия убога,
Но в Священном Писании сказано:
Воздайте богово Богу.

Мир в ознобе мается,
И некому согреть его.
Ведь Бога расстреляли в Майданеке
В августе сорок третьего.

Было ли — не было,
Или былем запорошено.
Черное небо
Саваном под ноги брошено...

1987

* * *

Ты не сможешь забыть,
Хотя так будет проще,
Как встает на дыбы
Взрывом смятая роща.

В небе — дня трафарет,
Галки смешаны с дымом,
И тебе — двадцать лет,
И ты не был любимым...

Смерти смрадный провал,
Белый череп на тулье,
И как ты досылал
В него пулю за пулей.

Танки слева зашли,
Давят сорокопятаки
И кричат журавли
Словно ряжены в Святки.

И атаки до дна
Не испить, как ни бейся.
И жизнь — только одна,
Хочешь — плачь, хочешь — смейся

Захлебнувшийся крик
Твоего батальона,
Дыма серый парик
На испуганных кленах...

И, как с пулей в живот
Умоляют добить—
Ты,
Доколе живой...
Не посмеешь забыть!

Евгений Башта
1987

ЗЛОСТЬ

Александр Катохин

Когда от батальона только ты —
Оружьем штык, от злости пальцы ноют...
Уверен, что не взять им высоты,
Порвал зубами грязные бинты,
Они, спадая, шрам траншейный кроют.

А сам — пошел, ты так страшней,
Ты — воплощенье всех чертей,
Ты — в их собачьей глотке кость,
Ты — месть за батальон, ты — злость!

Вторые сутки держишься один,
Молчит твой автомат, они не лезут.
Боятся, видно нет среди них мужчин.
И замыкая журавлиный клин,
Как острие стапятидесяти лезвий —

Ты встал, пошел, ты так страшней,
Ты воплощенье всех чертей,
Ты в их собачьей глотке кость,
Ты месть за батальон, ты злость!

И тычет в грудь оранжевый рассвет,
Но так не смело, дулом похоронки.
И на семь бед всего один ответ,
И страха нет, и смерти тоже нет.
Как пульс стучит в ушные перепонки: —

Давай — пошел, ты так страшней,
Ты — воплощение всех чертей,
Ты — в их собачьей глотке кость,
Ты — месть за батальон, ты — злость!

Ты месть за батальон, ты злость!..

1987

* * *

Искалеченный прожитый день
Дохромал до изрытого поля
И обуглил дыханьем сирень,
Выворачивая память до боли.

Я попросил —
отойди,
мне обожженная кожа твоя
напоминает, как танки горят,
как я в прицеле мечусь,
во всех святых матерюсь
в этих черных руках января.

Ты упрям, ты заставил меня
Уцелевшей рукой стягивать траки,
И радиста тащить из огня
В захлебнувшейся этой атаке.

Но теперь пощади,
зачем тебе
память старых калек,
я без руки, мой забинтованный век...
Но не понять январям,
как люди в танках горят,
стреляют,
не выпрыгивая на снег.

Искалеченный прожитый день
Меня выгреб тогда из воронки...
Я сорвал, бросил в поле сирень
За отсрочку своей похоронки.

Да, я обязан тебе,
но по прежнему с болью прошу:
не приходи смотреть,
как танки тушу,
как снег горит на броне...
В прицеле я на войне —
звенья траков разбитых свожу.

Искалеченный прожитый день.

Александр Катохин
1988

СТАРЫЙ ФЕДОР

Александр Катохин

А ты все пыхтишь, старый Федор, пыхтишь,
хоть отжил свое
лет уж сорок назад.
Сидишь на скамейке,
сам с собою молчишь —
теперь лейтенант, а когда-то — солдат.
И рота твоя вся давно по печам
зализывает раны
прошедших боев...
А ты все в атаку зовешь
по ночам,
по улицам узким чужих городов.

Рванет
за углом тишина,
в серебряном небе развесив кресты,
и Молотов скажет: — Война!..
Опять
мобилизован ты.

Второй Мировой
мобилизован
ты.

И самокрутка сгорает, как танк...
Ты встал со скамейки, рванулся вперед!
Там нет больше флангов, а ты ищешь — фланг,
тот, на котором строчит пулемет.
А бабка твоя из окна позовет:
— Ведь ужин остыл, заходи-ка домой...
И ты остановишься, вытерев пот,
и выдохнешь хрипло: — Похоже, живой...

Ты, старый Федор, устал
Кричать: — Вызываю огонь на себя!
Но памяти тлеет запал,
И раны нещадно гудят...

Второй Мировой
Раны гудят.

1988

ПЕСНЯ О ВЗВОДНОМ

Александр Катохин

Предела нет восторгу всенародному,
Слух непривычно режет тишина.
И полушёпотом сказал я взводному:
Гляди, Серёга, кончилась война!

Вот санитарка Зиночка нарядная
От счастья, словно от вина, хмельна,
Поют ребята под гармонь трёхрядную
Гляди, Серёга, кончилась война!!!

Давай, браток, за старшиной!
Мы не стояли к ней спиной.
И ты живой, и я живой, ну — слава Богу!
Наркомовскую пусть несёт,
Ведь по окопам пятый год...
Не сломлен русский наш народ!
Давай, Серёга!

Не прятались в обозе интендантами —
Шли в полный рост под пули за страну.
С тобой мы были под Москвой курсанатами,
И вот — Берлин, закончили войну!

...Раздался выстрел, сразу я ответный дал,
Из гитлер-югенда заметив пацана.
Мой взводный с пулей в сердце на земле лежал,
И для него закончилась война.

Гляди, Серёга...

1986

БАТАЛЬОН

Евгений Башта

Выходит батальон из боя,
выходит из чужой ошибки.
Трубач истерзанной трубою
хрипит мелодии обрывки.

Выходит, не забрав убитых,
выносит рваные знамёна.
Ему плевать, что там, у сытых,
кому-то вешают погоны.

Кому-то вешают награды,
кому-то выдают наделы —
ему высоких слов не надо,
бинты и хлеб — вот это дело!

...Их выводили на рубеж
и говорили: — За Отчизну!
Патронов нет — зубами ешь,
но честь знамён дороже жизни!..

Ты перед боем не накуришься,
а перед смертью не надышишься.
Вперед, братва, отставить хмуриться
ведь это дело никудышнее!

...И с марш-броска без перекура
на шесть рядов чужой колючки:
— Штык — молодец, а пуля — дура,
вперед же, лучшие из лучших!

...И батальон шагнул вперед
за грань, и там уже — за гранью —
в шинель
ударил пулемет,
начав кровавое гаданье...

...Кому — бруствер скатертью
в небесные владения,
кому —
без ног на паперти,
кому — жизнь без прощения!..

...И закружил веселый бал!
ну кто сказал, что бой не Штраус?
он вальс за вальсом выдавал,
и так в тех вальсах танцевалось!

...И партнерш им хватило сполна,
им, безусым, не знавшим седин!
И вот, рота, смертельно хмельна,
улеглась на перины равнин.

Но веселие шло все сильней,
и летал дымно-огненный фрак
от припудренных взрывом траншей
к яркозубым улыбкам атак.

А потом выходил батальон
на погосты, не взяв мертвецов —
в горьком шорохе пыльных знамён,
жалкой стайкой столетних юнцов...

...Выходит батальон из боя,
выходит из чужой ошибки,
трубач истерзанной трубою
хрипит мелодии обрывки...

1989

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Михаил Малков

Собирался старик
на последний парад,
сердце стиснула горечь тупая —
в День Победы
отчетливо понял — пора,
знать, Последний Парад наступает.
Бог с ним, не генерал, даже не капитан,
две контузии, восемь медалей...
Две далеких войны
шли за ним по пятам,
да похоже, пока не догнали.

Никому не сказал, просто понял — пора
воротиться назад, в Сорок Пятый.
Выпил водки чуток...
(Не велят доктора,
только как же без водки солдату?..)
Усмехнувшись, сказал — выпьем, друг боевой,
помянув братка-одногодка.
Столько лет не дрожавшие
губы его
обжигала холодная водка.

Собирался солдат, вспоминая как жил,
плен короткий, бараки под Мценском,
как бежал, и как быстро
тупились ножи
перед взятием города Энска.
А собравшись — из дома солдат выходил,
будто перед атакой, спокойный,
и гремели медали на старой груди,
заглушая набат колокольный.

На последний парад... Остальное — мура,
ерунда — демократы, валюта...
Лихо выпятил грудь,
чтобы крикнуть — Ура-а!!!
под победные залпы салюта.
Разорвался в ночи ярко-огненный шар,
рассыпая багровые пятна...
И в холодное небо
рванулась Душа,
и забыла
вернуться обратно.

1993

ШУТ и БРАТ МОЙ

ШУТ И БРАТ МОЙ (АЛЕКСАНДРУ БАШЛАЧЕВУ)

Евгений Башта

Свет не может быть пойман
и спрятан карман.
Мы в полете свободны,
лишь идя на таран,
Траектория штопора не нравится, но
В небе нету упора...
«in vino»...

Жизнь — вот пьяная девка,
рисует винты.
Не обломлено древко,
еще мы на «ты».
Но под крыльями, чуешь,
осклизлое дно?!
Кто тебя заврачует?..
«in vino»...

Ну кому эта спешка в крученовский рай?
Для нас хватит полешков,
к чертям, погоняй!
Я рискну, дернет веко
истерика зло.
Снова треснула дека...
«in vino»...

Я в березовом стоне
раскачал купола.
Это что-нибудь стоит:
была — не была!

Крикунов на дележку
похмелье свело.
Начинаю рулежку...
«in vino»...

Кто меня зафрахтует, какая карга?
Святых мест не пустует —
вот и вся недолга!
Отпечталось тело
растерянно-зло.
Я взлетел, Азazelло!!!
«in vino»...

.....

*«А рядом, у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
„in vino veritas!“ кричат.»*
(Ал. Блок)

1989

У ПОЭТА ПУТЬ НЕ ДОЛОГ

Михаил Малков

Ой ты Господи, Госпо...

ди

...ким холодом поне...

сло

...во за слово,

лица заспаны,

окна грязные

вечны...

Дай мне Бог вопреки судь...

бе

...лым соколом по не...

бу

...дут жить люди,

песни петь будут,

дай им Бог,

и то — ладно!..

У поэта путь не долог по снегу да по золе.

У поэта нету дома, нет приюта на земле.

Украду

ключи от рая,

а потом — суди, Господь.

Мы себе не выбираем

ни судьбу, и ни господ.

Наша ветренная муза — то рабыня, то княжна.
Но, как женщину от мужа, музу гонит прочь жена.
Потому-то
наши жены
службу вечную несут.
Но если души обожжены —
жены, жены не спасут.

Какая белая метель,
я не вижу в темноте.
Не осуждай меня, душа,
что не хочется дышать...

То ль метель такая долгая,
То ли ночь такая длинная...

1990

СОН БАШЛАЧЁВА

Евгений Гуров

Небо, полное сна, мне наполнила осень
И не видно в нем дна, только синие ночи.
Чтобы свет не погас в небе звездным Эдемом
Пишет сон богомаз лишь воландовым кремом.

Я решил походить по божественным видам
Сон спросил: — Послужить тебе ангелом-гидом?
Так и быть послужу. Вот к Эдему дорога
Кстати, там покажу тебе нашего бога.

Кстати, вот он — наш бог, сохрани его боже
С допотопных эпох плюрализм бога гложет.
Бесы стонут в аду, даже рай слышит стоны,
У святых на виду жгут святые иконы.

С каждым годом наш край все цветет, расцветает.
Хочешь знать где же рай? Да Господь его знает.
Может там, где стою, аль за божьим жилищем?
Как засели в раю, так с тех пор его ищем.

Слыша весь этот бред, в своем собственном доме
Я следил как рассвет — там, в оконном проеме —
На объятых креста, как по черному мелом,
Вместо бога Христа осветил мое тело.

Тонкой нитью душа держит плоть — как бы бремя,
Возле ног не дыша спит бескрылое время.
И двенадцать сердец, сжав персты для набата
Целясь прямо в торец долбят в дверь циферблата.

Сон мне шепчет: — Оставь эту спящую птицу,
Это мервая явь, нам пора возвратиться!
Вон с подземных сторон с просьбой выдать ей тело
На холодный бетон смерть, курлыча, взлетела.

Не ходи дальше, брат. Под ногами не бездна
Если влипнешь — не в ад, а в бетон у подъезда.
И с небесных квартир не поймут божьи лица
Заглянув сверху в мир, с кем простилась столица.

Оборвется твой сон, продолженья не будет,
Самый жалобный стон твой покой не разбудит...

...Господин богомаз, я давно уж разбужен
Как ни грустно без вас, гид мне дальше не нужен.

1990

ПОСВЯЩЕНИЕ А. ГАЛИЧУ

Евгений Башта

«Когда я вернусь, ты не смейся,
когда я вернусь»...

А. Галич

Вот как оно аукнулось,
С чужих помин похмелье.
Хотелось в сердце стукнуться,
А вышло — новоселье,
Не улицей, не городом,
А целой заграницей,
Где, в общем-то, без голода,
Да не родные лица.

Что ж вы, поэт, не замолчали,
Поняв, не будет перемен?
А успокоили печали
Холодным камнем Сен-Жермен...

Уходит в ночь, как будто в вечность,
Подняв крылатый воротник,
Мудрец, мальчишечка беспечный,
России пристяжной должник.

А вертухаи и сейчас все с наградами,
Только вот — вождя избесчестили.
Да учитель, не больно-то надо им,
Ведь у них персональные пенсии.
И сидят они славненько вечером,
Поминают денечки веселые,
Им сейчас все равно — делать нечего,
Только внуков наставлять после школы.

Ну и черт с ними! Это не главное.
Вы скажите, как Вам у Господа?..
Там, где все друг пред дружкой равные,
Не возвеличены постами да тостами?

И с пленочки старой, закрученной,
Сглотив набежавшую грусть,
Ответил мне голос измученный:

— Когда я вернусь,
О Боже, когда я вернусь...

1989

* * *

— Доброе утро, Бах, — говорит Бог.

— Доброе утро, Бог, — говорит Бах.

А. Галич

Колючий остов костела
Рыбьей костью мешает небу.
Солдатская готика слова
Для молитвы как-то нелепа.

Покорные люди на черных скамьях,
Пастор, закованный в панцирь сутаны.
Заучены чувства, молитвы жеманны:
— Как ты посмел быть живым в этом храме?
Ответствуй святейшим, еретик Бах!

Всяк должен помнить божественный страх.
Кто мы? Всего лишь черви земные.
Страх убивает желанья любые,
Как ты посмел вызвать слезы живые?!
Ответствуй святейшим, еретик Бах!

Он отвернется, стащит парик,
И, не дослушав, пошаркает к дому.
Кости болят, тело ломит истома,
Вот ведь нелепый и вздорный старик...

А ночью к нему спускается Бог,
Садится на стульчик рядом с маэстро,
И говорит: — Слушай, Бах, ты бы смог
Сыграть что-нибудь потеплее, чем месса?

И свечи стекают на старый клавир,
И Бах улыбается, все понимая:
— Трудно тебе, Бог, согреть этот мир...—
И руки ложатся на старый клавир.

И Бог улыбается, все понимая.
— Трудно, конечно, согреть этот мир,

Труднее тебе, Бах,
меня согревая...

Евгений Башта
1990

ПОСВЯЩЕНИЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Евгений Башта

«Квиты: вами я объедена,
Мною — живописаны.
Вас положат — на обеденный,
А меня — на письменный...»

«...Каплуном-то вместо голубя
— Порх! душа — при вскрытии.
А меня положат — голуу:
Два крыла прикрытием...»

М. Цветаева

Тоска твоя темна, как темен век,
Пришедший к изнасилованью слова.
Как прежде, в мире ничего не ново,
И падает на землю чахлый снег,
И вот, тоска темна, как темен век...

Но нимб петли качнув над головой,
Взлетаешь над измученным проселком,
Оставив лес с осиротевшим волком, —
Туда, где у ворот не часовой.
Взлетаешь, нимб качнув над головой...

Там ждут тебя, тебя — одну из всех.
На письменном столе оставив тело,
Ты будешь с теми, с кем в стихах кипела,
За этот ад — любой отпущен грех.
Лети, там ждут тебя, одну из всех...

Тоска твоя темна, как темен век,
Но лик твой светел и любовь хрустальна.
Не выпачкана золотом сусальным
Икона Богоматери. Как снег,
Печаль твоя чиста. Но темен век...

1990

ПОСВЯЩЕНИЕ А. БЛОКУ

Евгений Башта

Ты гениален, варвар —
Невозможно...
Томящим лавром
Не стреножен,
Беснуйся же —
Дитя,
Фанатик,
Гунн,
Как солнце на ноже —
Провидец,
Лгун...

Танцует Коломбина замороженно —
Так падает с крыла
перо.
И зажимает рану осторожно
Не клюквой истекающий Пьеро...

Ты надпространственен,
Безумец,
Ты слишком царственен,
Образумься, спустись —
Предтеча, мальчик, раб!
Немее кисть...
Рука...
О, Командор,
Ослабь!..

Танцует Коломбина осторожно,
И еле слышно плачет о Пьеро.
Но зажимает рану заморожено
Свидетель, потеряв с крыла перо...

1990

ПОСВЯЩЕНИЕ В. ВЫСОЦКОМУ

Евгений Башта

«Он сказал за всех...»
Усмешка или пощечина?
То ли плач, то ли смех
В сжатом горле щекочется.
Он сказал за всех —
Что ж, мне нечего
Больше рваться вверх,
Коль на все отвечено...

Он сказал за всех,
Нет ни щелочки.
Не такой уж грех,
Да смеются ж, сволочи!..
Дробит зубы крик —
Зря, гневой, балуешь!
На иконе лик
С лошадиной глядит
Усталостью...

А губы удила изодрали в кровь,
Да плевать, не жаль глупых пьяных слов!

А то, что он сказал
За всех —
Мне не верится.
Это только первый снег
Лег под деревце...

1988

ДУЭЛЬ ПОСЛЕ МАСКАРАДА

Михаил Малков

Жан Леон Жером. Дуэль после маскарада.

Холст, масло. 1857 год.

Государственный Эрмитаж.

Жене Баште

...мой брат, городской сумасшедший, поэт,
что толку в холодном, как ночь, разговоре?
Но ночь коротка, просыпается море,
и море зовёт...
собирайся, Поэт...

Не пёс на цепи — проржавелый баркас,
иди же, он ждёт, он тебя не покинет!..
Но в тысячный раз, и в стотысячный раз —
твоя роковая дуэль с Арлекином

опять неизбежна. Погасли огни,
луна освещает холодные ножны,
и море зовёт тебя... повremени...
но выбора нет,
если выбор возможен.

Бескрайний простор ли, короткая цепь?
Путь выбран не нами, и всё не случайно,
неправда, что мы умираем в конце,
неправда, что мы
умираем в начале —

поэты бессмертны. Поэтому путь,
наш путь не годами — минутами выслан.
Поэты толпой называют толпу,
и платят словами,
лишёнными смысла...

1990

МОЙ ГАМЛЕТ

Евгений Башта

Я может быть закончу на игле,
два куба воздуха пустив по вене.
Старик Шекспир и не узнает о подмене
актера, подставшего в игре.

Лаэрта нет. И остается шприц —
замена всепрощающей рапиры.
А вы — ищите нового кумира,
и перед ним уже валитесь ниц.

Плодимся в безвоздушьи городов,
среди домов и страшных снов кубиста,
среди надежд, давно лишенных смысла,
среди теней, поступков, дней и слов.

Я знаю, те, кому мой век на откуп дан,
дрожа за честь измызганных мундиров,
самоубийце не споют: — Покойся с миром,
провоют сладострастно — Наркоман!..

Я выбираю меньшее из зол.
Поднявший меч — Творца не убоится.
Есть истина в пустом цилиндре шприца.
Закройтесь поплотнее — я пошел...

Мозг в кислородном голодании страны
теряет разум и остатки воли.
Я кажется всерьез безумьем болен,
прося Любви, Пощады, Тишины...

Виновен в том, что не нашел ответ.
И в том, что в этом мире смрада столько,
в чужой тоске, в том, что кому-то больно,
не смог помочь — зачем зря мучить свет?

1989

* * *

Мир теней тлетворно горек,
Всюду ямы и кресты.
Йорик, Йорик, бедный Йорик,
Неужели это ты?

Неужели в этом чреве
Находился разум твой?
Неужели этот череп
Был твоею головой?

Сотворенный не для лести,
Но, как мысли проводник,
Неужели в этом месте
Изгибался твой язык?

Ты им тешил нас, а ныне
Тешишь Господа в раю.
Что ж ты зришь, как из пустыни,
В душу светлую мою?

Евгений Гуров
1990

ПРОЩАЙ, ГАМЛЕТ

Евгений Гуров

И сталь и яд вонзала в грудь рапира.
Пустым стоял отравленный бокал.
И снова умирал герой Шекспира,
Вливая в раны холод датских скал.
Угас огонь последнего куплета.
Его слова понятны и просты.
Не думали тогда, что в это лето
Земля плодит могильные цветы.

Вновь возле кассы мечутся, как тени...
Толпа людей, и переполнен зал.
И снова умирал актер на сцене,
Но что умрет, и навсегда — никто не знал.
А где-то рядом шла олимпиада,
Рекорды ставили, штангисты брали вес.
И злая весть, страшнее камнепада,
Незримым трауром спускалася с небес.

В театре люстры гасли, словно свечи,
На сцене зажигался тусклый свет.
Билетов больше нет на этот вечер.
И человека в этом мире больше нет.
Последний выпад сделала рапира,
И обезлюдел театральный зал.
В костюме Гамлета уснул герой Шекспира,
Уснул вдали от мрачных датских скал.

Магнитофон как книгу я раскрою,
И вижу в нем Каретный и Париж.
Над нашей грешною, мирскою суетою,
Ты в темном космосе невидимый паришь.
Какие сны тебе в том мире снятся,
Об этом нам пока не ведал бог...
Ты — как Христос, к народу стал являться,
Пройдя по лезвию нехоженных дорог.

1989

ГОРЫ

Евгений Башта

Эхо рвануло крик и раздробило о скалы.
Надо же так влететь, рукой до вершины подать!
Я не заметил как,
оглянулся — он падал,
Да это неважно теперь, — главное — удержать!

Страховки струна
Пуповиной связала.
Держись, старина,
Я начну сначала!

А сил, как назло, больше нет, и ноги скользят по откосу.
Что ты там мне кричишь? Какой еще, к дьяволу нож?
Что я скажу внизу? Что я в ответ на вопросы
Дома найду друзьям? Ты слышишь, веревку не трожь!

Стало вдруг так легко... Что же ты, друг, наделал?
Вот получилось как — не хотел, а — предал.
Болью изрезанных рук трясу стеклянное небо,
И капли холодных звезд падают за перевал.

Одна судьба
Нас с тобой связала.
Держись, старина,
Ты кричишь из провала...

1989

ЗАУПОКОЙНАЯ

Александр Катохин

Ждут от меня фурора на параде,
Но, во избежании долгов,
Не представят мертвого к награде
Лишь за то, что пел я про волков.

Проходят сквозь меня,
меня не замечая —
воинственная клика наймитов и суфлеров.
Ждут часа своего, поскольку точно знают —
ночь после битвы — ночь для мародеров!

Мне сказал Господь, что я бесправен.
Крест сорвал с цепочкой у пивной.
Утром выпивал еще за здоровье,
Вечером — уже за упокой.

И потащил я воз, в упряжке выдыхаясь,
Куда, зачем — не знал, понять мешали шоры.
Погощик мне опять напоминает:
— Ночь после битвы — ночь для мародеров!

У меня на вожжи аллергия.
Жизнь свою постылую кляня,
Упырям я продавал Россию,
Точно так же, как она — меня.

В котле у них варюсь,
души не ощущая,
В ней пепел и зола, и те — растащат воры!
Я всем, кто пожелает, завещаю
Ночь после битвы — ночь для мародеров!

...Сегодня умер бард,
Сегодня можно все!
И песни кто в ломбард
Сегодня понесет?..

1989

ДЛЯ ЧЕГО

Михаил Малков

— Для чего мы живем, поэт?

Для веселой игры,
чтоб скатиться
с вершины лет,
как на санках — с горы.

— Для чего ж такая игра?

Для бессонных ночей,
чтобы старый
усталый раб
вдруг проснулся — ничей.

— Ты забыл, что рабы — не мы?

Нет, я просто не знал,
что однажды,
в конце зимы,
наступает
весна.

1998

ЗАПОМНИТЕ МЕНЯ ЖИВЫМ

Евгений Башта

Запомните меня таким:
Слегка смешным, немного грустным,
Живое отыщите чувство
В гротеске нервных пантомим.

Запомните меня шальным,
Хмельным, уверенным, усталым.
Запомните таким, как знали,
Я не хотел бы быть другим.

Запомните меня таким,
И я приду к вам на рассвете.
Я буду счастлив вашим детям,
Как не родившимся своим.

Запомните и день и дым,
Усталых женщин на вокзале,
Когда меня вы провожали.
Запомните меня живым!

1987

ТРИПТИХ

Евгений Башта

– 1 –

...И сказал председатель суда: — Эпилога не будет.
А последнее слово оставь для иных прокуроров...
И примкнувши штывки, встав с боков, два вершителя судеб
повели меня в небо
пустынным ночным коридором.

Ныл фонарь на ветру у стены, где кончается время...
И один, с бородатым лицом византийских святых,
протянув папиросу, сказал:
— Покури, сучье племя,
покури, подождем, нам не к спеху,
так, мать твою в дых.

Я, затяжки считая, вспомнить важное силился что-то,
но сгоревший табак сделал пеплом земные дела.
И, услышав команду стоявшего возле расчета,
вместе с залпом рванулась душа
по нарезке ствола.....

– 2 –

...От свинца ни трезв, ни пьян,
Я увидел господень дом.
Вдоль забора — густой бурьян,
Да шаром покати кругом.
У ворот — непролазная грязь,
Да прогнившие насквозь столбы.
Но вошел я в ворота, крестясь,
Хоть при жизни и не любил.

За воротами — серый дождь,
Придорожный холодный кабак,
У дверей сквозь похмельную дрожь
Седой калека просил пятак.
За кабаком начинался Рай,
На библейский — нет, не похож —
Роль дворца исполнял сарай,
А в сарае шел пьяный дебош.

На дворе выл промокший пес,
Рядом типчик сидел в пиджаке.
Я спросил его: ...где ... Христос?
Он ответил: — Ищи в кабаке...

-3-

Среди тараканов, в сальном чаду,
Где с трудом пробивается свет;
Где душу трижды запродадут
За стакан. Только спросу нет;
Где пьют и мычат, матерятся и пьют,
Где шестерки наглее крыс;
Где легко полюбят, легко убьют,
И давно исчез всякий смысл —
Там, в темном углу, за липким столом,
Растирая ногой плевок
И слушая общий безумный псалом
Сидел мой пречистый Бог.

— Я жил в дерьме, я дерьма хлебнул,
Ответь, Святитель, за что?
Я верил, а ты меня обманул —
Я верил, а ты... за что?..

Ибо не знаю, что делать теперь,
По какому идти лучу...
А он с усмешкой ответил: — Поверь,
Я тебе не солгал ничуть.
По делам и вере воздастся всем,
Сами строите Рай и Ад.
Ты думал: ждет тебя облачный крем,
Но давай, обернись назад —
Ты мало делал, но много хотел,
Ржой изъела сердце тоска.
А над Россией — все та же метель
И сивушная вонь кабака...
Если хочешь, давай, возвращайся вниз,
Или — иди в сарай.
Тут третьего нет, и, как не крутись —
Из этого выбирай.

Он закончил и про меня забыл,
А я злой и голодный, как зверь,
Хлеба купил, соли купил
И молча вышел за дверь...

...Я увидел чье-то лицо над собой,
Потолок, белый кафель стен.
И сыграла смерть своим слугам отбой
На исколотых трубах вен.
Врач сказал: — Теперь будешь долго жить,
Ты в рубашке родился, сынок...
Было горько во рту и хотелось пить,
Но, собрав все силы в кивок,
Просипел в ответ: — А куда спешить,
Буду жить, все нормально, док...

Ноябрь 1990 года.

Одно из последних стихотворений Евгения Башты.

* * *

Смотрите! Он — мишень, разжаты губы!
Христос на плечи возложил ладони.
Молчат пока архангельские трубы,
Он неподсуден, он еще в законе.

Хватает темы, будто побируха,
К порогу от порога плетью гонят.
В глазах темно, и в медном горле сухо,
Он неподсуден, он еще в законе.

В затылок смотрит дуло, в лоб — дорога.
Он в чей-то след, или за ним погоня?
До геноцида времени немного.
Поторопись, пока еще в законе.

Но, харкнув кровь с последними словами,
В затвор,дохнувший гарью от патрона,
Он скажет: — Спел как мог. Давайте сами.
Мой голос объявили вне закона.

Кто этот пятый? Кто же тот, десятый?
Кто песню понесет и не уронет?
Кто не Варавва, кто сейчас — распятый?
Кто вне закона, будучи в законе?

Александр Катохин
1988

ПО ГОЛОЛЕДУ

Евгений Башта

Улицы, улицы, улицы...
Дома, машины, прохожие.
От холода люди сутулятся,
Стараясь идти осторожнее

по гололеду.

Скользит под ногами песочком
Присыпанная мостовая.
Кто-то отбил себе почки,
Спеша к остановке трамвая

по гололеду.

Небо задернуто тучами,
Ветер бьет по лицу.
Смотрите вокруг получше,
Переходя через улицу

по гололеду.

Не говорите лишнего,
Пейте воду и соки,
Радуйтесь, что еще дышите —

У жизни разные сроки
идушим по гололеду.

1989

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... ПОСЛАНЕЦ.

Евгений Гуров

Однажды Башта гулял по ночному, новогоднему Орлу. Внезапно перед ним на огненной лошади возник Посланец Вселенной.

Он посадил Башту рядом с собой и унес к звездам.

Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей.

1995.

ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПТИЦЫ

Михаил Малков

Я мечтал о несбыточном этом —
не сбылось, не случилось, не вышло...
Чтобы быть по анкетам — поэтом,
в документах писаться — поэтом,
чтобы мама варенье из вишни
наварила в нелепом сосуде...
Не сбылось, не случилось, не вышло.
Слышишь, перья скрипят? Это судьи.
А за ними приходят убийцы —

Птицы мы. Перелётные птицы.

Я устал разбираться в оттенках;
есть надежда — последняя спичка.
Вот — иду по туннелю сквозь темень,
натываясь плечами о стены,
и всё жду за спиной электричку...
Но она не торопится, медлит!
Есть надежда, последняя спичка —
Света, Господи!
Верую, внемлю...
Но не дрогнут у Бога ресницы —

Птицы мы. Перелётные птицы.

...или нет мне до этого дела?
Или снег выпал ночью не белый?
Или птицы зимой не летают?
Или в марте сугробы не тают?

Перевёрнуты ветром страницы —

Птицы мы.

Перелётные птицы...

28 декабря 1990, Архангельск

В ночь на 1 января 1991 погиб Женя Башта

* * *

Грустный ангел на перекрестке
Крылья мокрые опустил.
Грустный ангел, правила жестки,
Ты вымочил крылья, а я — спалил.

Грустный ангел, мадонна следом
За тобою уже идет.
Грустный ангел, твой путь неведом.
Грустный ангел, гадалка врет!

Грустный ангел, лица не видно,
Нимб опустился, будто чалма.
Грустный ангел, а мне обидно,
Что постепенно схожу с ума.

Грустный ангел, в дверях с косою
Смерть одеждами шелестит.
Грустный ангел — ты был мечтою.

Грустный ангел не прилетит.

Александр Катохин
1991

* * *

Слова уходят. Остаётся память.
Но память на Земле — пустое слово.
Пусть розы, те, что дороги шипами,
Горят в пожарище венков еловых.

Черты лица и старых фотографий
стираются. Уходят. Это — Время.
Приходит время новых эпитафий,
и гениев, и доблестных творений —

приходит Время. И уходит Время.
И правит Время слугами своими...
Нам хватит слов, побед и озарений —
слова уходят. Остаётся Имя.

Осталось только имя для молитвы...
Языческий мой бог, мой брат по крови,
за нами остаётся поле битвы,
а за тобой — икона в изголовьи.

За нами, за тобой, за ним, за ними...
Устал твердить себе — не надо, квиты!
Слова уходят, остаётся Имя,
осталось только Имя
для молитвы.

Языческий мой Бог...

Михаил Малков
Январь 1991

ЕВГЕНИЮ БАШТЕ

Александр Катохин

Не протянет руки
Ни сейчас, ни потом,
Он у мёртвой реки
Ждёт священный паром.

Сердца выдрала клок
Свора лютых собак.
Как там с водкой, дружок,
Да и с песнями, как?

И, в угоду волкам,
Всех откормленных лис
По российским дворам
Отпоёт гитарист.

Был заложник тоски?...
Или грустным шутком?
Он у мёртвой реки
Ждёт священный паром.

Январь 1991

* * *

По дороге устланной цветами,
небритый ветер
понесло и замотало.
Ребята,
мы не знали с вами,
что есть понятие усталости металла.

Эх, хохма,
накричал себе на смерть!..
Мотал ты песни на друзей, будто волокна.
Небритый ветер,
ты врвался в дверь,
а уходя —
захлопнул дверь и окна.

Александр Катохин
Январь 1991

* * *

Вот снова я по краю прохожу,
Унылых строк выдавливая крохи.
Вот снова я по краю прохожу.

Метались в небе звезды-скоморохи.
Я к пестрым звездам глаз поднять не смел.
Метались в небе звезды-скоморохи.

Мотив оборванный в груди болел.
Мне время дегтем вымазало крылья.
Мотив оборванный в груди болел.

Я думал сон... Все оказалось былью.

Александр Катохин
Январь 1991

БЕЛОЙ ТОЧКОЙ В ТЕМНОТЕ
(НА ПЕРВУЮ ГОДОВЩИНУ...)

Михаил Малков

Белой точкой в темноте самолетик улетел
Тише, Танечка, не плачь,
Не утонет в речке
Твой любимый старый мяч, что ему — за печкой...

Деревяная изба, окаяная судьба
Тех уж нет, а те далече...
Безымянная звезда.

А за окнами — метель,
Не кончается метель
Ничего вокруг не видно —
Самолетик улетел...

Самолет летит легко,
Он поднялся высоко
Над могилами друзей, над квартирами врагов,
А в старом доме на плите
Выкипает молоко.

Вот и сказочке конец, а кто слушал, да услышит
Все даруется нам свыше...
Кто смеялся, кто стрелялся,
Кто уехал,
Кто остался —
Вот и сказочке конец

Самолет летит — туда,
В самолетике — беда,
И летит ему навстречу
Безымянная звезда.

Тише, Танечка, не плачь,
Не утонет, не утонет...
Самолетик — тот же мяч,
Тот же крестик на иконе.

А за окнами метель,
Скоро год метет метель!
Крестик...самолетик...мячик?..
Плохо видно в темноте.

Декабрь 1991

РЕКВИЕМ

Михаил Малков

Вот ещё один из нас
Обессилел,
И не то, чтоб свет погас
По России;

И не то, чтоб вспомнил кто —
Незаметно.
Так, ушёл в запой, потом
Канул в лету.

Пьяный кореш голосил
В изголовьи —
Сколько боли на Руси,
Сколько крови...

...Не рожала меня мать быть поэтом,
а рожала меня мать быть счастливым...

Дай мне, Господи, немножечко света,
дай поверить в то, что всё не напрасно,
что когда-нибудь воротится осень,
или просто будет что-то на смену...

Кто-кого?
Когда Косая поманит,
Кто найдёт,
Что показать ей в кармане?

— На, родимая, не веришь —
потрогай!
Но до смерти далеко,
как до Бога.

l b m x... ^ v,, e l | € q z t % o p
 x | { . s w y w. € n
 \ x i z q u n v, ^ y q z {, w z
 w { x y w y w € h z { k

V n y w o i t ù n v û i { . j,, { .. x y w y w s w u
 i b y w o i t u i n v û i { ... x y w z { z w v i

M i r u v p L w z x w m q r m ^ w y w l i
 j,, { .. x w † { w Q b € { k, j, y i z { q { m. w € s |

` n t w k n s w q m q l { w l q b v j r w t ... , n
 q b v u n n v ..., • k q m q l { w l ` n t w k n s. w u

h b ~ u n t d t i l w m i, y †
 Z t i k i j w l |
 Q t q z b € % o y l { w k u w y †
 X w v n u v w l |

— V n x,, { i r z ^ z w k n y • q { ...
 ` | m w m n r z { k w
 U n y { k n v i n w { x w q { ...
 V n v i m n r l z ^

X ... ^ v,, s w y n l w t w z q t
 K b q p l w t w k ... q
 Z s w t ... j s w t q
 v i Y | z, q s w t ... s s y w k. q

V n y w o i t ù n v û i { ...
 j,, { .. x w † { w u
 V n y w o i t ù n v û i { ...
 j,, { .. x y w y w s w u
 V n y w o i t ù n v û i { ...
 j,, {

* * *

Мне сказали — готовься. Я понял — готов. Через миг
я миру явлюсь и пройду этот радостный путь,
от клеточки малой, от стучка живого тепла
до первого крика. И кто-то услышит
мой крик...

Я буду рождён неизвестно в которой стране;
Я буду зависим от звёздного кавардака;
И новая мама — до срока — неведома мне,
но прежнюю мать я отчётливо помню, пока —

Пока не родился в восьмой ли, девятый ли раз,
пока я бесплотен, пока невесома душа.
Я должен вернуться, мой Ангел, настала пора,
меняю способность летать на возможность
дышать.

...Я помню — был город чужой, и чужой карнавал,
где я, чужеземец, удачно смешался с толпой.
Я не был там раньше,
но улицы я узнавал,
я не был там раньше? Не помню, не помню,
не по...

Но чтоб не свихнуться — скажи мне, мой Ангел, скажи,
что каждый обязан (обязан, должно быть, и я),
повторно родившись — забыть предыдущую жизнь,
моё воскрешенье — граница не-
бытия...

О, замкнутый круг, под коротким названием — ПУТЬ...

Дорога длинна — говорит преподобный Гален.

Бежать от толпы, чтобы снова вернуться в толпу:

Материя. Дух. Ностальгия.

Бессмертие.

Тлен.

Михаил Малков

1994

БЕЛЫЙ СМЕХ...

Михаил Малков

Белым смехом смеются чайки.
Белым смехом смеются дети,
созерцая проблемы взрослых
и проделки котят и кукол;

Молодые смеются чистым,
озорным и Ярко-Зелёным,
поминутно переходящим
из Зелёного смеха в Красный;

Жёлтым смехом смеются злаки,
вспоминая сухое лето;
Жёлтый смех — седина и мудрость
с лёгким запахом валидола.

Но когда наступает время
для скупого Чёрного смеха —
на неведомой нам границе
Чёрный смех переходит в Белый...

1998

ЛЕБЕДЬ УЛЕТЕЛ

Александр Катохин

Памяти Володи Грачёва

Были времена,
был коронный друг.
Девочка пьяна,
не чета подруг.
Лебедь улетел,
крыльев не оставил
мне.

Лоскуты судьбы
брошены в очаг,
оргии следы
в просящих очах
длинных февралей.
Тени
на моем плетне.

У меня
есть свеча,
я поставлю свечу к образам.
И ему
этой песней воздам
за полёт.
Холодно и лёд...
Лебедь улетел. Он во мне живёт.

Как в колодезь яд —
лебединый пух,
тает слабый взгляд
в памяти подруг.

M n k w, €-s w { { , ,
 k w k € n y i
 n l w k w p . ! . u q

Y w z z s i, p k v q i v . . . %
 j | m { w b y , w o w . u
 Q b v k w y w v ... %
 k , , j q t w s y , , t w +
 t n j n m | t . n { n t
 x n y n j w l w € q z {
 q b x y n t m u q

\ u n v ^
 n z { z k n , € i
 ^ b x w z { i k z t n € | b w j y i p i u
 Q b n u |
 † { w x n z v r k w p m i u
 p i x w t % {
 ^ w t w m q l w t % m
 T n j n m | t n { n t W v k w u v n o q k % {

^ w t w m q l w t % m
 T n j n m | t n { n t
 W v k w u v n o q k % {
 ^ w t w m q l w t % m

T n j n m | t n { n t
 X n y n j w l w € q z {
 q b x y n t m u q

О МОЙ КОРОЛЬ

Михаил Малков

О мой Король, я писем не пишу.
О мой Король, я писем не читаю,
не пью вина, жена моя — святая,
но мой Король,
я писем не пишу...

Неумолимый топится камин,
где письма убиенные сжигая,
из пепла
монументы воздвигаю,
но болью завершается азарт.

Не чёрный ворон выклевал глаза —
каминный дым (да бог с ним, с этим дымом...)
Горит бумага
в пламени камина,
на комнату отбрасывая тень.

Хочу
не покориться нищете,
и до темна преодолеть дорогу;
Быть со щитом,
возможно — на щите,
но всё-таки, осатанело — быть!
и верить в Бога,

И пить вино. Родные голоса
привычно узнавать в бумажном хламе;
Работать. Есть и спать. Ругать парламент;
Хочу быть верным (Господи, прости!..)

И, глядя в зеркало, не видя, ощутить
друзей безвременно
и временно
любимых,
и радоваться снимку над камином,
как нищий — сбережённому грошу...

Но мой Король,
я писем не пишу,
поскольку в той стране, где вязнут мысли,
никто не жжёт мои
чумные письма,
о мой Король, я писем не пишу.

Не пью вино,
поскольку нет вина,
и нет вины, есть истина простая —
она летит,
привстав на стременах...
О мой Король, я писем не пишу.
О мой Король,
я писем не читаю.

1992

ПАРОДИЯ. МИХАИЛУ МАЛКОВУ.

Евгений Гуров

«В гору катится телега,
На запятках пулемет...»

«Вот идет по земле человечек,
утопая в грязи, как в цветах...»

«С такими орг.моментами
нельзя без напряженности —
Они нас аргументами,
а мы их — убежденностью!..»

Мих. Малков

Однажды в студеную зимнюю пору
я из лесу вышел. Был сильный мороз.
Гляжу — поднимается медленно в гору
Телега, а в ней — ни рессор, ни колес.

И катит она мимо русских селений,
И мимо старинных церковных развалин.
А в телеге — читающий Энгельса Ленин,
А рядом — листающий Ленина Сталин.

Мы идем за телегою, след оросив
Алой кровью, в молчаньи глубоком.
Потому что в телеге был третий — Максим,
В нас глядевший свинцовым оком.

А мы к Максиму с аплодисментами,
На него мы глядим влюбленно так...
А он в нас — аргументами,
И очень убежденно так.

Так-так-так-
Так-так-так...

Вот опять упал человечек,
Утопая в цветах, как в грязи.
Нас Максим по-советски лечит,
Коль не можешь идти — ползи!

А гора с каждым годом — выше,
Устают впряженные кони...
Погонял тех лошадок — Миша,
Нет, не тот, кто сидит на троне.

А он по Волге — на теплоходе,
Едет в Африку, и не зря —
Ведь в Россию зима приходит
Двадцать пятого ноября.

1990

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Александр Катохин

Я пришел к себе на день рождения.
Нет восторга, если гость непрошен.
Не справлять пришел, а за прощеньем
За одну недожитую осень.

Дверь открыли — стало быть, простили.
Полон дом гостей, нет места в зале.
Их, как и меня, сюда впустили.
Их, как и меня, сюда не звали.

В черной тоге старая гадалка
Разложила медленно колоду.
Мне себя безмерно стало жалко,
Будто имениннику в угоду.

В ворожбе, как в смерти — нет спасенья!
Не надежно карточное счастье.
Как в поминки, мне на день рожденья
Раздавали пиковую мастью.

Шулерские трюки — не с судьбою.
— Погадать еще? — цыганка спросит.
Я святую тайну ей открою:
— Нагадай недожитую осень!..

— Нагадай! — и гости попросили
В нетерпении, дрожа в азарте...
...Я увидел, как на стол ложились
Из колоды пиковые карты.

* * *

Давно остывший чай
на февральском
столе.
Барометры мои
на нуле,
на нуле.
По камушкам раздал
дорогое
колье
проходим
в ночь.

С бредовым криком ноты
срываются
вниз,
На реке как бунтарь—
перечеркнутый
лист.
И в белых пузырях
полустон,
полусвист
гоню я прочь.

Поставлю песни
все
за обшарпанный цент,
открою и закрою
седьмой
континент,
не надо ни речей,
и ни траурных лент—
так
загадал.

Но может быть
однажды
вы поднимете тост,
за то, что дерзким был
и шагал
в полный рост,
семь шкур с себя спускал,
заплетая их в трос,
и вам
отдавал.

За то, что на панель
я не вышел
с ключом,
за то, что был кому-то
надежным
плечом,
за то, что мне гитара
щитом и мечом
всю жизнь
была.

За то, что чай остыл
на февральском
столе,
и что не пасовал
на нуле,
на нуле,
по камушкам роздал
дорогое кольцо
колоколам...

Александр Катохин
1989

* * *

Вдали пушистые леса,
А в них — зеркальные озёра.
Недосыгаема краса
Для моего скупого взора.

Сквозь листья в снежной скорлупе,
Деревья в мягком целлофане,
Вдоль по декабрьской тропе
Меня несли куда-то сани.

Несли в заоблачную даль,
Пейзажи чередой вертелись...
По-детски мне немного жаль,
Что не воспел я эту прелесть.

Александр Катохин
1991

ДЕТСТВО

Александр Катохин

Мне не забыть, наверное, той даты,
Когда весною яблони цвели,
Меня дорогой пыльной солдаты
Из детства под конвоем увели.

И грубые бесчувственные люди
Ломали мои руки за спиной...
Смешное детство, что с тобою будет?
Мы никогда не встретимся с тобой.

Нас разделяет выстрел автомата,
Собачий лай, бараки лагерей.
О детство, детство, ты не виновато,
Что мы расстались у стальных дверей.

Что мы с тобой идем по разным тропам,
Ты — в млечный путь, а я на лесосплав.
Я без тебя давно завяз в сугробах,
Все силы до последнего собрав.

Над сплавом мерно кружатся снежинки,
Холодным всплеском бесится река.
Давай вернемся в книжные картинки
И выстроим там замок из песка.

Но ты молчишь, дразнящее поссорив,
И вспомнишь, как гоняли голубей.
Дай бог, чтобы грядущею весною
Мы повстречались у стальных дверей.

1995

МОЛОКО УБЕЖАЛО

Михаил Малков

Александрю Катохину

Молоко убежало. Шипит, бежит молоко,
оставив хозяйкам пену. Белую пену.
Чувство меры утеряно. Нелепо и далеко,
из нескольких сотен кухонь
одновременно —

бежит молоко, собой заливая газ;
бежит из окон домов,
бежит из дверей столовых.
Бежит молоко.
И на сколько хватило глаз —
черпали его. Пытались вернуть назад.
Молоко убежало снова.

Бежит молоко,
минуя десятки ног,
убегая от рук бесконечным молочным змеем
я бы тоже пытался догнать его
если б мог,
но увы, не могу. Не хочу. Впрочем, всё это ложь —
не смею...

Бежит молоко. Горячей белой рекой,
холодной земле возвращая
былую юность.
...Мы читали про убежавшее молоко,
но не помнит никто, чтобы оно вернулось.

2 сентября 1995

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Михаил Малков

Александрю Катохину

Нет, коня пока не загнали.
Кинжал не загнали в грудь,
усталую крысу — нет, не загнали в угол.

Не беспокойте ворон.
Играть в такую игру
годится разве что для бессмертных пугал.

Всё остальное — смертно.

И значит — желает жить.
И конь.
И убийца.
И жертва в предсмертном крике;
усатая крыса; примятые
стебли ржи;
счастливый и гордый;
скупой;
невезучий;
великий.

Всё остальное —

движется по Земле,
цепляясь корнями за воду, еду, пространство;
ищет врагов и находит;
ворует;
сидит на игле;
просит удачи, покоя и
постоянства;

строит дома, разрушая дотла
города,
загоняет Коней
в поисках Единорога;
ищет смысл в созидании. Иногда
вдруг теряет всё
и находит
Бога.

...Живое — живым,
на вечные времена.
Идущие по камням,
по извилистым склонам,
мы на небо смотрим, только когда луна,
или когда
возвращаемся в центр
Циклона.

1 ноября 1995

АЛЕКСАНДРУ КАТОХИНУ

Михаил Малков

За печальным столом молчаливые люди сидят,
вспоминая меня,
как положено, только хорошим —
Как работу любил,
и как свет выключал, уходя,
как смешно говорил, и как спички стрелял у прохожих.

Одинокий поэт, не нашедший спасенья в вине,
погоди, помолчи,
пожалей непутёвого брата.
Здесь не скажет никто —
Господа, он погиб на войне,
здесь не скажет никто —
Господа, помяните солдата.

Сколько водки ни пей — не напиться тебе допьяна,
сколько душу ни режь —
не удастся сегодня заплакать.
Нам весна — не весна,
а война —
на то и война,
чтоб идти на войну, повинуюсь неясному знаку.

Пусть невидимый ветер холодным коснётся виска.
Дай мне, Господи, знать,
что не зря мы ходили в атаку,
что не дрогнут в пути
поредевшие за год войска,
и продолжится этот весёлый и страшный спектакль.

За печальным столом молчаливые люди сидят —
за печальным столом
водка выпита, песня допета...
Но смеются в ответ
ошалелые струи дождя
и солдаты Любви поздравляют друг друга с победой.

июль-ноябрь 1995

* * *

Я уверен — есть глобус планеты Земля,
Ну а есть ли где глобус Вселенной?
Может он в бесконечной душе у меня,
Может здесь — в голове моей брэнной.
Что-то стало твориться с моей головой —
То внезапная вспышка ослепит,
А то вдруг за далекой зеленой звездой
Слышно мне, будто лязгают цепи.

Я из собственной плоти исчез и проник
В мое темя, во чрево Вселенной.
И на самом далеком созвездьи возник
Ярким факелом старец согбенный.
Я спросил его: — Дедушка, кто ж ты таков,
страж ворот иль неведомый гений?
И ответил мне Старец: — Во веки веков
Я лишь пленник твоих прегрешений.

Он вознес свои руки и лязгнула цепь, —
Но в душе его не было гнева.
Я не мог в его чистую душу смотреть,
И исчез из вселенского чрева.
И с тех пор меня мучают стыд и тоска,
И вопрос мои мысли тревожит:
Как же вызволить мне из цепей старика
И свой век на столетья помножить.

Хоть бы Ангел-Хранитель ударил в набат
И втемяшил штыри в двери ада.
Жаждет смерти душа, как разбоя — пират,
Только мне этой смерти не надо.

Но когда мою душу отпустит земля,
И взлечу я, как чайка над верфью,
Вы придите ко мне и поздравьте меня —
За победу над собственной смертью.

Евгений Гуров
1995

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ... ПАРОДИЯ.

Евгений Гуров

Однажды Гуров сочинял пародию на очередную песню Малкова. Неожиданно он почувствовал, что за его спиной выросли крылья. От страха Гуров замахал ими и, не рассчитав силу нового приобретения, пробил головой потолок и оказался в открытом космосе. От страха он взмахнул крыльями еще раз, потом еще... и вдруг перед ним предстал бог.

— НЕТ ГУРОВ, ЭТО ТЫ ПРЕДСТАЛ ПРЕДО МНОЙ

— Ой, прошу прощения, Господи...—От страха он замахал крыльями и вдруг предстал перед богом.

— ТО-ТО

— Здравствуй, Гуров!

— Здравствуй, Господи...

— Видишь вон ту тропинку?

— Да.

— Иди по ней. Там рай. Живи в нем отныне и во веки веков.

Обрадованный Гуров пошел по тропинке, ведущей в рай, и вдруг у ворот рая заметил Апостола, в котором он узнал Малкова. Однако виду не подал, что узнал его, и говорит:

— Здравствуй, Апостол. Бог сказал, что мне — в рай...

— Ну, заходи — усмехнулся тот в бороду.

Ворота открылись, Гуров вошел и, когда они захлопнулись, увидел, что никакой это не рай, а теплица, в которой выращивают огурцы. Разгневанный, Гуров выбежал за ворота — там

никого не оказалось. Он побежал к тропинке, на которой стоял бог, но на это место вдруг подъехал трамвай. Гуров сел в трамвай и спросил доедет ли он до Посадской. Ему сказали, что доедет, и Гуров поехал домой дописывать пародию.

Е. Гуров. Невероятные истории из прошлой, настоящей и будущей жизни поэта Малкова и его друзей.

1995.

БАЛ

Евгений Гуров

Прощайте, моя белоснежная дева,
Мой демон, мой ангел, мой свет.
Последнюю песню для вас, королева,
Исполнит опальный поэт.
Последние рифмы вот-вот будут спеты,
А раньше их было не счесть.
Так пусть же летит за пределы планеты
Последний мой бал в вашу честь...

Приезжайте на бал, господин Кардинал,
В мое светское древнее царство,
только чур, без интриг и коварства.
Господин де Тревиль, вас тут ждет водевиль,
Женский пол так любим мушкетерами,
Только пол не царапайте шпорами.

И первой меня посетила Монсора,
Воздушный даря поцелуй.
У них с Монсоро вышла новая ссора —
Ревнует ее старый муж.

За ней следом — шпоры месье Де Артаньяна,
За ним — сильно пьяный Ла Моль,
А ближе к обеду (ни поздно, ни рано)
Подъехал светлейший Король.

О, мой светлый Король, в моем замке — Ла Моль,
Я прошу вас во времени бала, не устраивайте скандала.
Господин де Ла Моль, среди гостей — сам Король!
Он ревнивый, как мартовский кот,
Избегайте его, гугенот...

От выпитых вин в замке сделалось шумно,
Я всех угощал коньяком.
Мусолились речи с достоинством, умно,
Чтоб вас не сочли дураком.
Но вот просквозило восточною модой —
Хмельной де Бюсси за столом
Месье Монсоро обозвал Квазимодой
И старым ревнивым козлом.

Господин де Бюсси, часом вы не с Руси?
Выражаетесь в обществе светском, как барыга в коопторге
советском.
Господин Де Артаньян, вы один здесь не пьян,
И на вас глядя думают дамы, что не все вот такие здесь хамы.

На пьяном пиру, в этой пьяной малине,
В плену старосветских интриг,
Я вдруг замечаю синьора Челлини,
Он был одинок в этот миг.
Вот, право, друзья, наступила минута,
Покинувши пьяных ослов,
Я тихо промолвил: — Синьор Бенвенуто,
Для русских гостей пару слов.

Он сказал: — Как и ты, я тоже строю дворцы,
И слежу я всегда с одобреньем за перестройкой
и ускореньем.
Только разница в том — я для всех строю дом,
А у вас — кто блатной, тот и в дамки, а для смертных —
воздушные замки.

Под утро лежали по двое, по трое,
Кто вовсе, пардон, в неглиже...
И спали они, как в период застоя
Крестьяне на жирной меже.
Король же сказал мне, поправив корону:
— Я завтра поеду в ООН,
И выбью вам звание и титул барона
Хоть вы и советский шпион.

О, мой добрый Король, вы лишь призрачный ноль,
Сам не ведаю, сколько дней я пирую в кругу теней.
Замок, полный дворян, поутру превратится в туман,
И расстелится белым сном над давно уж советским Орлом...

1988–1995

* * *

Жене Гурову и Юрию Арустамову

Красивый человек стареет,
Теряет волосы и силы.
Красивый человек болеет
И умирает некрасиво.

И будто бы пунктиром, точкой,
Лучиной, тонущей во мраке,
Летит над перелеском тощим
Душа в цилиндре и во фраке.

Таким ненужным и никчемным
Ей кажутся теперь наречья,
Стихи, болячки, деньги, жены,
Слова и слезы человечьи.

И остается быть и небыть
За родниковой глубиной.
Перед глазами пыль и небо.
И пыль, и небо — за спиною...

Михаил Малков
2014

ОСЕНЬ В РИТМЕ ПОЕЗДА

Михаил Малков

Поезд ехал. И так внезапно
лето кончилось. Осень, осень.
Осень...
Листья летят с откоса.
Человек в телогрейке ватной —
мимо!.. Летит скорый поезд — мимо!..
День и ночь позади, светает.
Осень...
Теплая струйка дыма,
вылетая из легких, тает
в тесном тамбуре нелюдимом.

Осень.
Косточкой абрикоса
я от лета рукою влажной
отделен. Мне уже не важно
кто ты, где ты... стучат колеса,
выбивая мотив забытый:
(кто-уехал-да-кто-остался...),
остальное — детали быта.
Мимо
одноименных станций
всяк летит по своей орбите.

Мимо!
И да не откажет разум.
Мимо брошенных
деревень и судеб,
мимо осени, той, что судит,
той, что смотрит холодным глазом
на меня, сквозь дым папиросный.

Мимо!
(На-изго-товку, целься!..)
Кто быстрее — скорый поезд? Осень?
Остывают стальные рельсы.
Монотонно стучат колеса.

Убегает железный поезд...

Будем жи-и-и-ть!.....

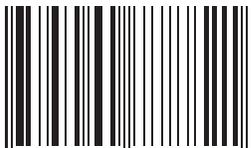
1994

Евгений Башта
Михаил Малков
Александр Катохин (Матвеев)
Евгений Гуров

ПО ГОЛОЛЕДУ

Стихи и песни

ISBN 978-5-00077-882-1

9 785000 778821 >

Подписано в печать 22.04.2019 г.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная BioTop3.
Печать цифровая. Заказ № 84429
Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru

